

ТВОРЕНІЯ СВЯТЫХЪ ОТЦЕВЪ

ВЪ РУССКОМЪ ПЕРЕВОДѢ,

ИЗДАВАЕМЫЯ

П Р И

Московской Духовной Академіи.

Томъ шестьдесятъ седмый.

СЕРГІЕВЪ ПОСАДЪ.

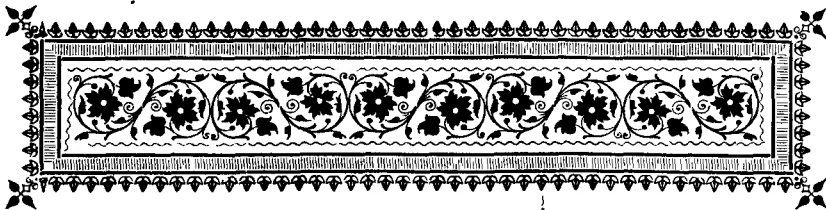
—
Типографія Св.-Тр. Сергіевой Лавры

1907.

ТВОРЕНІЯ
СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО НИКИФОРА

Архієпископа Константинопольскаго.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Святаго отца нашего
БЫВШАГО АРХІЕПИСКОПА КОНСТАНТИНОПОЛЬСКАГО
НИКИФОРА
РАЗБОРЪ И ОПРОВЕРЖЕНІЕ
невѣжественнаго и безбожнаго суесловія нечестиваго Мамоны¹⁾
противъ спасительнаго воплощенія Бога Слова.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ПЕРВОЕ.

Итакъ, мы совершили и закончили состязаніе въ прежнемъ нашемъ сочиненіи²⁾. Предшествовавшее изслѣдованіе посредствомъ Священнаго Писанія доказало, что вѣра христіанская чужда идольскаго нечестія, и посрамило *помыслившихъ и глаголавшихъ неправду въ высоту* (Пс. 72, 8), выставивъ на видъ ихъ безуміе. Теперь же мы снова приготовились перейти на другое поприще борьбы съ нечестіемъ. Такъ какъ, согласно прежде сказанному нами, враги истины

¹⁾ Разумѣется Императоръ Константинъ Исавріецъ, главный виновникъ собора 754-го года, отмѣнившіаго иконопочитаніе.

²⁾ Здѣсь разумѣется обширное „защитительное слово“, переведенное въ 1-й части твореній Никифора. Въ рукописномъ кодексѣ оно предшествуетъ сочиненіямъ противъ Константина.

воздвигаютъ двоякую брань противъ вѣры, то мы по примѣру ревнителя Финееса, вооружившись копьемъ Духа и пользуясь содѣйствіемъ самой истины, за которую сражаемся и подвигаемся и ради которой у насъ возникла настоящая война, однимъ ударомъ поразимъ Мадіанитское безбожіе вмѣстѣ съ Іудейскимъ невѣріемъ, то есть Манихейское неистовство съ Аріанскимъ безуміемъ.

1. Итакъ, если спросить ихъ, гдѣ и когда они видѣли христіанъ, поклоняющихся идольскимъ мерзостямъ, какъ богамъ, они не имѣютъ что отвѣтить, и приходятъ въ сильное замѣшательство, подвергаясь мучительнымъ обличеніямъ самой истины, со связаннымъ языкомъ и наполненною мракомъ душой. Съ другой стороны, сознавая, что чрезмѣрно грѣшатъ предъ Богомъ своими нечестивыми нападеніями на святыни, и понимая, куда ведетъ это (ихъ) поношеніе (святынь), они обращаются тогда къ слову „неописуемый“. Думая избѣгать крайности въ оскорбленіи, они измыслили и облеклись въ благоприличную личину тѣмъ, что усвояютъ Христу наименованіе „неописуемаго“. Въ этомъ они надѣются найти себѣ оправданіе, ибо если не подобаетъ дѣлать изображенія, то они повидимому избѣгаютъ обвиненія въ нечестіи за поруганіе святынь, что еще болѣе выказываетъ ихъ безстыдство. Безумцы умышляютъ сокрыть отъ Бога свое нечестіе противъ Него. На самомъ же дѣлѣ заблудшіеся скрываются отъ самихъ себя. Но обманывать себя есть вѣрный признакъ людей неразумныхъ и сбившихся съ пути истиннаго.

2. По прежнему и въ этой области нечестія они вѣрны самимъ себѣ, ибо не обрѣтеніе истины имѣютъ въ виду эти несчастные, но заблужденіе Мамоны принимаютъ, какъ правило и точное изложеніе дог-

матовъ. До такой степени они потеряли здравый разумъ и предались постыдствамъ, почему и утвердилось среди нихъ это безразсудное и пустое ученіе. Совершенно справедливо будетъ и нынѣ сказать о такъ мыслящихъ, что отъ *виноградовъ до Содомскихъ виноградъ ихъ, и розга ихъ отъ Гоморры: гроздь ихъ гроздь желчи, гроздь горечи ихъ* (Второз. 32, 32). Какъ бы почерпая непримѣсную горечь злочестія изъ этого ученія и опьяняя умъ сочиненными Мамоной баснями, они неразумно направляютъ языкъ овой на странную и бессмысленную болтовню. Послѣ долгой работы, испортивъ и поддѣлавъ много книгъ, подвергнувъ изслѣдованію мнѣнія весьма многихъ славныхъ отцевъ нашихъ, а также и сонма отгнанныхъ отъ церкви, при всѣхъ стараніяхъ извратить и подмѣнить ихъ, они не добились ничего. Тѣмъ болѣе они, подобно язычникамъ, ублажаютъ божескими почестями Мамону и, безразсудно слѣдуя его мнѣніямъ и взглядамъ, приѣмлютъ и привѣтствуютъ его, какъ своего роднаго. И особенно тѣ изъ нихъ, кои безразсудно стали во главѣ этого отступничества въ надеждѣ заслужить славу отъ этого позорнаго дѣла, принимаютъ это ученіе Мамоны безъ всякой провѣрки и изслѣдованія. Вѣдь зло легко, путь къ худу широкъ и плотоугодники удобопреклонны къ мірскимъ прелестямъ. Вслѣдствіе этого зло у нихъ увеличилось и они предали свое спасеніе, какъ бы одержимые заразною и душепагубною болѣзнію. По этой же причинѣ они привлекаютъ слово *неописуемый*, при помощи котораго коварно и лукаво стараются до самаго основанія ниспровергнуть божественное домостроительство Спасителя нашего. Выдвигая это слово противъ православныхъ и противопоставляя его имъ, какъ необоримую стѣну, они надѣются одержать верхъ, такъ

какъ, по ихъ мнѣнію, непринятіе (этого довода) принудить допустить раздѣленіе единой ипостаси во Христѣ. Но вѣдь ухищренія лжи разнообразны и многовидны: и вотъ они дѣлають видъ, что принимаютъ домостроительство, изъ опасенія (обвиненія) въ иномысліи, ограничиваясь только словами, на дѣлѣ же не только его отвергають, но считаютъ врагами и тѣхъ, кои держатся его, и отгоняють ихъ сурово, безъ всякой пощады

3. Что же можно заключать отсюда? Не иное что, какъ вполнѣ вѣрно подумать и сказать, что снова широко разверзлась Харибда Малеса предъ тѣми, кои плавають въ безуміи жизни, поглощаетъ цѣлые флоты душъ и, увлекая потерпѣвшихъ крушеніе, низвергаетъ ихъ въ бездну гибели.

4. Снова химера аріанскаго пламени, сожигая душепагубнымъ огнемъ безбожнаго ученія умъ неосмотрительныхъ и неосторожныхъ, истребляетъ ихъ.

5. Снова многоголовая гидра Акефаловъ и смутительнаго единомыслія Евтихитовъ или, вѣрнѣе, Докетовъ, для раздѣленія и гибели прекрасно объединеннаго тѣла Церкви, вырастила многообразные отпрыски ядовитыхъ порожденій. Вообще говоря, отъ совокупленія Манихейской ехидны и Аріанскаго аспида произошло какое-то новое двуглавое пресмыкающееся. Извѣстна уже одна такая скверная и гнусная секта Ипсистеріевъ, образовавшаяся изъ эллинскаго суесловія и іудейской лжи. Чудовище это подползло къ тѣмъ, кои презирають божественныя заповѣди и коимъ повелѣно уже охранять (отъ него) свою пятую, и влило сильный и пагубный ядъ въ души охотно внимающихъ этому ученію. А что Аріане составляютъ одно лжеученіе съ Манихеями, это мы ясно представимъ въ послѣдующемъ разсужденіи.

6. Для каждого ясно, что ихъ стараніе направляется къ тому, чтобы совершенно отвергнуть многолюдные и богоизбранные соборы славныхъ отцевъ нашихъ, чрезъ посредство которыхъ, вѣримъ мы твердо, подъ водительство дѣйствовавшаго и говорившаго въ нихъ Духа Святаго, для насъ содѣлалась яснѣе и вразумительнѣе истинность божественнаго таинства. Разумѣю соборы, кои были созваны: въ боголюбезномъ градѣ Никеѣ, митрополіи Вифинской,—соборъ, которымъ гордится городъ Халкидонъ,—соборъ, отмѣченный совершеннымъ числомъ, составляющій украшеніе Византіи и созданный для вѣщаго обличенія, искорененія и уничтоженія настоящаго нечестія,—а также (разумѣю) и опредѣленія и узаконенія, что подъ водительствомъ внушенія свыше провозгласили бывшіе на немъ святые отцы, **коими богومудро и вполне справедливо опредѣляется** воздвигать впредь честную икону Господа нашего Іисуса Христа въ человѣческомъ образѣ ¹⁾, о совершеніи чего извѣстно было уже издревле, ибо священное изображеніе это современно явленію Господа ²⁾,—**агнецъ же, который былъ принятъ, какъ образъ, съ явленіемъ** самой благодати уже не долженъ быть изображаемъ, ибо надлежитъ, чтобы древніе образы и сѣны, чтимыя нѣкогда какъ символы и предначертанія истины, были отмѣнены и чтобы мы имъ по всей справедливости предпочитали благодать и истину. Но прежде и больше всего они стараются устранить соборъ, **кимъ величается Ефесъ и который велегласно объявилъ Христа Бога нашего** описуемымъ по **человѣчеству** и связалъ страшнымъ проклятіемъ тѣхъ, кои не принимаютъ этого опредѣленія. Но нужно-ли го-

¹⁾ Разумѣется 82-е правило Трулльскаго собора.

²⁾ Изображеніе, посланное по преданію Спасителемъ Авгарю.

ворить о томъ, что они ниспровергаютъ соборы, когда они поносятъ даже все таинство домостроительства Спасителя и попираютъ наши обычаи, законы и святыни?

7. Безчинствуя противъ церкви Христовой и божественныхъ нашихъ догматовъ и отменяя все священное преданіе, они для подтвержденія своего суемудрія выставляютъ изреченія, выболтанныя противъ славы Единороднаго отцомъ ихъ невѣрія или, лучше и вѣрнѣе сказать, отступничества. Отсюда необходимо отвергнуть и всецѣло опровергнуть ихъ, какъ глупыя, какъ фальшивыя, какъ исполненныя гадости и вздора, какъ невѣжественныя, безразсудныя и полныя лжи, какъ несогласныя между собою, какъ противорѣчащія истинѣ и самимъ себѣ, обилующія всякимъ обманомъ и, говоря вообще, такъ какъ слово не можетъ исчерпать всей мерзости ихъ,—какъ невѣжественно и неразумно собранныя изъ превеликаго навоза и грязи. Противъ вещей для всѣхъ очевидныхъ, находящихся на виду всѣхъ и всеми признанныхъ, они такъ непристойно, дерзко и нечестиво возстаютъ, что для людей здравомыслящихъ являются скорѣе предметомъ смѣха, чѣмъ имѣющими какое-либо значеніе. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не достойно смѣха противиться самой природѣ вещей и воззрѣніямъ, которыя приобрѣли довѣріе и силу съ давнихъ временъ и у многихъ поколѣній, извѣстныхъ и прославившихся благочестіемъ, и съ тѣхъ поръ такъ утвердились въ умахъ всѣхъ, что ихъ приводятъ въ доказательство и подтвержденіе для полной убѣдительности рѣчи.

Если это такъ, то не слѣдовало бы совсѣмъ начинать опроверженія, чтобы намъ не показаться страдающими тѣмъ же, чѣмъ они,—и чтобы, осмѣивая

безразсудство и [невѣжество, намъ не подвергнуться подобному же обвиненію въ томъ, что занимаемся дѣтской болтовней. Человѣкъ, который старается опровергнуть подобныя (разсужденія), представляется скорѣе разрушающимъ домики, построенныя во время игры дѣтьми изъ песку, чѣмъ защищающимъ положенія, признаваемыя всѣми людьми здравомыслящими и чтущими истину. Но вѣдь они какъ бы по приказу хотятъ быть (считаться) мудрецами, хотя вовсе не стараются держаться истины, всѣми силами радѣютъ лжи и въ обширныхъ размѣрахъ пользуются издѣвательствомъ, болтовней и пустословіемъ на погибель многихъ,—и уловляютъ наиболѣе простыхъ, плѣняя многихъ вслѣдствіе необычайной ихъ тупости и неразумія, и такимъ образомъ увлекаютъ ихъ въ пропасть вмѣстѣ съ собою. Это соблазняетъ даже людей, считающихся очень умными и видныхъ, потому что соблазнъ часто касается и достойнѣйшихъ. Подобно смертоносной болѣзни, они можно сказать всѣмъ передаютъ свою погибель. Обольщаемые внѣшнею красотою ласкающихъ слухъ рѣчей, по невнимательности не замѣчая вырытой и прикрытой ямы, они неразумно и безславно попадаютъ въ сѣти невѣрія. Подъ (ложнымъ) видомъ христіанина, составившій эти сочиненія, безпощадно опустошалъ все истинно христіанское. Вотъ поэтому-то мы и не считаемъ неумѣстнымъ посвятить себя разбору этихъ сочиненій. Не откажемся изложить гнилыя, хрупкія, болѣе слабыя, чѣмъ паутина, ихъ разсужденія, противопоставляя имъ соотвѣтственныя доказательства истины, чтобы послѣ разоблаченія предъ всѣми ихъ нелѣпости люди благоразумные поняли ложь и мерзость ихъ и позаботились о своемъ спасеніи. Каждому, думаю, ясно, что эти совершенныя невѣжды и неучи заблуждаются

относительно словъ неизобразимый (*ἄγραπτος*) и неопи-
суемый (*ἀπερίγραφτος*), отождествляя эти слова, во
многомъ несходныя, о чемъ мы будемъ говорить
впослѣдствіи при обсужденіи ихъ различія и значе-
нія. Теперь же, вопреки ихъ неразумію и невѣжеству,
выступимъ собственно противъ положеній, выставлен-
ныхъ ихъ учителемъ. Будетъ ясно, что если рушатся
ухищренія виновника зла, то съ нимъ терпятъ не-
удачу и предпріятія приверженцевъ его ученія.

8. Наша рѣчь будетъ направляться одновременно
и противъ изобрѣтателя и отца этого театральнаго
догмата и противъ его приверженцевъ, легкомыслен-
ныхъ распространителей этого шутовскаго и обман-
чиваго ученія. Впрочемъ, пора уже перейти къ из-
слѣдованію ихъ положеній. При этомъ легко изобли-
чить выставляющихъ ихъ въ томъ, какъ много въ
этихъ положеніяхъ оказывается страннаго, придуман-
наго съ цѣлью обольщенія и обмана толпы, и на-
сколько они исполнены хулы. Мы опустимъ много-
словную и назойливую болтовню, предлагающую слу-
шателямъ множество фразъ, и выступимъ противъ
того, что представляется самымъ главнымъ въ ихъ
глупости. Не менѣе того обращаетъ на себя внима-
ніе, какимъ образомъ онъ обращается съ своею рѣчью
къ тогдашнимъ представителямъ священнаго сана.
Ведя рѣчь въ видѣ вопроса, онъ притворяется, будто
ищетъ рѣшенія своихъ недоумѣній, хотя напередъ
уже составленные взгляды свои предъявляетъ съ ве-
ликою властью, со всею смѣлостію и себялюбіемъ.
Положенія его таковы.

9. „Святая Божія соборная насъ всѣхъ христіанъ
Церковь приняла (по преданію) такъ исповѣдывать
Сына и Слово Бога: простымъ по природѣ, вопло-
тившимся отъ Пресвятой, Пречистой Госпожи нашей

Богородицы Приснодѣвы Маріи, не превратившимъ ни божества Своего въ плоть, ни Своей плоти, чрезъ возвышеніе ея (не превратившимъ) въ божество, но при объединеніи обоихъ естествъ въ неслитное единеніе божества и человѣчества, Онъ остается единымъ съ единою ипостасью, то есть двойственнымъ въ единомъ лицѣ, хотя всякій образъ обыкновенно представляется происшедшимъ отъ какого-либо первообраза“.

Таково предисловіе. Что же мы можемъ сказать на это? Такъ какъ рѣчь его обращается къ христіанамъ, то тотчасъ же и съ самаго начала онъ надѣваетъ личину христіанина, скрывая пока въ тайникахъ души свое лукавство и хитрость. Онъ хвалится, что хранить церковное преданіе, и представляется чтущимъ тайну домостроительства Бога Слова. Притворяется, что почитаетъ Пресвятую Дѣву какъ Матеръ Божію, которую въ другое время всячески старался представить недостойною почитанія, отвергая ея молитвы за насъ предъ Богомъ, коими, какъ подающими избавленіе, содѣвается спасеніе всѣхъ христіанъ, утверждающихся непоколебимыми надеждами. Этими притворными рѣчами онъ привлекаетъ къ себѣ расположение слушателей, чтобы чрезъ это получить возможность обмануть ихъ. Здѣсь оказываются совершенно точно исполнившимися на немъ слѣдующія священныя слова, гласящія: *стрѣла уязвляющая языкъ ихъ* (Іерем. 9, 8), *гробъ отверстъ гортанъ ихъ, языки своими льщашу* (Псал. 5, 10). Они убѣждаютъ по виду мягкими и пріятными словами, обольщая слухъ, но на самомъ дѣлѣ ранятъ какъ острыми стрѣлами души невѣждъ, глубоко поражая тяжелыми и неисцѣльными ранами. Упорно и злокозненно устремляясь противъ истины, онъ не дерзаетъ обнаруживать нечестіе тотчасъ же. Благоразумно онъ излагаетъ правое ученіе

съ цѣлью казаться мыслящимъ здраво и неукоризненно, замышляя овладѣть расположеніемъ большинства, чтобы потомъ, когда онъ будетъ изрыгать свое лукавство, явиться убѣдительнымъ и тѣмъ легче овладѣть повѣрившими его измышленіямъ. Но нужно смотрѣть не на слова, а проникать въ намѣренія. На самомъ дѣлѣ имъ поднимается брань противъ домостроительства Единороднаго. Здѣсь вздымается и усиливается Тифонъ нечестія, противопоставляющій нашимъ святымъ догматамъ свое зловѣріе. Вопреки всякому праву и священнымъ нашимъ законоположеніямъ онъ возстаетъ противъ того, чего ему не подобало касаться и что онъ не имѣлъ права разсматривать, съ яростію¹ и ненавистью устремившись противъ Церкви. Вѣдь всѣмъ извѣстны тѣ, кого Богъ поставилъ въ Церкви Своей, тоестъ указанные тайноводственнымъ ученіемъ великаго Апостола (Дѣян. XX, 28; ср. 1 Кор. 12, 28). Ему надлежало заниматься государственными и царскими дѣлами, но, возлюбивъ собственное плотоугодничество и страсти болѣе славы Божіей, толкаемый внушеніями своихъ руководителей, съ страшнымъ неистовствомъ поднялъ онъ руку противъ православныхъ, а языкъ свой изошрилъ противъ правой и непорочной вѣры нашей. Кто приложитъ вниманіе и тщательно разберетъ дѣло, тотъ легко пойметъ, что онъ не только противится истинѣ, но и недостойнымъ образомъ впадаетъ въ противорѣчіе съ самимъ собой.

10. „Святая Божія, говоритъ, и соборная всехристіанская наша церковь“. О какой церкви говоришь ты здѣсь?—спросить его кто-нибудь. Если ты въ суетѣ своихъ мечтаній и разсужденій вообразилъ какую другую и отдѣлилъ свою особую, то это будетъ твое искусственное созданіе. Если же ты говоришь о

Церкви нашей, то какъ здѣсь называешь святою ту, которую въ другое время ты постарался при помощи измышлений и злоухищреній выставить недостойною и нечистою служительницею бѣсовъ, поклоняющеюся мерзостнымъ идоламъ, и обвинилъ ее въ томъ, что она пріобыкла къ этому съ древнихъ временъ? Таковы изверженія твоего ума, такова дерзость твоего богоборнаго языка. Не только на словахъ, но и въ писменахъ, вездѣ оставилъ ты слѣды хуленія въ изобличеніе совершеннаго тобою беззаконія въ отношеніи къ Богу и людямъ. Зачѣмъ же ты украшаешь Церковь наименованіемъ святой и соборной, если хочешь защищать собственное ученіе и возставать противъ нашихъ божественныхъ догматовъ, объявляя ее идольскою и ставя рядомъ Бога и бѣсовъ? Не являешься ли ты самъ скорѣе идолопоклонникомъ? Опуская болѣе сокровенное, скажу: ты, прилѣпившійся къ міру, превозносимый мірскою славою, рабъ плоти и любострастія, временными и земными благами измѣряющій все блаженство, ни о чемъ не думающій кромѣ земного, не желающій искать славы въ упованіи на Бога и сохраненіи заповѣдей, отъ которыхъ заблудился, какъ преданный міру и страстямъ, ты потерялъ наслѣдованіе царства небеснаго и будешь отосланъ въ уготованное тебѣ судомъ Божиимъ мѣсто въ гееннѣ.

Ты обвиняешь христіанскую вѣру и осуждаешь въ безсиліи силу всесильнаго Бога, какъ будто Онъ не въ состояніи освободить родъ человѣческій отъ идольскаго заблужденія. Все это ты дѣлаешь для того, чтобы ранѣе избѣжать обнаруженія ничтожества и мерзости твоихъ мыслей и коварно скрыть свой позоръ.

Поэтому ты подрываешь лозу Христову, которую

Онъ вывелъ изъ духовнаго Египта и избавилъ отъ дѣланія кирпичей изъ грѣховной глины и отъ невидимыхъ надсмотрщиковъ, какъ вепрь лѣсной, и объѣдаешь ее, какъ полевой звѣрь (Пс. 79, 14). Неистовствуетъ онъ противъ нея нисколько не менѣе, чѣмъ неистовствовалъ противъ племени Іакова жестокосердый и ненавистный надсмотрщикъ Египетскій или тиранъ и надменный властитель Вавилонскій. Вѣдь и ты, устремившись противъ наслѣдія Христова, удѣла избраннаго и особенно противъ наиболѣе ревностной (въ вѣрѣ) части его, и подвергнувъ нестерпимымъ и многообразнымъ мученіямъ, довелъ истязанія до убійства. Это служить первымъ доказательствомъ твоего безумія.

11. Потомъ: „приняли такое исповѣданіе“. Здѣсь мнящій себя мудрѣйшимъ всѣхъ или говоритъ то, чего не понимаетъ, или же опять намѣренно хочетъ обмануть кого-то. И я не знаю, надо ли обвинять его въ глупости или въ злодѣйствѣ. Пусть же выслушаетъ. Ты опять ссылаешься на преданіе? Такъ что же? Развѣ ты не принимаешь прежде всего древле и изъ начала преданные святыми апостолами и достойными отцами нашими и содержимые въ истинно-соборной и апостольской церкви обычаи, преданные какъ письменно такъ и устно? *Стойте убо*, говоритъ святой апостолъ въ одномъ изъ посланій, *и держите преданія, имже научистесь или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Тесс. 11, 14), ибо и въ томъ и въ другомъ преданіи есть равная сила и доказательность. И развѣ рѣчи эти не рѣчи безумца и глупца — относительно одного и того же предмета въ одномъ случаѣ принимать преданіе, а въ другомъ отвергать? Почему этотъ умникъ, пытаясь такъ богословствовать, не уразумѣлъ, что церковь Христова, вмѣстѣ съ другими

всѣми достопочитаемыми и священными предметами, приняла изначально и доселѣ сохраняетъ непрерывное почитаніе честныхъ иконъ и подобающее имъ поклоненіе? Но это обычно, что самоувѣренность, порокъ тяжкій и общераспространенный, ошибается въ самомъ главномъ. И здѣсь (Мамона) обманываетъ или себя или тѣхъ, кого думаетъ убѣдить. Но нужно обращать вниманіе не на слова, которыми онъ пользуется для обмана другихъ, а цѣнить его поведеніе и дѣла, которыя онъ замыслилъ и совершилъ противъ святыхъ.

12. Потомъ прибавляетъ: „ни божество (Свое) не Измѣнилъ въ плоть, ни плоть не получила возрастанія въ божество“. Здѣсь онъ ясно показываетъ, что заблуждается относительно воплощенія Слова и мало по малу начинаетъ обнажать свое лукавство. Онъ не приписываетъ плоти неизмѣняемости въ томъ же смыслѣ, въ какомъ это дѣлаетъ въ отношеніи къ божескому естеству, хотя и думаетъ убѣдить кого-то, что онъ признаетъ плоть. Зачѣмъ въ такомъ случаѣ было ставить слово *возрастаніе* (*αἰξος*) вмѣсто *неизмѣнности*? Но совершенно отвергая свойства плоти, онъ выставляетъ на видъ свое зломысліе. „Но такъ какъ, продолжаетъ, два естества соединились въ неслитное единство какъ божества такъ и человѣчества, то по ипостаси это Одинъ и Тотъ же, — двойственное въ единомъ лицѣ“. И здѣсь онъ обманываетъ самого себя, но не людей, разумѣвающихъ смыслъ того, что слышать, и имѣющихъ разумъ. Если бы онъ правильно понималъ (неслитность), то за чѣмъ бы ему тогда и не раздѣлять правильно? Если бы онъ исповѣдовалъ, что соединившіяся во Христѣ природы остались неслитными, тогда онъ безъ всякаго сомнѣнія призналъ бы ихъ и неизмѣнными? Иначе какимъ образомъ онъ

можетъ допускать, что свойства одного естества, то-есть Слова, сохраняются въ неизмѣнности, а свойства другого естества, то-есть плоти, онъ отрицаетъ (и считаетъ за) какъ бы умаленныя? Это невозможно для человѣка, который считаетъ естества неизмѣнными и неслитными, ибо если онъ утверждаетъ, что одно потерпѣло измѣненіе въ своихъ свойствахъ, то долженъ признать это и относительно другого. И мы всѣ какъ исповѣдуемъ Христа совершеннымъ Богомъ, пребывающимъ въ образѣ Божіемъ то-есть въ сущности Бога, такъ же и вѣруемъ, что Онъ, принявъ нашъ зракъ раба, есть совершенный человѣкъ безъ всякаго недостатка. Такъ и церковь наша согласно божественно преданному намъ изъ проповѣдей апостольскихъ и ученій отеческихъ, исповѣдуя естества неизмѣнными и неслитными, ясно провозгласила свойства каждаго изъ нихъ тѣмъ, что есть то и другое. Поэтому онъ напрасно думаетъ, что опирается на ученіе церкви, ибо и въ данномъ случаѣ онъ изобличается мыслящимъ вопреки ему, слѣдуя за своими учителями Акефалами, изъ которыхъ нѣкоторые повидимому принимаютъ естества, но всѣ они совершенно отвергаютъ и отрицаютъ ихъ свойства.

Послѣ того онъ безъ всякаго порядка и связи открыто и горячо высказываетъ сокрытую въ глубинѣ души ненависть противъ всего, что изображаетъ и представляетъ намъ человѣческій образъ Христа Спасителя нашего.

13. Онъ говоритъ: „хотя всякій образъ считается произведеніемъ какого либо первообраза“. Съ чѣмъ можно сравнить это? Развѣ не подобаетъ сказать, что у него, подобно кузнечному мѣху отъ закрытаго и нагнетаемаго воздуха вздулась утроба, какъ у того говоруна Вузитянина, который излагалъ укоризну ве-

ликому Авситянину (Иова гл. 32). И Мамона далѣе оказалась не въ состояніи скрывать въ себѣ свою злобу. Теперь онъ послѣ долгихъ мукъ разрѣшился горькимъ выкидышемъ нечестія и сталъ изрыгать злобу, которую прежде казался скрывающимъ подъ покровомъ притворства. Это онъ высказалъ, не соображаясь съ связностію рѣчи, и тѣмъ показалъ, что онъ насильственно сдерживался и притворялся въ прежнихъ своихъ рѣчахъ. Его утроба лопнула бы, еслибы онъ не извергнулъ этихъ словъ вопреки порядку, стройности и послѣдовательности изложенія. Пошутивъ немного на сценѣ и осмѣявъ то, что только что лицедействовалъ, онъ возвращается къ своему настоящему состоянію и дѣлается самимъ собой.

14. Старинная басня рассказываетъ о воронѣ, которая украсила себя чужими перьями и тѣшила^{сь} этимъ. Но вотъ подулъ на нее вѣтеръ, разсѣялъ подложное благообразіе, удалилъ чужое и обнаружилъ неприглядность вороны. Нѣчто подобное, кажется мнѣ, случилось и съ Мамоной. Преобразивъ себя при помощи нѣсколькихъ чужихъ (для него) изреченій православной вѣры, отъ дуновенія противной ему силы, немного спустя, выставилъ на показъ позоръ своего ученія. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ не ясно для всѣхъ, что онъ борется со славой Христовой, угрожаетъ ей и неистовствуетъ противъ воплощенія Слова? Раньше, чѣмъ начать говорить объ иконахъ, онъ излагаетъ ради лучшаго построенія своей рѣчи въ нѣсколькихъ изреченіяхъ свои взгляды. Замѣтите здѣсь, какую связь это имѣетъ съ предшествующимъ. Сказавъ раньше объ естествахъ и ипостаси, онъ тотчасъ, понуждаемый дерзостію и страстію, безъ всякой связи пере- скакиваетъ къ иконамъ и первообразамъ, чтобы тѣмъ ясно показать, что все его сочиненіе съ начала до

конца направлено къ поруганію вмѣстѣ съ священными символами нашей вѣры всего домостроительства Христа Спасителя нашего и даже къ отверженію самого Христа. Разъ начавъ преслѣдовать такую цѣль, онъ дѣлается настойчивъ, сурово и строго выполняетъ планъ своего сочиненія. Онъ пользуется общимъ опредѣленіемъ, чтобы дать видъ, что ведетъ рѣчь объ образѣ вообще,—чрезъ это остаются внѣ подозрѣнія для многихъ, а между тѣмъ говоритъ о томъ, что онъ задумалъ.

15. А именно онъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляетъ: „и если (изображеніе) хорошо, то оно является единосущнымъ изображаемому“. Итакъ, изображать Христа обыкновенно ты не запрещаешь, ибо Онъ субстанціально отличенъ отъ изображенія: одно есть Христосъ, а другое матерія, изъ которой изготовляется изображеніе. Не смѣшно ли доказывать это? Но опьяненный хмѣлемъ невѣрія и приведенный въ нейстовство безбожіемъ, онъ высказалъ то, чего не сказалъ бы ни одинъ изъ лицедѣевъ и шутовъ, которыхъ многіе ради смѣха бьютъ по щекамъ. Все это конечно вздоръ и праздный трудъ его. Но есть столь неразумные и невѣжественные, что имъ представляется нѣчто достойнымъ вниманія въ этомъ. Вслѣдствіе этого мы считаемъ себя вынужденными заняться изслѣдованіемъ совсѣмъ ненужнымъ, ибо что нелѣпѣе и неразумнѣе сказаннаго имъ? Вѣдь это не можетъ быть рѣчью людей, сохранившихъ порядокъ въ своихъ мысляхъ. Еслибы онъ имѣлъ въ виду естественный образъ, который противопоставляется искусственному,—каковымъ (естественнымъ образомъ) мы называемъ Сына въ отношеніи къ Отцу, то его слова можетъ быть и имѣли бы какое либо значеніе. Но онъ провалился, неразумно употребивъ тутъ слово

изображеніе (*απεικασμα*), ибо здѣсь нѣтъ нужды въ изображеніяхъ и въ предметахъ, чувственно воспринимаемыхъ. Говорить въ данномъ случаѣ объ изображеніяхъ невозможно: это неразумнѣе и нечестивѣе, чѣмъ раньше имъ сказанное. Эти нелѣпости и противорѣчія въ его рѣчи вполнѣ выказываютъ его.

16. Теперь, такъ какъ онъ завелъ рѣчь объ изображеніяхъ и искусственныхъ образахъ, которые изготовляются изъ надлежащихъ матеріаловъ при помощи извѣстныхъ пріемовъ людьми, занимающимися этимъ искусствомъ, кто изъ здравомыслящихъ въ состояніи слышать, когда онъ говоритъ, что и изображеніе и образъ единосущны первообразу? Прежде всего онъ заблуждается въ томъ, что отождествляетъ сущность и искусство, хотя они весьма отличны другъ отъ друга. Творецъ и Устроитель міра Богъ **вызываетъ** природу изъ небытія къ бытію. Искусство подражаетъ природѣ, но не одно и то же съ нею; оно беретъ формы природы, какъ образцы и первообразы, выполняетъ нѣчто подобное и похожее, какъ это можно видѣть на многихъ произведеніяхъ. Затѣмъ Мамона противорѣчитъ здравому смыслу и тѣмъ, что считаетъ одушевленное ни въ чемъ неотличнымъ отъ неодушевленного и признаетъ то и другое единосущнымъ. Такъ какъ, напримѣръ, человѣкъ есть существо одушевленное, то и портретъ его и изображеніе должно быть такимъ же,—а также краски и прочій бездушный матеріалъ, изъ котораго изготовленъ портретъ, отъ человѣческой природы не отличаться. Соотвѣтственно такому разсужденію, и то и другое должны имѣть общее опредѣленіе и обладать одинаковымъ единосущіемъ. Какъ человѣкъ въ отношеніи къ человѣку подпадаетъ одному и тому же опредѣленію, такъ же точно и изображеніе. И если человѣкъ есть живот-

ное словесное, смертное, обладающее разумомъ и наукою, то и изображеніе есть точно также существо словесное, смертное, обладающее разумомъ и наукою, не различающееся ничѣмъ. Но никакое подобіе не можетъ достигать до полнаго совершенства истины, говоритъ сама истина съ знаменитыми богословами ¹⁾. И въ самомъ дѣлѣ, мы знаемъ, что даже одинъ и тотъ же человѣкъ различается въ себѣ, ибо состоитъ изъ двухъ природъ, то-есть изъ тѣла и души, хотя и представляетъ собою нѣчто единое. И каждая изъ составныхъ частей имѣетъ собственное опредѣленіе: одно существо—душа, другое—тѣло, при многообразныхъ различіяхъ ихъ въ частныхъ проявленіяхъ. Мы сложны, но мы и противоположны и въ себѣ самихъ и въ отношеніи къ другимъ. Мамона же думаетъ, что изображенія ни чѣмъ не отличаются отъ того, изображеніемъ чего служатъ, и имѣютъ съ предметомъ изображенія совершенно одну и ту же природу и сущность. Но тогда зачѣмъ же говорить о портретѣ и изображеніи, если они не отличаются между собою различіемъ природъ? Итакъ, совершенно разошелся съ истиной этотъ мудрецъ и весьма удалился отъ пониманія вещей. Поэтому слѣдуетъ сказать ему слѣдующее: развѣ ты не замѣтилъ, великій философъ, что и здѣсь ты запутался въ собственныхъ построеніяхъ? Такъ какъ согласно твоимъ словамъ образъ долженъ быть тождественъ съ первообразомъ и такъ какъ ты самъ признаешь, что образъ описуемъ,—да и нѣтъ такого безумца, который бы не призналъ этого,—то и первообразъ, какъ единосущный ему, долженъ быть описуемъ. Вѣдь единосущные предметы, по отношенію именно къ существу, отнюдь

¹⁾ Разумѣется слово Григорія Богослова 23-е, § 11.

нельзя различать другъ отъ друга, а между тѣмъ описуемость и неописуемость ты понимаешь именно въ отношеніи къ сущности. Если таково твое ученіе, то сооруженіе твое разрушено, ухищренія твои поражены пращей истины и совершенно уничтожены браннымъ оружіемъ. Такъ и слѣдовало, чтобы у этихъ новоявленныхъ учениковъ были такіе учителя и чтобы съ такого поля выросли такіе плоды, худшіе изъ худшихъ, скверные изъ скверныхъ.

17. Настаивая на той же мысли, или точнѣе безсмыслицѣ, онъ говоритъ: „чтобы онъ (образъ) удерживалъ цѣлое (всѣ черты первообраза), иначе это не образъ“. Это также есть дѣло его безумія и глупости. Люди, обладающіе здравымъ разумомъ и не утратившіе способности къ правильной рѣчи напротивъ скажутъ скорѣе, что если удерживается цѣлое, то это уже не образъ, а есть само изображаемое, между коими тождественность является только по виду, но не по предмету (существу). Мамона же думаетъ, что если образъ неодушевленъ, лишенъ движенія и не имѣетъ всего, что принадлежитъ первообразу, то онъ не есть уже образъ. Если же не таковы признаки образа, то у него совсѣмъ уничтожается понятіе образа. Что же отсюда слѣдуетъ? Что одному и тому же въ одно и то же время приходится быть и однимъ и двумя,—но образы и первообразы познаются въ отношеніи другъ къ другу: тотъ подобенъ этому, а этотъ тому. Можно, напримѣръ, о какомъ-либо человѣкѣ сказать, что портретъ похожъ на него, но не человѣкъ похожъ на портретъ. Въ противномъ случаѣ допускалось бы превращеніе и смѣшеніе названій, такъ что можно было бы одинаково и безразлично говорить о человѣкѣ образа, а не только объ образѣ человѣка, и кромѣ того недоумѣвать при этомъ, что

изъ двухъ является главнымъ и первымъ. Все это ясно показываетъ умъ Мамоны. Развѣ это не есть изобрѣтеніе пустой и сбившейся мысли? Столь невѣжественный относительно природы вещей, далеко отбившись отъ истины, онъ подвергается опасности быть обвиненнымъ въ томъ, что все это не лучше вздора, распѣваемаго во время долгихъ собраній въ гинекеяхъ пьяными старухами.

18. Итакъ, у него нѣтъ ни искры вѣры, ни капли логики. Да и откуда у него явится понятіе о причинѣ и причиняемомъ, или о сравненіи подобнаго? или можетъ ли разсуждать о сообщающемъ и сообщаемомъ, а равно и о неодинаковости и различіи? (Для него не имѣетъ никакого значенія то), что мыслится по отношенію къ природѣ въ образѣ и первообразѣ, что представляетъ намъ съ одной стороны отношеніе и качество ихъ, а съ другой—различіе субъекта (предмета). Принимая ихъ оба за одно и то же, онъ по неумѣнію изслѣдовать вещи совершенно упразднилъ понятіе образа, что недопустимо. Такимъ образомъ онъ подмѣнилъ самую природу вещей. Но мнѣ кажется, что и самъ я поддаюсь вмѣстѣ съ нимъ невѣжеству, упрекая его за то, о чемъ онъ никогда не имѣлъ понятія. Мнѣ представляется, что я дѣлаю тоже, какъ если бы кто рѣшился преподавать земледѣльцу или чернорабочему отвлеченныя науки. Какое дѣло до логическихъ правилъ челоуѣкоубійцѣ и невѣждѣ, челоуѣку, улаждающемуся христіанскою кровію, утѣшающемуся псами и свиньями, коимъ онъ отдавалъ большую часть своего времени? Откуда ему научиться заботѣ о догматахъ и какъ ему овладѣть этимъ сложнымъ знаніемъ, занимаясь такими вещами? Оставляемъ теперь рѣчь объ остальной его жизни, о чемъ и говорить стыдно, а слышать еще стыднѣе и

вреднѣе. Кто видѣлъ когда-либо человѣка—любителя охоты, выслѣживающаго подобно псамъ и звѣрямъ слѣды вепрей и оленей, преданнаго страстно конскимъ бѣгамъ, цѣнящаго ихъ, какъ благовонное миро, правильно и здраво обсуждающимъ возвышенные догматы религіи? Легче повѣрить, что работающій весломъ изучаетъ горшечное производство или земледѣліе и что одѣтый въ латы служить морякомъ вмѣсто того, чтобы быть въ рядахъ тяжеловооруженныхъ, чѣмъ чтобы человѣкъ, выпачканный навозомъ и невыразимой скверной, съ окровавленными руками, необузданнымъ языкомъ и гнилымъ умомъ, могъ касаться божественныхъ догматовъ и говорить о божественныхъ тайнахъ, кои открываются вышнею благодатію, чистымъ сердцемъ и достойнымъ приближаться къ Богу.

19. Но объ этомъ мы говорить не будемъ болѣе. Опуская нѣкоторыя неприличныя и возмутительныя мѣста въ его сочиненіи, мы перейдемъ къ тому, что представляется болѣе важнымъ. „Мы спрашиваемъ у васъ,—говоритъ онъ,—какъ возможно, чтобы Господь нашъ Іисусъ Христосъ, будучи однимъ лицомъ при неслитномъ единеніи изъ двухъ естествъ—матеріальнаго и нематеріальнаго, писался, то-есть изображался?“ Мамона, заранѣе подготовившій всѣ свои замыслы при помощи власти, которая по Божію попущенію была дарована ему, обращается съ вопросомъ къ лицамъ священнаго сана, которыхъ заключеніями и темницами, угрозами и другими разными устрашеніями преклонилъ слѣдовать своей волѣ. Итакъ, онъ спрашиваетъ, можно ли писать Христа, состоящаго изъ двухъ естествъ—матеріальнаго и нематеріальнаго? Обнаруживается и здѣсь пустота и нескладница въ его рѣчи и то, что онъ дѣлаетъ выводы, противорѣчащіе

его посылкамъ. Если бы онъ заботился объ истинности святыхъ догматовъ нашихъ, то ему надлежало прямо вступить на царскій путь и предпринять точное изслѣдованіе нашего таинства (домостроительства). Такъ какъ онъ началъ говорить о матеріальной и нематеріальной природѣ, предметахъ совершенно противоположныхъ другъ другу, то онъ долженъ былъ точно и опредѣленно указать присущія каждому члену противоположенія свойства, наблюдаемыя въ той и другой природѣ. И если нематеріальному принадлежить неопиcуемость, какъ и онъ потомъ скажетъ, равно какъ безобразность и безвидность или еще что подобное и соотвѣтственное этому, то совершенно необходимо, чтобы и матеріальному, какъ полной противоположности нематеріальнаго, были приписаны противоположные признаки, то-есть опиcуемость, образность, видимость и тому подобное, дабы противоположеніе было представлено какъ слѣдуетъ и безупречно. Тогда бы онъ понялъ, что изображать Христа возможно, болѣе того—согласно съ истиной и благочестиво. Но ни о чемъ подобномъ онъ не заботился. Своихъ словъ онъ не подвергалъ надлежащему обсужденію, а только своею властію содѣйствовалъ заблужденію своихъ руководителей. Иначе онъ сказалъ бы, что матеріальное изображаемо и опиcуемо. Но какъ тому, кто держался за плугъ, у мудреца усвоилось неразуміе, такъ ничтожество и глупость достанутся этому виновнику гнуснаго предпріятія. Онъ противорѣчитъ истинѣ и самому себѣ, не понимаетъ ни того, что говоритъ, ни того, о чемъ утверждаетъ, поступая такъ по невѣжеству своему и глупости.

20. Затѣмъ, онъ дѣлаетъ видъ, что признаетъ неслитное единеніе въ лицѣ Христа двухъ противоположныхъ естествъ согласно ученію отцовъ: „Богъ.

говорятъ богословы, послѣ воспріятія (человѣческаго естества) представляетъ единство (состоящее) изъ двухъ противоположныхъ естествъ“. Какимъ же образомъ онъ удержитъ неслитность, если то, что свойственно по существу одному изъ естествъ, онъ приписываетъ обоимъ? Это невозможно. Не могутъ свойства, присущія божескому и превышнему естеству, природно перейти къ нашей этой земной сущности. Нематеріальная природа не можетъ быть тождественна съ матеріальною по своимъ свойствамъ, совершенно отдѣльнымъ другъ отъ друга. Непризнающій этого допускаетъ не что иное, какъ то, что противоположное и многимъ другъ отъ друга отличающееся начало соединяется по природѣ въ одно и то же и смѣшивается, сливается и превращается одно въ другое, и такъ, что естества, вслѣдствіе объединенія въ одну ипостась, или оба неописуемы ради Слова, или оба описуемы ради плоти, или, что точнѣе, ни то, ни другое, а образуется нѣкоторый другой видъ сущности, который произвело сліяніе и измыслило легкомысліе Мамоны. Въдѣ сліяніе есть нѣчто такое, что уничтожаетъ соединяющіяся части и ни одну изъ нихъ не сохраняетъ въ чистомъ видѣ, такъ что въ Немъ не осталось ни божества, ни человѣчества. Итакъ, ему нельзя говорить о неслитности, если онъ не припишетъ каждому изъ естествъ отдѣльно особенностей, которыми они обладаютъ по существу. И какъ можно допустить, чтобы составленное изъ нѣкоторыхъ противоположностей именовалось или познавалось по названію, принадлежащему одной изъ этихъ частей? Въ приложеніи къ занимающему насъ ученію необходимо держаться точныхъ выраженій и называть или все описуемымъ или все неописуемымъ. Поэтому, напримѣръ, человѣкомъ или человѣческимъ естествомъ

называется не одна душа и не одно тѣло, но цѣлая (совокупность) изъ обоихъ есть человѣкъ. Точно также и домомъ нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ и самихъ по себѣ камень или дерево, или все иное, изъ чего онъ состоитъ. Въ настоящемъ случаѣ слѣдуетъ воздержаться отъ антидотическаго, синекдохическаго или другого какого-либо тропическаго употребленія словъ, какъ не соотвѣтствующаго точному значенію словъ. Это должно быть соблюдаемо и въ словоупотребленіи о Христѣ. Какъ мы не называемъ Его ни только богомъ, ни только человѣкомъ, потому что Онъ есть то и другое, такъ не можемъ называть Его ни только неопикуемымъ ради Слова, ибо Онъ не Слово только,—ни только опикуемымъ ради Его человечества, ибо Онъ не человѣкъ только. Но точно и собственно о Немъ должно говорить и то и другое. Такъ какъ Онъ одинъ и тотъ же есть вмѣстѣ и Богъ и человѣкъ, то одинъ и тотъ же Онъ въ одно и то же время и опикуемъ и неопикуемъ. Истинность этого доказывается и отъ противоположнаго. Различнымъ природамъ никогда не могутъ принадлежать одни и тѣ же признаки. Свойство безсмертія и невидимости нельзя одновременно приписывать душѣ и тѣлу. То же и въ противоположномъ случаѣ: смертность и видимость нельзя приписывать обоимъ. Точно также нельзя благочестно говорить о неопикуемости обоихъ естествъ во Христѣ. Отсюда такъ мыслящій и разсуждающій оказывается безбожникомъ и невѣждой.

Затѣмъ онъ говоритъ слѣдующее: „такъ какъ Онъ имѣетъ съ Своею плотію соединеннымъ и другую нематеріальную природу и съ этими двумя природами пребываетъ единымъ, и такъ какъ лицо Его или ипостась Его неотдѣлимо отъ двухъ природъ, то

мы не допускаемъ, чтобы Онъ могъ быть описуемъ, такъ какъ и изображаемое есть единое лицо и потому описывающій лицо это очевидно описываетъ и божескую природу Его, которая неопишима“. Дошелъ храбрецъ до самаго главнаго въ своей рѣчи. Онъ очень тѣшится и гордится этимъ разсужденіемъ, такъ какъ считаетъ его неотразимымъ и неопровержимымъ. Это умозаключеніе въ глазахъ людей недалекихъ и неразумныхъ приобрѣло силу и значеніе и всюду повторяется, какъ будто легче летать въ выси по воздуху, чѣмъ избавиться отъ сѣтей этихъ словъ. Думаютъ, что оно обладаетъ непобѣдимой силой и неопровержимо. Выставляя его какъ пугало, они наводятъ страхъ на тѣхъ, которые внимаютъ имъ безъ разсужденія и изслѣдованія, связываютъ ихъ неразрывными оковами. И эти послѣдніе, невольно увлекаемые кажущеюся въ нихъ убѣдительностію, соглашались съ ними. По истинѣ они напояютъ ближняго развращеніемъ мутнымъ (Аввак. 2, 15) и *глаголютъ отъ сердца, а не отъ устъ Господнихъ* (Іер. 23; 16). Но и здѣсь они уловляются собственными сѣтями и опровергаются путемъ превращенія доказательствъ. Удивленія достойны слабость и ничтожество тѣхъ невѣждъ и безумцевъ, которые надѣются на силу и крѣпость такихъ доводовъ. Прежде всего тупость ихъ сказывается въ томъ, что они смѣшиваютъ слова *ῥαπτή* и *περιῥαπτός*: о чемъ раньше этотъ непобѣдимый и страшный писатель говорилъ *ῥαφειδά*, теперь онъ употребляетъ *περιῥαφειδά*, не зная и не допуская никакого различія между этими словами, какъ сказано уже. И нѣтъ ничего удивительнаго, если они этого не знаютъ и ошибаются. Поэтому мы должны выступить противъ этихъ именно, столь мудрыхъ и искусныхъ, разсужденій. Но относительно

лица и ипостаси, которую и сами они повидимому признаютъ, такъ какъ полагаютъ ее въ основу своего ученія, опираются на нее, какъ на неподвижный фундаментъ и въ ней почерпаютъ смѣлость усердно богословствовать,—то въ этомъ пунктѣ они согласны и единомысленны съ нами. Споръ у насъ будетъ относительно естествъ, которыя на словахъ они признаютъ, но въ дѣйствительности и на дѣлѣ ясно отвергаютъ. Отрицая присущія имъ природныя свойства и отличія, которыми они характеризуются и по которымъ познаются, а именно описуемость человѣческой плоти и природы, какъ болѣе всѣхъ другихъ принадлежащее имъ свойство, они тѣмъ отвергаютъ и самыя естества.

Отлагая обсужденіе этого, прежде всего слѣдуетъ разсмотрѣть, выдерживается ли ими правильное понятіе объ ипостаси. Итакъ, мы говоримъ, что если бы ипостась во Христѣ была чѣмъ-либо простымъ и несложнымъ, совершенно отрицающимъ всякую сложность, то вы могли бы приписывать Ему неопикуемость, ибо такова природа простого,—согласились бы съ этимъ и мы, и предметъ спора исчезъ бы. Если же она есть нѣчто двойственное и сложное, представляющее соединеніе изъ двухъ природъ, какъ утверждаетъ и самъ Мамона, то что скажемъ противникамъ истины? Кромѣ того, если, по вашимъ словамъ, въ виду того, что одно изъ естествъ во Христѣ—божеское признается неопикуемымъ, необходимо ради единого лица и единенія двухъ естествъ во одну ипостась и другому изъ нихъ, то-есть нашему, быть неопикуемымъ,—ибо вы не настолько безумны, чтобы считать его неопикуемымъ само по себѣ,—то что же воспрепятствуетъ намъ прибѣгнуть къ вашему способу умозаключеній, здраво воспользоваться обраше-

ніемъ ихъ въ возраженіе противъ васъ самихъ и сказать слѣдующее: такъ какъ одно изъ естествъ—человѣческое описуемо, что признается всѣми, имѣющими разумъ, такъ какъ и мы сами описуемы и всѣмъ, что составляетъ насъ, кромѣ грѣха, содѣлался Христосъ, то необходимо, чтобы и другое естество—божеское и неизреченное по той же причинѣ, то-есть вслѣдствіе ипостаснаго единенія, было описуемо, такъ что цѣлое, представляющее соединеніе изъ божества и человѣчества, описуемо? Ибо Христосъ одинаково приобщился къ естеству божескому и человѣческому и содѣлался посредникомъ между Богомъ и людьми. Посредствующее же въ чемъ-либо необходимо приобщается въ равной мѣрѣ той и другой изъ посредствуемыхъ сторонъ и ничего не имѣетъ болѣе или менѣе отъ той или другой, какъ и сказано, что *по-неже убо дѣти приобщихася крови и плоти, и той прискренны приобщися тѣхъ же* (Евр. 2, 14). Ясно, что по вашей логикѣ нематеріальное и неопикуемое естество является описуемымъ, чего однако вы не хотите допустить въ отношеніи къ матеріальному плотскому. Таково слѣдствіе вашихъ рѣчей: то, что вы выставили противъ насъ, обращается противъ васъ.

Итакъ, какимъ же образомъ можетъ быть сохранена неизмѣнность въ божественномъ Словѣ и соблюдена непреложность нашего естества, о чемъ дѣйствительно повѣствуютъ Евангелія и чему научаютъ святые отцы, коихъ ученіе и взгляды по этому пункту мы постараемся изложить впослѣдствіи?—Какимъ же образомъ сохранится и неслитность въ ипостаси Христовой, относительно коей вы дѣлаете видъ, что признаете ее? Обратимъ также вниманіе и на слѣдующее: такъ какъ природа, которую восприняло Слово, смертна и страдна, претерпѣваетъ раны и болѣзни

и подвержена всему прочему, что она испытываетъ обычно, то въ виду ипостаснаго единенія съ нимъ не дѣлается ли само Слово смертнымъ, страстнымъ и всѣмъ тѣмъ, чѣмъ является зракъ раба и рабское естество? Чтобы вкратцѣ представить въ нашей рѣчи ихъ богохульство, (слѣдуетъ сказать, что) они, согласно ихъ посылкамъ, вынуждены будутъ признать воплотившееся Слово тѣломъ. Но они могутъ сказать: плоть созерцается соединенною съ Словомъ. Противъ этого пусть выслушаютъ: *и Слово плоть бысть* и возрастало, неосязаемое стало осязаемымъ,—и однако Слово не лишилось чрезъ это своихъ божескихъ свойствъ, ни плоть не измѣнила изначально присущихъ ей особенностей, не была выведена изъ свойственного ей способа бытія. Относительно пріобрѣтенныхъ плотию послѣ божественнаго воскресенія новыхъ свойствъ нетлѣнія и безсмертія, если кто станетъ возражать, мы будемъ говорить потомъ. Тѣло же наше, которое воспринялъ Господь, по сходству съ нашими тѣлами, безъ сомнѣнія описуемо. Гдѣ когда отъ начала міра слышалъ кто-либо о тѣлѣ неопикуемомъ? Описуемость принадлежитъ къ необходимымъ признакамъ тѣла. Какъ нѣтъ тѣла внѣ времени и пространства, такъ нѣтъ тѣла неопикуемаго. Пространство описываетъ (ограничиваетъ) и обнимаетъ (содержитъ) тѣло, ибо пространство есть предѣлъ содержащаго, въ которомъ содержитъ содержимое. Сказать о тѣлѣ, что оно неопикуемо, то же самое, что сказать, что оно внѣ пространства. То же, что внѣ пространства, не есть тѣло. Что же изъ этого слѣдуетъ? Тѣло не есть тѣло? Но это уже ни что иное, какъ предѣлъ всякой глупости и безумія. Итакъ, изобрѣтатель этихъ догматовъ попался съ своими перьями, его усилія обратились противъ него самого,

рушились его гордые и страшныя доказательства, силу которыхъ онъ считалъ неотразимою,—и ничѣмъ не отличаются отъ дѣтской болтовни. Въ самомъ дѣлѣ все это порожденіе дѣтской мысли и ничѣмъ не лучше ребячества.

Чтобы видѣть, до чего можетъ довести ихъ мудрость, къ сказанному прибавимъ слѣдующее. Всѣ, обладающіе разумомъ, признають, что всякое страданіе, испытываемое нашимъ тѣломъ при какомъ-либо случаѣ—когда его бичуютъ, ранятъ, рѣжутъ, жгутъ или что другое, что приносить ему вредъ и разрушеніе,—неразрывно связано, переходитъ къ самому страдающему и такъ сказать становится его собственностію, его внутреннимъ достояніемъ. А то, что вы называете описуемостію, способность подлежать изображенію, ничему такому не подпадаетъ, ибо она относится къ внѣшней сторонѣ и не касается тѣла, имѣетъ общее только съ видомъ изображаемаго, его обликомъ. Такъ какъ страдать для насъ ближе, чѣмъ быть описываемыми и изображаемыми, ибо послѣднее является для насъ внѣшнимъ и не имѣетъ отношенія къ страданіямъ тѣла, то слѣдуетъ согласно вашимъ словамъ, что Христосъ, страдая плотію и претерпѣвая за насъ мученія, не только описуемъ по плоти, но что даже онъ страдалъ вмѣстѣ съ плотію и самымъ своимъ божествомъ. Вѣдь справедливѣе, чтобы чаще случалось и происходило то, что сроднѣе и ближе намъ, чѣмъ противоположное этому. Почему же, слыша, какъ говорится въ Писаніи, что Господь содѣлался плотію, Сыномъ человѣческимъ, претерпѣлъ немощи или что подобное этому, не уничижаете также и Его божества, согласно вашимъ посылкамъ, ибо единое лицо Его не отдѣлимо отъ обѣихъ природъ? Говорящій такъ уничижаетъ цар-

ственное естество болѣе, чѣмъ кто описываетъ по плоти.

Итакъ, по вашему, божество вмѣстѣ съ плотію обрѣзается, поражается камнями, одинаково подвергается распятію, соумираетъ и претерпѣваетъ все, что пострадала за насъ, какъ мы вѣримъ, плоть. Но кто настолько безуменъ? Кто настолько лишился смысла и впалъ въ такую бездну неразумія, чтобы переносить нелѣпыя и богопротивныя рѣчи, которыя вытекаютъ изъ вашихъ посылокъ? Кто потерпитъ такое поношеніе Слова, чтобы слышать, что Оно, по вашему, смертно, описуемо, было влекомо къ земнымъ властямъ, лишено божескихъ свойствъ, отдѣлено и удалено отъ Отчей сущности и славы? Что это иное, какъ не то, что вы вводите чуждаго Бога, измысливъ новую вѣру? Кто отвергнетъ и предастъ свое спасеніе, претерпѣвая ущербъ въ самомъ главномъ, что для насъ всего важнѣе? И если соединенныя во Христѣ естества находятся въ такомъ состояніи, что смѣшавшись прелагаются одно въ другое, то, такъ какъ Слово единосущно Отцу и Духу, слѣдуетъ сказать, что Отецъ, а равно и Духъ, вмѣстѣ пострадалъ, вмѣстѣ родился, вмѣстѣ обрѣзанъ и перенесъ все, что пострадало Слово. Да удалится богохульство это на голову тѣхъ, кто бросаетъ сѣмена этого нечестія!

Охотно скажемъ имъ и слѣдующее: откуда у васъ эта власть насильственно лишать тѣло только описуемости, не обращая вниманія на другія его свойства, какъ-то: форму, троякое измѣреніе, осязаемость, расположеніе органовъ и прочее, изъ чего слагается описуемость? И если удаляютъ какое-либо изъ этихъ свойствъ тѣла, то этимъ отвергается и самое существованіе тѣла. Отрицать, что оно находится и со-

держится въ пространствѣ, значить отвергать, что оно подлежитъ описанію. Объ этомъ смѣшно и говорить.

Итакъ, почему же вы говорите, что у тѣла исчезаетъ только одно это свойство описуемости, а прочія свойства вы обходите молчаніемъ? Между тѣмъ ясно, что однимъ этимъ словомъ вы отвергаете и другія свойства, ибо если не достаетъ одного изъ признаковъ естества, то оно окажется уже несовершеннымъ. Если бы у человѣка не было разума, то онъ не былъ бы человѣкомъ. Равнымъ образомъ если бы не доставало признака смертности, способности держаться прямо и двигаться, одушевленности или чего иного, что составляетъ природу человѣка и входитъ въ понятіе о немъ, то онъ не былъ бы человѣкомъ. И если бы отнять у коня способность ржать, а у пса способность лаять, то это не будутъ ни конь, ни песь. Итакъ, и человѣческая природа во Христѣ, если ее лишить какого-либо изъ ея свойствъ, уже будетъ неполной и Христосъ не будетъ совершеннымъ человѣкомъ. Даже не будетъ Христа, но все упраздняется, если Онъ не описуемъ и не изобразимъ. Но это есть ни что иное, какъ то, чего хотятъ учителя ваши и аріане,—именно, что Господь воспринялъ только одну плоть безъ души, и поэтому представлялся имъ неописуемымъ и не соединеннымъ съ нею по существу. Такимъ образомъ не былъ сохраненъ весь нашъ составъ. Какъ же снесутъ ваши бредни богословы, которые громко возглашаютъ: если Адамъ палъ одной половиной, то только половина воспринята и спасена (Христомъ),—если же весь соединился съ Богомъ, то весь и спасенъ?

Смотрите, къ какимъ нелѣпостямъ ведетъ рѣчь ваша. Если, согласно вашимъ разсужденіямъ, есте-

ство не должно имѣть свойствъ, что весьма странно, то свойство не должно быть ни у одного изъ двухъ естествъ во Христѣ. Почему же вы приписываете это (отсутствіе свойствъ) особенно усердно одной только плоти и не относите къ другому естеству? (Дѣлаете вы это) для того, чтобы выказать предпочтеніе единой ипостаси, такъ какъ вы смѣло и легко рѣшили, что то, изъ чего естества состоятъ и по чему они познаются, существуетъ только въ мысли, выдумываете по примѣру древнихъ своихъ учителей сліяніе и смѣшеніе естествъ, затѣняете таинство Христово, чтобы яснѣе и раздѣльнѣе выступила измышленная вами ипостась, какъ какой-то козло-олень. Я не понимаю этого распредѣленія: усвоить плоти неописуемость Слова, какъ нѣчто высокое и достопочтенное, воображать, что она чествуется этимъ, хотя чествовать такъ ее непозволительно, и въ то же время, какъ бы изъ зависти лишать ее другихъ божественныхъ преимуществъ, оставлять ее въ полупочетѣ и несовершенствѣ и не воздавать ей подобающей чести. Вѣдь она не столько чествуется тѣмъ, что ей усвоится, сколько безчестится тѣмъ, что у нея отнимается. Щедрый въ одномъ не можетъ быть признанъ добрымъ; какъ и скупой во многомъ является недобрымъ.

Можетъ быть, одного этого признака, усвояемаго плоти (неописуемости), достаточно при разсмотрѣніи настоящаго вопроса для доказательства, что вы совершенно отвергаете бытіе плоти. Этимъ путемъ вы думаете упразднить все домостроительство, какъ испившіе весь потокъ ученія фантасіастовъ. И отчего вамъ въ виду единенія плоти со Словомъ не приписывать ей признаковъ изначальности, безстрастія и нетлѣнія, а также вѣчности, невидимости, неосязаемости, безо-

бразности и прочихъ, кои мыслятся въ понятіи Слова? Вѣдь многіе изъ этихъ признаковъ тѣсно связаны другъ съ другомъ: описуемое и невидимо,—невидимое и неопредѣлимо, — непреодѣлимое недоступно воспріятію,—а это безстрастно и нетлѣнно,—нетлѣнное же и безсмертно,—безсмертное же вѣчно и безконечно. И все это будетъ принадлежать плоти, дабы она оказалась единосущной Слову въ силу обладанія одинаковой съ Нимъ природой и сущностію, въ силу усвоенія всѣхъ свойствъ, которыя отличаютъ Его существо. И если нужно, руководясь вашими разсужденіями, говорить послѣдовательнѣе, то, такъ какъ плоть по вашему единосущна Слову, а Слово единосущно Отцу, она, согласно вашему допущенію, единосущна Отцу, а также Святому Духу. Въ такую бездну нечестія ввергаетъ васъ эта прославленная **неописуемость**. Сдѣлаю еще одно небольшое замѣчаніе о томъ, какъ разсужденіе Мамоны и въ другомъ отношеніи приводитъ къ крайнему нечестію,—и до какого безбожія доходитъ онъ, увидимъ отсюда. Вѣдь какъ относительно домостроительства они заблуждаются въ самомъ главномъ, такимъ же точно образомъ и въ ученіи о Богѣ они окажутся заблуждающимися въ самомъ главномъ, безразсудно уловляясь собственными сѣтями, такъ какъ, по тѣсной связи того и другого ученія (о домостроеніи воплощенія и о Божественной Троицѣ), взаимоотношеніе между ними оказывается подчиненнымъ закону равновѣсія или возмездія.

21. Какъ съ одной стороны въ домостроеніи воплощенія естества объединяются въ ипостаси, такъ въ Божественной Троицѣ ипостаси различаются по личнымъ свойствамъ. Но съ другой стороны, какъ въ Божественной Троицѣ ипостаси объединяются въ тождествѣ естества, такъ въ домостроеніи воплощенія

естества разнствуютъ вслѣдствіе существеннаго различія ихъ свойствъ. Поэтому какъ въ воплощеніи они (еретики) не признають отличительныхъ особенностей естествъ, которыя отдѣляютъ ихъ отъ существъ другой природы, такъ и въ Троицѣ они совсѣмъ не должны допускать между ипостасями никакихъ отличительныхъ признаковъ, которыя различаютъ другъ отъ другой ипостаси, какъ мыслимыя обладающими однимъ и тѣмъ же существомъ. И какъ тамъ объ ипостаси, такъ и здѣсь о естествѣ они должны спорить, ибо у нихъ не дѣлается различія въ свойствахъ. Что же сказать на это? А то, что если согласно ихъ допущенію плоть не должна быть описуема ради ея единенія со Словомъ, то и въ другомъ случаѣ (въ вопросѣ о Троицѣ), такъ какъ здѣсь умозаключатъ нужно иначе, чѣмъ въ вопросѣ о воплощеніи, необходимо придти къ подобнымъ же нелѣпостямъ, какъ это мы сейчасъ и покажемъ. Въ самомъ дѣлѣ, если Отецъ не рожденъ, а Сынъ рожденъ, то ради одной и той же природы, по которой Тотъ и Другой тождественны и не различаемы, и Отецъ можетъ считаться рожденнымъ, или Сынъ нерожденнымъ. То же умозаключеніе приложимо и къ Духу Святому. Что же можетъ быть нечестивѣе и безбожнѣе этого? Но оставимъ эти нелѣпости и перейдемъ къ дальнѣйшему.

22. Мамона продолжаетъ: „такъ какъ послѣ этого единенія дѣйствіе становится нераздѣльнымъ, какъ исповѣдуемъ въ догматѣ, а между тѣмъ живописецъ хотя дѣлаетъ образъ одной плоти, однако этой плоти придаетъ и лицо, то вслѣдствіе этого изъ Божества получается чудовище: три лица божественныхъ и одно человѣческое,—а это нелѣпо“. Все время этотъ мудрецъ твердитъ о единствѣ, которое считаетъ нераздѣльнымъ, дабы посредствомъ этого (единства) пока-

зять основательность своего мнѣнія и затѣнить чело-
вѣчество Христа. Почему и говорить: „хотя живопи-
сецъ дѣлаетъ образъ одной только плоти“.... Здѣсь
умѣстно привести мудрое изреченіе, что „Мудрость
не допускающая обличеній заблуждается (Притч. 10,
17) и „мудрость безумца — бездоказательныя слова“
(Сир. 21, 21), и „горе мудрымъ въ себѣ самихъ и
предъ самими собою разумнымъ“ (Иса. 5, 21), потому
что „обезумѣла неразумная душа ихъ и омрачились
мысли ихъ“ (Рим. 1, 21. 22). Они совершенно уда-
лились отъ истиннаго православнаго церковнаго уче-
нія и не предвидятъ, въ какую пропасть влекутъ ихъ
нелѣпости, вытекающія изъ ихъ допущеній. И ни въ
чемъ болѣе они такъ не усердствуютъ, какъ въ усвое-
ніи глупостей: они величаются своимъ позоромъ. По-
истиннѣ *слова въ стыдъ ихъ* (Филип. 3, 11). Съ своей
стороны и я сказалъ бы такъ разсуждающему и вся-
кому, кто хочетъ такъ думать: допуская на словахъ
два естества, какое изъ нихъ ты признаешь во образѣ
Христа, въ Лицѣ Его, которое было видимо и со-
зерцаемо? Если скажешь—божеское, то сочтешь види-
мымъ непостижимое и невидимое божество Слова,
что будетъ то же, какъ если бы ты сказалъ, что оно
описуемо, ибо все видимое описуемо и ограничено,
какъ подлежащее чувственному воспріятію. Такимъ
образомъ то, чего ты не хочешь приписать плоти, ты
усвояешь божескому естеству. Посему ты не избѣ-
жишь богохульства и не оправдаешься отъ обвиненія
въ безуміи. При своемъ великомъ рвеніи представить
видимое невидимымъ и описуемое неопикуемымъ ты,
сбиваемый суетою своихъ замысловъ, впалъ въ про-
тиворѣчіе съ своими словами, ибо невидимое наобо-
ротъ по твоему становится видимымъ и неопикуемое
описуемымъ.

Но если ты не дерзнешь сказать такъ, то неизбежно припишешь только одно естество—человѣческое, видимое. Чтобы противопоставить твоей рѣчи соотвѣтствующее возраженіе, мы скажемъ, что ты раздѣлилъ ипостась, признавъ Христа простымъ человѣкомъ, и совершенно ясно и очевидно создалъ четверицу. Ты приписалъ особое лицо плоти, сдѣлалъ Христа простою тварію и тѣмъ описалъ Его гораздо болѣе и полнѣе. Но это крайне нечестиво и ложно. Итакъ, ты попался въ свои собственные измышленія. Какъ можешь ты избѣжать нелѣпости безумнаго раздѣленія Несторія? Ты явно впалъ въ нее. Несторій именно поэтому отказывался признавать во Христѣ ипостасное единеніе и пустословилъ, что это единеніе было единеніемъ по благоволенію и относительнымъ, такъ какъ будто бы божеское естество не можетъ воспринять въ единеніе другое лицо вслѣдствіе неописуемости. Посему онъ пустословилъ, что Пресвятая Дѣва была не Богородицею, а человѣкородицею. Затѣмъ, что скажешь ты въ виду чудесъ и страданій Христа, въ виду необъятнаго различія между ними? Такъ какъ Слово неописуемо, точно такъ же, какъ и плоть, то ты долженъ приписывать тѣ и другія какъ Слову такъ и плоти, ибо Слово и плоть, по-твоему, ничѣмъ не различаются между собою по отношенію къ неописуемости.

А это не только нечестиво, но и безумно, ибо никто изъ обладающихъ разумомъ не признаетъ, что Слово претерпѣло страданія, и не припишетъ чудесъ плоти. Не сила плоти являетъ чудеса, а при посредствѣ ея всесильное дѣйствіе соединеннаго съ нею Слова совершаетъ ихъ. Въ противномъ случаѣ для тебя упраздняются и чудеса и страданія; ибо если плоть неописуема, то не существуетъ того, что бу-

детъ подлежать страданіямъ. Какимъ же образомъ ты избѣжишь богохульства? Со всѣхъ сторонъ тебя окружаетъ бездна нечестія. И наоборотъ, правильно и сообразно съ существомъ дѣла, чтобы тотъ, кто усвоитъ Слову чудеса и исповѣдуетъ Его неописуемымъ, а плоти соотвѣтственно приписываетъ страданія,—признавалъ, что она описуема. Каждому изъ естествъ должно усвоить то, что ему собственно и свойственно.

23. Затѣмъ онъ говоритъ: „потому что въ плоти (изображеніемъ плоти) и только въ ней (ея) одной онъ описываетъ лицо, свойственное простому человѣку“. А если не описываетъ, что у тебя получится? Если пользоваться способомъ рѣчи Мамоны, то онъ долженъ будетъ допустить особое лицо, отдѣленное даже отъ единого Слова, а также чуждое Его человѣческаго естества, которое описуемо, какъ это утверждаетъ истина и извѣстно всѣмъ здравомыслящимъ и какъ это раньше подробно доказывалось. Отсюда у тебя опять появляется четверица, ибо, согласно твоимъ заключеніямъ человѣческое естество отдѣлено отъ Слова, Христосъ раздѣляется, и въ живоначальной и пречестной Троицѣ прибавилось новое лицо. Такъ христородецъ, изощривъ невоздержный языкъ свой противъ домостроительства, изрыгаетъ хульные рѣчи и, обманывая самого себя разными хитросплетеніями, усвоивъ все заблужденіе лжи, теперь начинаетъ заниматься сочиненіемъ басней, измышляетъ чудовище, соткавъ его изъ пустословія, и наполняетъ душу свою страшилищами, дабы хулы ясно всѣмъ указали безбожіе, а бредни—безуміе этого писателя и тѣхъ, которые принимаютъ его писанія.

Что же говоритъ онъ дальше, продолжая свою рѣчь?

„То-есть изображая лице и дѣлая Христа тварію и только тварію, какъ будто въ Немъ и нѣтъ божескаго естества“. Слова эти суть плодъ надменія и тупоумія, изъ которыхъ родилось и вышло безбожіе, неосмысленно выступающее противъ пречистой вѣры нашей и подвизающееся противъ праваго ученія. Въ отношеніи къ подобнымъ словоизверженіямъ,—воспользуюсь однимъ изъ отеческихъ изреченій, которыя выставляютъ на посмѣяніе невѣжество этого мудреца,—не лучше ли всего молчаніе? *Не отвѣщай безумному по безумію его* (Притч. 26, 4), написано. Но чтобы мнимые мудрецы и поборники отступничества не сочли себя недоступными для опроверженія со стороны православныхъ и не подумали, что состоящее изъ басенъ и празднословія ученіе ихъ необоримо, мы, хотя стыдно и неприлично имѣть дѣло съ такимъ ничтожнымъ и слабымъ врагомъ, при помощи общихъ всѣмъ людямъ соображеній смѣло поведемъ нападеніе на изобрѣтаемые ими ухищренія и засады противъ истины, которыя они неразумно противопоставляютъ ей. Они доходятъ до самыхъ нелѣпыхъ и странныхъ мыслей, въ которыя не подобаетъ вдаваться. Безразсудно надмеваясь своимъ плотянымъ умомъ, они составляютъ заключенія, противъ которыхъ всѣ здравомыслящіе и самое существо дѣла. Послѣдствія ихъ стараній не только нечестивы, но и невѣроподобны. Они имѣютъ въ виду одну цѣль, прилагаютъ всѣ усилія и трясутъ, по пословицѣ, всякій канатъ, чтобы ниспровергнуть таинство Христова домостроительства и такимъ путемъ подъ предлогомъ неопиcуемости уничтожить подобіе Его честнаго образа. Не будетъ страннымъ сказать, что они силятся изгладить память о Самомъ Христѣ. Но со всею справедливостью пусть изречетъ противъ

нихъ премудрая Притча: *уже утверждается на лжахъ, сей посетъ вѣтры, той же поженетъ птицы парящія, собираетъ же рукама безплодіе* (Притч. 9, 12). Какъ во снѣ они сочиняютъ вздоръ, который внушаютъ имъ развращенные помыслы и пустыя, обманчивыя созданія нечистой души. А что они, блуждая умомъ, который у нихъ извращенъ, отдаляются отъ истины и отъ праваго пути, ибо постоянно сочиняютъ чудовищныя положенія и измышляютъ всякій вздоръ, съ этимъ, я думаю, согласится каждый вѣрующій и обладающій разумомъ.

Но пусть они скажутъ, откуда взялъ это ихъ великій учитель? Если изъ богопреданныхъ реченій Духа или изъ наставленій богомудрыхъ отцовъ нашихъ, то пусть укажутъ—гдѣ, и мы умолкнемъ. Если же онъ говоритъ отъ своего чрева, изъ котораго *исходитъ* ложь, то кто будетъ слушать изрекающаго безуміе? Кто настолько несмысленъ, чтобы допустить, что изображающій Христа дѣлаетъ Его простою тварію и отдѣляетъ божеское естество? Гдѣ на сушѣ или на морѣ въ древнее и наше время слышали про такого человѣка, которому бы пришло это на умъ или который могъ бы принять это измышленное чудовище, глупо сочиненное Мамоною изъ неслыханныхъ небылицъ? Какія же основанія заставляютъ допускать это? Какіе доказательные силлогизмы и вѣроятныя убѣдительныя соображенія? Если нужно въ опроверженіе ихъ заблужденія выяснять истину, то мы утверждаемъ, что живописецъ скорѣе соединяетъ (чѣмъ раздѣляетъ), когда онъ изображаетъ видимое и во всемъ намъ подобное тѣло, какъ тварь: не уменьшая и ничего не отдѣляя отъ Христа, онъ въ мысли и относительно соединяетъ—естества ли это или иное что, и запечатлѣваетъ единеніе. Получается не только ви-

димый человѣческій образъ Христа и оживляется воспоминаніе вслѣдствіе сходства съ первообразомъ; но даже Слово, хотя Оно неописуемо и неизобразимо по природѣ Своей, невидимо и совершенно непостижимо, вслѣдствіе того, что Оно ипостасно и недѣлимо, одновременно вызывается въ нашей памяти. Но это трудно для нихъ и крайне непріятно, ибо тяжело имъ видѣть Христа, на иконѣ изображаемаго. Такъ Мамона, возставая въ душѣ своей противъ памяти Христа, излилъ всю свою дерзость и злобу противъ поддерживающей память о Немъ Его иконы. При такомъ образѣ мыслей для нихъ возможно даже, когда они слушаютъ и самыя повѣствованія святыхъ Евангелій, какъ стоящія съ иконами въ тѣсной связи и имѣющія одинаковое съ ними значеніе (ибо предметъ иконъ и сказаній одинъ и тотъ же и одна и та же исторія издревле представляется ими), если гдѣ эти повѣствованія говорятъ объ уничиженіи и человѣческой сторонѣ домостроительства Спасителя нашего,—принимать ихъ, какъ иконы, и толковать въ томъ смыслѣ, что они представляютъ Христа тварію и отдѣляютъ Его отъ Слова. А потому должно уничтожить и Евангелія. Самъ Господь говорилъ Іудейскому народу: *что ищите мене убити, чловѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40) и: *Сынъ чловѣческій предается на пропятіе* (Мѣ. 26, 2). Вѣдь эти изреченія представляютъ Его состояніе уничиженія и нищеты. И все, что повѣствуется о страданіяхъ и крестѣ Его, иконоборцы должны осмѣивать и поносить. Но никто изъ здравомыслящихъ не помыслить и не скажетъ этого. Посему одинаково недопустимо и поношеніе иконъ.

Что же скажемъ? А то, что какъ вездѣ этотъ пустой богословъ уклоняется отъ истины, такъ явно удалился онъ отъ нея и здѣсь. Слѣдуетъ обратить

вниманіе на то, что какъ раньше, запутавшись во лжи и въ противорѣчіе себѣ, онъ утверждалъ, что изображеніе должно быть тождественно съ изображаемымъ, не зная или не допуская различія между ними, какъ между одушевленнымъ и неодушевленнымъ, разумнымъ и неразумнымъ, и не имѣя представленія о различіи вещей, взаимно противоположныхъ, отчего воззрѣнія его оказываются нетвердыми и шаткими: такъ и здѣсь, прибѣгая къ помощи той же мысли, онъ къ своему богословію успѣшно и съ большимъ остроуміемъ и искусствомъ прибавляетъ баснословіе и отождествляетъ образъ съ первообразомъ. И какъ онъ не хотѣлъ различать между святымъ и гнуснымъ, такъ не выноситъ онъ различенія и въ этомъ случаѣ и избѣгаетъ даже мимоходомъ говорить объ этомъ предметѣ. Тотъ, кто думаетъ, что Христосъ, благодаря иконѣ, раздѣляется, допускаетъ не иное что, какъ то, что Христосъ и икона одно и то же. Если бы онъ признавалъ это различіе, онъ не сталъ бы осуждать вещи священные и достойныя почтенія. Побораемый пустою славою и мірскою суетою, обуреваемый себялюбіемъ и страстями, онъ омрачился духовно, лишился свѣта истины, ничего не зная и не представляя, кромѣ видимаго. Человѣкъ земли и съ тяготѣніемъ книзу, не постигъ благодать, скрыто почивающую въ священныхъ предметахъ, какъ примѣнившій умъ свой къ матеріи и тварямъ.

Но этотъ мудрецъ и мыслитель, рѣшившійся такъ рассуждать и доказывать, пусть отвѣтитъ намъ на наши вопросы и размыслитъ о томъ, куда могутъ привести его положенія. Пусть скажетъ онъ намъ прежде всего, у кого изъ христіанъ заимствовалъ онъ эти взгляды? Этого онъ не можетъ ни утверждать, ни доказывать: изобрѣтеніе и злоумышленіе принадле-

жить ему самому. Какою же силою, какимъ образомъ изобрѣтатель новаго ученія согласить свои положенія между собою? Если Христосъ изображаемый есть только тварь, лишенная божескаго естества, ибо послѣднее не описуемо, то онъ долженъ былъ претерпѣть это (пребыть тварію) еще ранѣе, во время воплощенія, поскольку воспринятая Словомъ плоть ближе къ Нему, чѣмъ икона къ первообразу, потому что подобіе, даваемое изображеніемъ, совершенно было бы только въ случаѣ полного тождества съ первообразомъ. Какимъ же образомъ подражаніе или подобіе можетъ что-либо совершить или претерпѣть, если этого прежде не сдѣлало то, въ отношеніи къ чему оно является подобіемъ? И если говорить такъ о послѣднемъ (первообразѣ) совершенно неразумно и нечестиво, то не крайне ли безумно утверждать это объ иконѣ? Если бы кто-либо сказалъ, что разсужденія Мамоны объ иконѣ правильны, то совершенно послѣдовательно въ виду того, что Христосъ, явившись среди насъ, дѣйствительно былъ видимъ людьми, а между тѣмъ божеское естество не можетъ быть видимо, пришлось именно по этой причинѣ назвать Его простою тварію, съ отсутствіемъ въ Немъ божескаго естества. Онъ долженъ изображаться именно постольку, поскольку видѣли Его нѣкогда люди, ибо если бы Его не видѣли, не стали бы и изображать. И если по указаннымъ соображеніямъ подвергается укоризнѣ живописецъ, то сколь болѣе терпитъ поношеніе Тотъ, Кто былъ видимъ? Ибо такимъ путемъ единая ипостась Христова раздѣляется и остается простою тварію.

24. Если по просьбѣ одного изъ вѣрующихъ ¹⁾ Христосъ послалъ ему свой образъ, впечатлѣнный на

¹⁾ По преданію, Эдесскаго князя Авгаря.

платѣ, то почему другіе подвергаются обвиненію за изготовленіе Его изображеній? Затѣмъ важно объяснить слѣдующее. Христосъ, будучи въ состояніи претерпѣть это (быть изображаемымъ), претерпѣлъ или нѣтъ? Если Онъ не былъ въ состояніи претерпѣть, то вполне заблуждается и безумствуетъ тотъ, кто винить Его въ этомъ; усилія его оказываются крайне неразумными и безплодными, потому что ясно, что онъ идетъ противъ самой природы вещей и противъ способа ихъ существованія. То, что существовать не можетъ, по нему существуетъ необходимо; и относительно того, чего обыкновенно не бываетъ, онъ вынужденъ утверждать, что оно есть. Если же Христосъ имѣетъ это свойство (быть изображаемымъ), то напрасно возводится обвиненіе на живописца или зрителя. Упомянутое обстоятельство (изображеніе на платѣ) было вызвано не дѣйствіями живописца или зрителя, а самимъ изображаемымъ и созерцаемымъ, Его способностію претерпѣвать это. Итакъ, Самъ Тотъ, Кто былъ созерцаемъ и изображенъ, Кто сошедши по преизобилію человеколюбія, явилъ Себя намъ въ униженіи видимымъ и изображаемымъ, оказался главною причиною Своего же раздѣленія и наименованія Его тварію. Отсюда на Христа, повидимому, новое обвиненіе: иконоборцы ругаются надъ Нимъ и поносятъ Его за то, за что должно бы чтить Его и поклоняться Ему, какъ благодѣтелю. Благодѣяніе воплощенія обращается въ безславіе и безчестіе. Что это (изображать Христа) гораздо болѣе позорно и безбожно, согласно положеніямъ нашихъ противниковъ, объ этомъ говорилось достаточно раньше.

Но если въ этомъ пунктѣ противники наши должны отступить, то у нихъ готово другое богохульство, именно, что Слово необходимо описывается вмѣстѣ

съ плотію, о чемъ они всюду трубятъ, и къ прежнимъ прибавляютъ новую неправду. На это слѣдуетъ отвѣтить такъ: во время воплощенія Слово стало описуемымъ по собственной неизреченной природѣ или нѣтъ? Если Оно стало описуемо въ этомъ смыслѣ, то нужно допустить, что Оно описывается и изображеніемъ. Если же нѣтъ, то какое основаніе заставляетъ признавать, что въ изображеніи Оно описывается такъ же какъ плотъ? Какимъ образомъ Оно претерпитъ то, чего Оно не претерпѣло, когда воспринимало описуемую плотъ? Такимъ образомъ, хотя они и уличаются въ своихъ безумныхъ и безстыдныхъ умыслахъ противъ нашей вѣры, однако они полагаютъ, что одно это странное соображеніе въ состояніи поддержать ихъ пустое ученіе; такъ что будто бы они сразу этимъ путемъ достигаютъ своей цѣли и изобличаютъ въ лжи сказавшаго: *Слово плоть бысть и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14), а также написавшаго: *понеже убо дѣти приобщившася плоти и крови, и Той приискреннѣ приобщися тѣхже* (Евр. 2, 14), и прочее, что предано намъ Евангельскою проповѣдью. Таковы нелѣпости и странности, вытекающія изъ нелѣпыхъ допущеній этого писателя и поистинѣ достойныя безумія его самого и его послѣдователей.

Слѣдуетъ отмѣтить также и то, что священная икона Спасителя нашего, согласно только что сказанному, причастна первообразу. Вѣдь какъ то поруганіе и поношеніе, которое претерпѣваетъ теперь образъ Его отъ христорборцевъ, причиняется ему ради первообраза, такъ по сходству и соотвѣтственно, какъ каждый легко пойметъ, образъ естественно наоборотъ заимствуетъ нѣкоторую благодать и силу у первообраза. Итакъ, тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ. И какъ древнимъ Іудеямъ тяжело было видѣть Христа

во плоти, такъ что не вынося Праведника, они говорили Ему: *доколы души наши вземлши* (Іоан. 10, 24), осыпали Его безконечными клеветами и, наконецъ, предали Его позорной смерти: такъ точно является Онъ невыносимымъ и для современныхъ Іудеевъ изъ за Его честнаго изображенія. Будучи образомъ и подобіемъ Іудеевъ, они ненавидятъ образъ Христа и подобно имъ подвергаютъ Его безконечному поруганію и поношенію и, наконецъ, злобно уничтожаютъ его, какъ іудействующіе беззаконники.

25. Такъ какъ рѣчь у насъ идетъ о воплощеніи, то не неблаговременнымъ считаю къ сказанному присоединить и слѣдующее. Прежде всего мы изложимъ ученіе, которое принимаемъ мы и истина, а потомъ рассмотримъ, право ли или превратно ученіе противниковъ.

Мы, какъ научили насъ богоглаголивые отцы, исповѣдуемъ единого и того же Христа въ двухъ естествахъ: какъ Бога безначально, безвременно и безтѣлесно сущаго вслѣдствіе тождества Его природы съ Богомъ Отцомъ, и какъ совершеннаго человѣка, явившагося во времени и тѣлесно, вслѣдствіе *сродства* Его съ Родившей Его тѣлесно и преестественно. Такъ какъ Богъ Отецъ неописуемъ, то мы исповѣдуемъ, что и Христосъ, какъ Богъ, единосущный съ Нимъ, неописуемъ. Но такъ какъ Матерь Его описуема, какъ человѣкъ, тождественный съ нами, то мы исповѣдуемъ, что и Христосъ, какъ человѣкъ и Ей соестественный, описуемъ. Такъ во единой ипостаси явлена двоица естествъ; и въ то же время необходимо и вполнѣ сохраняется, согласно съ истиною, стройность ученія. Содѣлавшись *ходатаемъ Бога и человековъ* (1 Тим. 2, 5), пребывая Богомъ съ воспринятымъ человѣческимъ естествомъ, оставаясь единымъ при двухъ противо-

положныхъ природахъ, Христосъ, какъ учить насъ богословіе, одинаково и равночестно приобщился каждому изъ обоихъ естествъ и свойствъ, изъ которыхъ состоитъ. Вслѣдствіе общенія и родства съ каждымъ изъ обоихъ естествъ, Онъ пребываетъ единымъ при двухъ, объединивъ ихъ въ Своей ипостаси. Таково ученіе православное.

Если же допустить, что Христосъ неописуемъ и какъ человѣкъ, то придется упразднить Его естественное (человѣческое) родство съ Родившей Его, слить въ одно естество божеское и человѣческое,— утверждать, что противоположность въ отношеніи другъ къ другу двухъ крайностей несущественна,—отказаться видѣть различіе между Богомъ и человѣкомъ и учить, что они единосущны. Но кто же примирится съ такимъ неслыханнымъ богохульствомъ?

Далѣе рассмотримъ, какъ намъ понять то, что по ихъ предположенію причиною неописуемости плоти Господа является ипостасное единеніе? Такъ ли, что Слово, облекшись въ естество наше, пребывъ въ неописуемомъ тѣлѣ Дѣвы, родилось отъ Нея неописуемымъ и по плоти? Можетъ быть, они также допустятъ, что это Ей даровано наитіемъ Святаго Духа, которое такъ измѣнило элементы, что Она, отклонившись отъ естественныхъ человѣческихъ свойствъ, восприняла неописуемое Слово болѣе достойно неописуемаго и болѣе сообразно съ Нимъ. Или же такъ, что Дѣва пребыла въ предѣлахъ Своего естества, но Слово коснулось дѣвственной утробы и предложило въ неописуемое то, что восприняло, т.-е. присутствіе Слова предложило элементы, дѣвственные крови, въ неописуемое? Это именно допускали исчезнушіе Аѳтартодокеты, утверждавшіе, что Господь воспринялъ нетлѣнную плоть. И эти Аѳтартодокеты

(допускающіе неопиcуемость) подобное же учать нынѣ о неопиcуемости. Кажется, не будетъ погрѣшностію называть ихъ этимъ именемъ.

26. Если они примутъ первое мнѣніе, то ясно, что воплощеніе Слова не принесло намъ никакой пользы, ибо Оно не восприняло нашего естества, измѣнило естество Родившей и не имѣетъ ничего общаго съ нами по естеству. Но кромѣ того, что такія мысли нечестивы, онѣ и не сообразны. Какимъ образомъ неопиcуемое можетъ обитать въ неопиcуемомъ чувственно и тѣлесно? Тѣло не бываетъ неопиcуемымъ и лишеннымъ чувственныхъ свойствъ. Но что всего нечестивѣе, они отрицаютъ рожденіе Пресвятою Дѣвою, ибо если невозможно неопиcуемое тѣло, то еще невозможно для человѣческой природы родить неопиcуемое. Не дозволительно возвеличивать Дѣву болѣе, чѣмъ подобаетъ, ибо чрезмѣрная честь ни въ чемъ не отличается отъ безчестія. Если бы это было допустимо, то Ей можно бы приписать нетлѣніе, безсмертіе и безстрастіе, дабы то, что имѣетъ Слово по природѣ, было усвоено и Родившей. Но что неразумнѣе этого? Чѣмъ тогда Богъ будетъ отличаться отъ человѣка? — Если же они придерживаются второго мнѣнія, то почему съ самаго начала, какъ только Слово коснулось Матерней утробы, не были даны Ея природѣ нетлѣніе, безсмертіе и безстрастіе? Если бы это было такъ, то обитаніе Господа среди насъ и обращеніе съ людьми было бы излишне; Онъ не имѣлъ бы нужды въ столькихъ подвигахъ, въ перенесеніи страданій и въ концѣ всего въ горчайшей крестной смерти—во всемъ томъ, что доставило намъ свободу и спасеніе.

Но можетъ быть они скажутъ, что Слово такъ дѣйствовало потому, что иначе не могло или не умѣло.

Но если бы это имѣло мѣсто, какъ могло бы Оно быть Богомъ? Или какимъ образомъ, содѣлавъ одно, Оно не содѣлало и прочаго? Почему принявъ все, что относится къ человѣческому естеству и подобію, Оно отказалось только отъ описуемости, которая первѣе и ближе всего присуща тѣлу, есть его главный признакъ, такъ что лишать тѣло этого признака значить утверждать, что оно не существуетъ. Итакъ, они вынуждены говорить, что Богъ вошелъ въ иное твореніе, принялъ иное естество, а не тѣло наше. Онъ образовалъ для Себя новое тѣло, чуждое нашему существу. Посему, благодаря нашей описуемости, спасеніе для насъ не существуетъ, ибо мы не имѣемъ естества родственнаго съ Нимъ. Почему же Слово, обновивъ природу нашу Своимъ воплощеніемъ, надѣливъ насъ великими благами, безстрастіемъ и нетлѣніемъ и прочимъ, что заключаетъ въ себѣ упованіе будущаго, позавидовало намъ и лишило насъ только одного? Никогда Оно, научая насъ, не общало намъ неопикуемости. Ни въ другихъ мѣстахъ Писанія, ни въ ученіи священныхъ наставниковъ слова этого не оказывается. *Подобаетъ бо тлѣнному сему облекчися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облекчися въ безсмертіе*, говоритъ въ одномъ мѣстѣ Божественный Апостолъ (1 Кор. 15, 53), и: *смется въ уничиженіи, возстаетъ въ славѣ* (1 Кор. 16, 43). Но чтобы описуемое облеклось въ неопикуемость, этого даже доселѣ никто не слыхалъ ни отъ Павла, ни отъ кого другого изъ учителей церкви. Избѣгая лишняго многословія, скажемъ одно: если иконоборцы не согласятся, что пребываніе Христа въ дѣвственной утробѣ было тѣлесно и описуемо, какъ разъясняетъ свѣтъ истины, то что иное остается имъ говорить, какъ не то, что они допускають неопикуемое пребываніе Слова въ описуемой

средѣ? Но это есть высшая степень нечестія и безбожія. Необходимо одно изъ двухъ: или Слово приняло отъ Святой Дѣвы описуемое тѣло; или согласно взглядамъ этихъ извращенныхъ допустить обратное отношеніе, приписывать неопиcуемость Дѣвѣ. Единеніе и пребываніе въ Ней Слова совершило что-нибудь одно изъ этого. Но на самомъ дѣлѣ Дѣва описуема; описуемо и тѣло Господа, какъ происшедшее отъ описуемаго тѣла.

Если же они не допущаютъ ни того, ни другого и захотятъ избѣжать нелѣпостей, то падутъ еще горшимъ паденіемъ. Слѣдуя въ данномъ случаѣ за наставниками устарѣвшаго измышленія, они должны будутъ утверждать, что Слово сошло съ неба во плоти чрезъ Дѣву, какъ чрезъ полую среду, дабы такимъ образомъ Мать и Сынъ оказались непричастными другъ другу. По всей справедливости ихъ можно причислить къ тѣмъ проклятымъ, которыхъ святыя подвергли страшной анаѣмѣ.—Взвѣсивъ это, продолжимъ рѣчь нашу. Этотъ великій богословъ и догматистъ, когда надѣляетъ плоть неопиcуемостію, нигдѣ не дѣлаетъ яснаго различенія того, принимаетъ ли ей неопиcуемость прежде ея соединенія со Словомъ, или послѣ. Но я думаю, онъ не настолько безуменъ, чтобы приписывать прежде единенія, ибо Оно не восприняло еще тѣло; и неопиcуемъ не человекъ, а Богъ. Нельзя также сказать, что воспринять былъ видъ ангельскій. Что Слово не восприняло естества ангельскаго, это громогласно возвѣщаетъ Павелъ, говоря: *не отъ Ангелъ бо когда приметъ, но отъ стѣмене Авраамова приметъ* (Евр. 2, 16). Утверждать же, что сѣмя Авраамова неопиcуемо, есть дѣло мудрости Мамоны: ни у кого другого не достаточно тупости и безумія, чтобы признать

это положеніе. Итакъ, Мамона вынужденъ приписать плоти неопикуемость, когда Слово стало плотію, т.-е. послѣ единенія. И также въ виду этого единенія и ради Слова онъ долженъ признать плоть безстрастною, неосязаемою, невидимою и т. под., и плоть тотчасъ послѣ единенія перестаетъ быть страстною, видимою, осязаемою, лишается и прочихъ свойствъ, по которымъ познается природа плоти. Такимъ образомъ, по мнѣнію Мамоны, одно и то же будетъ описуемымъ и неопикуемымъ, страстнымъ и безстрастнымъ; осязаемымъ и неосязаемымъ и всѣмъ тѣмъ, что между собою противоположно. Однѣ черты имѣли свойства сами по себѣ до единенія и другими становятся они послѣ единенія: они будутъ и тождественны и противоположны. Нужно будетъ признать, что тѣло уже не существуетъ: оно выступить за свои предѣлы, откажется отъ свойственныхъ ему условій и способовъ существованія. Но что можетъ быть неразумнѣе этого?

Въ чемъ же въ такомъ случаѣ проявятся разныя стороны домостроительства и обращенія Христа съ людьми? Кто будетъ представляемъ алчущимъ и жаждущимъ? Откуда труды странствованія, потъ, страхъ и перенесеніе всего, чему подвержено наше тѣло, которое имѣетъ внѣшній видъ, упругость, тройное измѣреніе, извѣстный ростъ и вѣсъ и отличается всѣмъ тѣмъ, что есть и называется признаками тѣла? Итакъ, какимъ образомъ осязаемое неопикуемо?—возьмемъ одинъ этотъ признакъ, чтобы по нему судить о всѣхъ другихъ, наблюдаемыхъ во Христѣ вслѣдствіе воспріятія Имъ плоти. Если Мамона не согласится съ этими соображеніями, то ему придется совершенно отрицать, что Христосъ воспринялъ тѣло. Такимъ образомъ онъ долженъ признать, что Христосъ не страдалъ. Отсюда упраздняется искупленіе

наше и освобожденіе отъ идоловъ; чего такъ добивался Мамона. Тщетно упованіе наше и все, что даровали намъ спасительныя страданія. Въ Евангеліяхъ не окажется ничего истиннаго; ученіе и вѣра наша должны представляться ему суетными.

Вотъ что нужно сказать противъ Мамоны, неразумно величающагося измышленіемъ неописуемости. Истинное положеніе дѣла не таково. Какъ Слово при единеніи съ плотію сохранило Свое существо цѣлымъ и неприкосновеннымъ, не лишилось Своихъ естественныхъ свойствъ, осталось, какъ Слово, отличнымъ отъ тѣла, такъ и тѣло по своимъ особенностямъ осталось отличнымъ отъ Слова, ни въ чемъ не лишилось своихъ признаковъ. И поскольку содѣлавшись тѣломъ Божиимъ оно не перестало быть тѣломъ, хотя дѣйствіемъ Слова было преобразовано въ лучшее состояніе, такъ не лишилось оно и своихъ естественныхъ свойствъ; ибо иначе какъ пребудетъ Оно, согласно церковному ученію о Немъ, совершеннымъ по божеству и человѣчеству? Если отнять что-либо изъ относящагося къ этому совершенству, то оно не только не останется совершеннымъ, но перестанетъ существовать совсѣмъ. Какимъ образомъ воспринимается сѣмя Авраамова, если во Христѣ оно неописуемо? Какимъ образомъ долженъ былъ уподобиться во всемъ братьямъ Своимъ первородный между многими братьями (Римл. 8, 29), *искушенный во всяческихъ по подобію* нашему (Евр. 4, 15)? Какимъ Онъ можетъ быть Сыномъ Давида и Сыномъ Пресвятой Дѣвы, родословіе Котораго ведется отъ племени Давида, если только Мамона не припишетъ неописуемости и самой Дѣвѣ, такъ что Слово прошло чрезъ Нее, какъ чрезъ полую среду? Такимъ образомъ ему приходится вслѣдъ за учителями испить все безъ примѣси содержимое чаши

фантасіастовъ докетовъ. Какимъ образомъ сохранится истина евангельскихъ сказаній, изъ которыхъ одно, благовѣствуя тайнство Христова, говоритъ: *книга родства Іисуса Христа, Сына Давидова, Сына Авраамля* (Мѣ. 1, 1), а другое утверждаетъ, что *Слово плоть бысть, и вселися въ ны* (Іоан. 1, 14)? Но Мамона, взимающій камень вмѣстѣ съ Іудеями, не внялъ бы и самому Христу, говорящему: *почто Мя ищете убити чловѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40). Гдѣ же ученіе святыхъ богослововъ отцовъ нашихъ, которые были стражами Тайнства Христова и, водимые Духомъ Божіимъ, ясно научили насъ исповѣдывать Христа совершеннымъ по божеству и совершеннымъ по чловѣчеству, единосущнымъ Богу Отцу по божеству и намъ по чловѣчеству, описуемымъ и неопи-суемымъ? И какую пользу принесъ Христосъ намъ описуемымъ, если подобнаго Онъ не очистилъ и не уврачевалъ подобнымъ, если Онъ не воспринялъ всего, что мы изъ себя представляемъ, кромѣ грѣха? То, что не можетъ быть воспринято, какъ говорятъ, не можетъ быть уврачевано. Поскольку наша природа требовала возрожденія, Онъ долженъ былъ со-дѣлаться во всемъ подобнымъ нашей природѣ. И пусть не говорятъ теперешніе защитники заблужденій и догматовъ Мамоны, что мы не слышали ихъ: *во всю землю изыде вѣщаніе ихъ и въ концы вселенныя глаголы ихъ* (Пс. 18, 5). Такъ ослѣпились они въ безуміи своемъ, смежили очи свои и ушами трудно слышать, и устремляются противъ всей вѣры нашей. Съ ослѣпленными духовными очами они не озаряются свѣ-томъ православія, безстыдно борятся съ евангель-скими и отеческими свидѣтельствами и нагло ихъ оспариваютъ. Посему у нихъ не можетъ быть ника-кого оправданія предъ Судіею Праведнымъ,

27. Если Мамонѣ представляется, что Христосъ раздѣляется на изображеніи и остается только тварію, то можно доказать въ свою очередь, что согласно его положеніямъ Христосъ перестаетъ быть даже одушевленной тварію. Если онъ думалъ, что природныя свойства человѣка, котораго восприняло Слово, не сохранились въ Немъ вполнѣ, то онъ не признавалъ, что Оно было человѣкомъ. Какъ присутствіе природныхъ признаковъ говоритъ о существованіи природы, такъ отсутствіе ихъ говоритъ о небытіи. И если бы кто лишилъ Господа какого-либо изъ этихъ признаковъ, тотъ не только сказалъ бы, что Онъ простой человѣкъ, но содѣлалъ бы Его существомъ неодушевленнымъ, недѣятельнымъ, представилъ бы Его простой статуей. Эти нечестивыя положенія—не догматы христіанскіе,—да не будетъ,—а мысли и порожденія Мамоны.—А что онъ скажетъ, если сравнивать человѣка съ его портретомъ? Человѣкъ представляетъ собою одно лицо при двухъ естествахъ, изъ которыхъ одно видимо, описуемо и изобразительно, а другое только представляемо и неописуемо. Итакъ, если кто изображаетъ человѣка, неужели Мамонѣ кажется, что вмѣстѣ съ видимымъ изображается и невидимое, или происходитъ раздѣленіе души отъ тѣла, что есть не что иное, какъ смерть? Ибо что такое смерть, какъ не отдѣленіе души отъ тѣла?

Съ полнымъ правомъ Мамонѣ можно сказать слѣдующее: опьяненный златолюбіемъ и побораемый золотомъ, преклоняясь предъ извѣстнымъ въ древности Мидасомъ, начертавъ во многихъ мѣстахъ на золотыхъ сосудахъ и извѣстныхъ таблицахъ свое изображеніе, разумѣешь ли ты свое ученіе? Описалъ ли ты этимъ путемъ свою душу или отдѣлилъ ее отъ тѣла? Или, что одно и то же, — умеръ ли ты, дѣ-

лая это, или нѣтъ? Какая у тебя душа—псовая, свиная или звѣрская, это тебѣ знать. Но что ты, когда говоришь это, оказываешься неразумнѣе безсловесныхъ и свирѣпѣе звѣрей, ибо отгналъ отъ себя страхъ Божій и ополчился противъ христіанской религіи, это я утверждаю рѣшительно. Не слѣдовало ли тебѣ разсуждать и говорить сообразно съ тѣмъ, какъ ты поступалъ, а не такъ, чтобы въ противорѣчіе съ самимъ собою и истиной говорить одно, и дѣлать другое? Если ты не убѣдилъ самого себя, то тѣмъ менѣе ты можешь убѣдить другихъ. Ты приказалъ чтить и кланяться воздвигнутымъ тобою изображеніямъ и не легкимъ наказаніемъ угрожалъ тому, кто не исполнилъ бы твоихъ приказаній, подобно тому надменному варвару Вавилонянину, поведенію и безумію котораго ты подражалъ, и который, изготавивъ и воздвигнувъ извѣстное изображеніе, приказалъ поклоняться ему и опредѣлилъ жестокою смерть въ наказаніе за ослушаніе. Низвергнувъ икону Христа и поставивъ взамѣнъ ея свое изображеніе, ты по всей справедливости долженъ считаться антихристомъ. И сколькимъ смертямъ ты подвергся бы, когда тебя изображаютъ на монетахъ. Но разъ умерши душою отъ нечестія и беззаконія, ты уже не чувствовалъ этихъ безчисленныхъ смертей. Такъ, мнѣ кажется, слѣдовало бы и умѣстно было бы сказать Мамонѣ за его разсужденія и дѣянія. Но время перейти намъ къ разсмотрѣнію стоящихъ предъ нами вопросовъ и подвергнуть ихъ обсужденію, дабы не откладывать далѣе нашу рѣчь о нихъ.

28.—Людямъ съ трезвою мыслию, -- скажемъ мы, приступая къ рѣшенію вопроса, — ясно, что первообразъ есть начало и дѣйствительно существующій образецъ начертываемой по нему фигуры, — оригиналь

подобной ему копіи. Опредѣленіе же иконы согласное съ тѣмъ, какъ принято говорить у художниковъ, таково: икона есть подобіе первообраза, сходственно отпечатлѣвающее въ себѣ внѣшній видъ изображаемаго, но отличающееся отъ него, при различіи сущности, матеріею, — или: она есть подражаніе и отраженіе первообраза, отличающееся отъ него по сущности матеріалу; или: она есть произведеніе искусства, созданное въ подражаніе первообразу, но отличающееся отъ него по существу и по матеріи. Если бы икона ничѣмъ не отличалась отъ первообраза, то она была бы уже не иконою, а первообразомъ. Такимъ образомъ икона, копія и изображеніе возможны только въ отношеніи къ дѣйствительно существующему.

29. А идолъ есть изображеніе того, что не имѣетъ дѣйствительнаго существованія. Такія изображенія, на примѣръ, тритоновъ, кентавровъ и другихъ несуществующихъ чудовищъ изготовляютъ язычники. Имено этимъ икона и идолъ отличаются другъ отъ друга, и не принимающіе этого различія по заслугамъ могутъ быть названы идолослужителями. Съ другой стороны иконы, суть изображенія хорошаго и дурного, и честь, имъ оказываемая, неодинакова: иконы хорошія должно почитать, а дурныя отвергать и отвращаться отъ нихъ, какъ отъ идоловъ, и особенно тѣхъ изъ нихъ, которыя употреблялись для почитанія идоловъ древними, не знавшими Бога всяческихъ и Первую Причину. Это явленіе было обязано или порабощенію людей чувственностію и землей, или тиранніи, преступившей всѣ предѣлы и границы подобающаго почитанія. Посему слово идолъ не должно говоритья о чемъ-либо хорошемъ, такъ какъ оно употребляется преимущественно о предметахъ языческаго идолослуженія, которое, по слову Апо-

стола, приносится демонамъ посредствомъ жертвъ (1 Кор. 10, 20).

30.—Считаю нелишнимъ здѣсь сдѣлать въ нашей рѣчи добавленіе о томъ, что икона относится къ первообразу, какъ слѣдствіе къ причинѣ. Отсюда необходимо причислить ее къ разряду предметовъ соотносительныхъ. Соотносительнымъ называется то, что въ своемъ существѣ опредѣляется примѣнительно къ другому и тѣмъ устанавливается взаимное вліяніе одного на другое, какъ напримѣръ отецъ есть отецъ сына равно какъ и наоборотъ: сынъ есть сынъ отца; также другъ предполагаетъ друга, правый лѣваго, лѣвый праваго; равнымъ образомъ, господинъ есть господинъ раба и обратно, и тому подобное. Точно также и первообразъ есть первообразъ образа (иконы). И никто не назоветъ образъ, не имѣющій отношенія ни къ кому, образомъ кого-либо. Одинъ вызывается и мыслится вмѣстѣ съ другимъ. И хотя бы первообразъ умеръ, отношеніе не уничтожается: одновременное уничтоженіе не примѣнимо къ подобнымъ отношеніямъ; отношенія остаются и безъ предметовъ, какъ это есть напр. въ отношеніи отца къ сыну и пр. Представляя умершаго, какъ живого, образъ—въ видѣ копіи, памятника или очертанія—сохраняетъ продолжающееся во времени отношеніе. Подобіе, являясь посредствующимъ отношеніемъ, связываетъ крайніе члены, т. е. того, кто подобенъ, съ тѣмъ, кому подобенъ,—соединяетъ ихъ по внѣшнему виду, хотя существо ихъ остается различнымъ. Но хотя сущность того и другого различна, однако первообразъ не есть что-либо иное по сравненію съ образомъ, а именно то самое, что составляетъ содержаніе образа. Чрезъ изображеніе первоначальнаго предмета дается о немъ познаніе и въ немъ можно созерцать ипостась начертан-

наго. Эту особенность нельзя наблюдать въ другихъ случаяхъ этихъ отношеній, напр. въ приложеніи къ отцу, сыну, другу. Здѣсь дѣло обстоитъ совершенно иначе: каждый изъ послѣднихъ отличается отъ другого не по существу, ибо существо ихъ одно и то же, а по различію ипостаси. И хотя въ этихъ послѣднихъ случаяхъ отношеніе не уничтожается даже при раздѣленіи членовъ отношенія, однако оно гораздо болѣе удерживается въ приложеніи къ образу и первообразу. Подобіе естественно ведетъ за собою одинаковость имени; названіе одно и то же: царемъ называется и царскій портретъ. Онъ могъ бы сказать: царь и я одно, разумѣется, за исключеніемъ различія по существу. Все это мы сказали, чтобы показать, какое отношеніе икона (образъ) имѣетъ къ первообразу. Они не одно и то же по существу; и то, что говорится о первообразѣ, какъ первообразѣ, не можетъ быть всецѣло приложимо къ иконѣ (образу). Первообразъ можетъ быть одушевленнымъ, а образъ неодушевленъ; тотъ можетъ быть разумнымъ и подвижнымъ, а этотъ неразуменъ и неподвиженъ. Слѣдовательно, они не одно и то же; они подобны по виду и различны по существу. Такъ какъ икона (образъ) принадлежитъ къ числу предметовъ соотносительныхъ, то она прославляется, когда прославляется первообразъ; и наоборотъ, подвергается безчестію, когда онъ безчестится. Итакъ, въ виду разницы между первообразомъ и образомъ, явствующей изъ самаго существа дѣла и опредѣленія, а также въ виду того, что живопись описываетъ только внѣшній обликъ предметовъ и не касается ихъ сущности, противники наши безпокоятся напрасно полагая, что живопись раздѣляетъ соединяемое по природѣ. Они по справедливости должны считаться людьми безтолковыми и умственно нездоровыми.

31.—Если нужно говорить о томъ, откуда произошло и образовалось слово *εἰκών* (икона), то этимологически мы производимъ его отъ глагола *εἶκω*, который имѣетъ и другія значенія, но собственно значить—*я похожъ*. Отъ глагола *εἶκω* чрезъ прибавленіе буквы *γ* произошло слово *εἰκών*, обозначающее *сходство*. Именно поэтому и подвергается поношенію со стороны враговъ истины икона, сходящая со Христомъ. Отъ указанного глагола, какъ коренного, происходитъ глаголъ *ἵσικα*, означающій также *подобіе*. При такихъ обстоятельствахъ, кому изъ здравомыслящихъ неясно, что икона Христа есть нѣчто отличное отъ Него? Одинъ только этотъ мудрецъ, не зная того, что извѣстно всѣмъ, бредетъ по указанію своихъ страстей и влеченій. Между тѣмъ, если бы хотя немного сознавалъ онъ то, что приносить пользу, онъ долженъ былъ бы чтить и лобзать икону Христову по крайней мѣрѣ въ виду того отношенія, какое она имѣетъ къ первообразу. Итакъ, ясно, что, какъ и всегда это бываетъ, только нечестіе и невѣжество могутъ сносить и высказывать подобныя несообразности. И въ то время какъ ему слѣдовало употреблять слова *подобный* и *неподобный*, которыя приложимы въ разсматриваемомъ случаѣ и которыя означаютъ качество (какъ поступили бы люди опытные въ этомъ), что легко открывало ему возможность говорить объ этомъ правильно, онъ напротивъ считаетъ тождественнымъ различное и касается сущности. Между тѣмъ ни того ни другого въ данномъ случаѣ не нужно было дѣлать. Въ то же время Мамона отказывается употреблять терминъ „*иное и иное*“ (*ἄλλο καὶ ἄλλο*), обозначающее раздѣленіе естествъ, но употребляетъ *иной и иной*, (*ἄλλος καὶ ἄλλος*), такъ какъ онъ указываетъ на лица, которыя отличаются одно отъ другого, и создаетъ

этимъ неизбѣжно многія ипостаси и столько лицъ Христа, сколько существуетъ иконъ. Такимъ образомъ будетъ много Сыновъ и самое имя *Единородный* должно будетъ исчезнуть. Можно ли въ достаточной мѣрѣ выразить презрѣніе и порицаніе этому, выходящему за предѣлы слова и представленія, нечестію? Здѣсь мы кончимъ нашу рѣчь объ этомъ. Я думаю, наши соображенія достаточно показали, что божественное и преестественное Слово не можетъ изображаться и описываться, — что обращаясь съ нами, Оно не подвергло Себя описуемости, ибо кто настолько тупъ, безуменъ и омрачился душевно, чтобы сомнѣваться въ этомъ? Слово никогда не лишалось Своего естественнаго свойства. Точно также и плоть, соединившаяся со Словомъ, не сдѣлалась неопишуемою. Это, полагаю, мы достаточно показали посредствомъ многихъ разсужденій, равно какъ и положенія противниковъ, благодаря ихъ собственнымъ нелѣпостямъ, при содѣйствіи истины, получили надлежащее опроверженіе.

32.—Теперь намъ остается сказать о неразумно сочиненномъ ими раздѣленіи и о томъ, какъ оно получается. Прежде всего возбуждаетъ недоумѣніе то, какимъ образомъ описывающій или изображающій плоть (допустимъ, что это безразлично, ибо Мамона неразумно считаетъ то и другое однимъ и тѣмъ же), „отдѣляетъ по его словамъ, ее отъ соединеннаго съ нею божественнаго Слова и дѣлаетъ Христа одною только тварью, такъ что у Него нѣтъ божескаго естества“. Раздѣляетъ ли онъ только мысленно и на словахъ, или чувственно и на дѣлѣ? Тутъ большая разница. Говоря о раздѣленіи, Мамона не указалъ, какимъ образомъ совершается это раздѣленіе по его мнѣнію. Если онъ скажетъ, что раздѣленіе совер-

шается только въ мысли, то мы согласимся съ нимъ, ибо это содержится и въ нашемъ ученіи, исключая только описуемость. „Такъ какъ естества, говоритъ Богословъ, мысленно раздѣлимы, то раздѣльны и наименованія для нихъ, — послушай слова Павла: *да Богъ Господа нашего Иисуса Христа, Отецъ славы* (Ефес. 1, 17), Христа—Богъ, а славы—Отецъ,—хотя то и другое одно, но не по естеству, а по соединенію“. Мамона былъ бы достоинъ большой похвалы, если бы остановился на этомъ мѣстѣ: ни у насъ не было бы никакого разсужденія объ этомъ, ни ему не пришлось бы изощрять языкъ свой противъ насъ, ибо въ такомъ случаѣ вмѣстѣ съ Словомъ онъ читилъ бы и изображенія. Но онъ въ данномъ случаѣ этого не сказалъ. Никогда онъ не приклонялъ ухо свое къ ученію богослововъ и не желалъ питаться ихъ наставленіями, потому что поработилъ себя влеченіямъ и вожделѣніямъ плоти.

Такимъ образомъ ему необходимо было обратиться нечестиво и неразумно къ другому значенію выраженія и утверждать, что нераздѣльно соединенное раздѣляется въ дѣйствительности и на дѣлѣ. Этотъ мудрецъ долженъ разъяснить намъ, какою силою и дѣйствіемъ описывающій и изображающій раздѣляетъ то преестественное и дивное, превосходящее силу слова и мысли, соединеніе, коимъ Слово, существенно вселившись въ Пречистую Богородицу Дѣву, связало со всѣмъ Собою всего человѣка въ ипостасномъ единствѣ, которое могъ совершить одинъ только Богъ,—какимъ, говорю, образомъ онъ отдѣляетъ особенно Бога и особенно человѣка? И естественно ли Слову допускать это и отдѣляться отъ однажды соединенной съ Нимъ плоти, или же это совершенно не естественно для него? Если допустить первое, то придется при-

писать Слову страданіе. Но если бы Оно страдало и было описуемо, то Оно было бы подвержено этому и прежде соединенія съ плотію. Но это невозможно. Оно не могло страдать, будучи безстрастно по природѣ. Итакъ, Слово естественно не можетъ быть отдѣлено отъ соединенной съ Нимъ плоти. Если же допустить второе (возможность отдѣленія Слова отъ плоти), то гдѣ произошло это? Какое слово, касаясь того, что превышаетъ слово, что неопишимо и неизреченно, въ состояніи нарушить это неразрывное, непреложное и естественное соединеніе?

„А если не отдѣляется (отъ плоти), то безъ сомнѣнія должно быть вмѣстѣ съ нею и описуемымъ, а вотъ вслѣдствіе этого-то онъ и боится называть плоть описуемой, не разумѣя того, что въ дѣйствительности онъ при этомъ вводитъ и возможность для Слова подлежать описуемости, ибо что это иное, какъ не такая возможность подлежать описуемости? И вотъ Мамона впалъ въ то, чего думалъ избѣжать, потому что, если бы было такъ, какъ онъ думаетъ, то Слово было бы описано и такимъ образомъ оказалось бы страстнымъ уже ранѣе единенія съ тѣломъ, а не по причинѣ этого единенія. Если же Оно неопишимо по природѣ, то и въ соединеніи съ тѣломъ Оно можетъ пребывать внѣ предѣловъ физической ограниченности и описуемости, совершенно не поврежденнымъ и не умаленнымъ. То, что претерпѣваетъ тѣло, Слово претерпѣвать съ нимъ не можетъ по существу, ибо изъ безстрастнаго и неизмѣняемаго Оно не можетъ превратиться въ страстное и измѣняемое. Итакъ, хотя тѣло Его и описуемо, само Слово неопишимо. Поэтому нелѣпо, безумно и нечестиво говорить, что Христосъ раздѣляется, когда изображается или описывается вмѣстѣ съ плотію. Однако для Мамоны

дѣло идетъ главнымъ образомъ не объ этомъ. Онъ измыслилъ неопишемое, какъ орудіе, удобно служащее его нечестивому намѣренію. Употребляя его, онъ нашелъ его полезнымъ для упраздненія домостроительства нашего Спасителя.

33—Можно подивиться, какъ Мамона при своей великой мудрости не замѣтилъ слѣдующаго, хотя онъ изслѣдуетъ и обсуждаетъ предметъ подробно и тщательно. Почтивъ Христа тѣмъ, что усвоилъ Ему неопишемость, и признавъ Его отдѣленнымъ отъ плоти, если бы Онъ описывался, Мамонъ забываетъ говорить о Его пречистой душѣ и такимъ образомъ въ своемъ ученіи не выказываетъ почтенія къ ней. Почему же такъ? Повидимому, изображающій Христа отдѣляетъ отъ тѣла и Его душу, чтобы такимъ образомъ вмѣстѣ съ Словомъ отторгнуть и душу. Отъ описуемаго тѣла душа отстоитъ настолько же, насколько и божественное Слово, ибо и она по природѣ своей неопишима. Затѣмъ въ виду того, что это насъ интересуетъ, и мы недоумѣваемъ, пусть писанія этого мудреца, а также тѣ, кои теперь лжемудрствуютъ или лучше сказать безумствуютъ на основаніи ихъ, пусть разъясняютъ намъ (среди ихъ нелѣпостей есть еще и такая) слѣдующее: человѣческій изобразимый видъ Христа отдѣляется отъ воспринявшаго его Слова одушевленнымъ или неодушевленнымъ? Если—неодушевленнымъ, то человѣчество Христово снова оказывается умершимъ, и среди мертвыхъ обрѣтается свободный отъ смерти; снова Онъ распинается и выставляется на поруганіе, и это не разъ, а много разъ, всегда, пока Онъ будетъ изображаться. Притомъ бездушное, скажетъ кто-либо, будучи неподвижнымъ, не можетъ удалаться и перемѣщаться. Кромѣ того неясно, куда дѣнется душа. Если они признаютъ, что

Слово заступаетъ мѣсто души, то тутъ ясно выступаетъ ученіе Аріанской ереси. Если же человѣческая форма отдѣляется отъ воспринявшаго ее Слова, то ихъ безуміе должно сказать, куда она дѣвается. Здѣсь такимъ образомъ содержится самое главное и самое характерное изъ всѣхъ ихъ положеній.

Какое же это? Такъ какъ они хотятъ, чтобы изображеніе было одно и то же съ первообразомъ, то допускаютъ, что они единосущны, и между ними нѣтъ никакого различія, т. е. икона, по ихъ мнѣнію, представляя и выражая божественныя священныя черты, будетъ совпадать съ ними, какъ подобное съ подобнымъ, сдѣлается собственной имъ и связанной съ ними по естеству, какъ единосущная. Если это такъ, то икона не должна бы быть лишена движенія, чувствительности,—ей подобаешь, согласно ихъ заблужденію, обладать способностію перемѣнять одно мѣсто на другое и вообще дѣйствовать и претерпѣвать все то, что свойственно и что наблюдается на существахъ одушевленныхъ; имъ надо даже признавать ее не иконою, а одушевленнымъ разумнымъ существомъ; а отсюда со строгою послѣдовательностію божественное Слово должно считаться лишеннымъ тѣла. Но какъ же, все это можетъ быть приписано Христу? Какъ работаетъ художникъ и достигаетъ желаемого? Не иначе какъ средствами живописи. Между тѣмъ пришлось бы считать живописное искусство болѣе божественнымъ и удивительнымъ, чѣмъ оно есть, проявляющимъ въ отношеніи къ предмету изображенія силу болѣе притягательную, чѣмъ магнитъ, признавать его болѣе дѣйствительнымъ, чѣмъ сила Слова, поскольку оно лишаетъ Слово соединенной съ Нимъ плоти, а Слово терпитъ ущербъ, и ипостась Христова распадается.

Не ясно ли, что Слово причиняется этимъ страданіе, сильнѣйшее всякихъ другихъ страданій?

34.—Въ чемъ же все это уступаетъ нелѣпостямъ такъ называемыхъ Христолитовъ ¹⁾ и ихъ гнусной ереси? Откуда этотъ непобѣдимый и ненавистный врагъ Христа—малый, но жестокий тиранъ—искусство? Откуда у него такая сила и энергія, что онъ въ состояніи лишить и исхитить у Бога принадлежащее Ему, притомъ не случайное и внѣшнее, а присущее Ему по природѣ и соединенное съ Нимъ ипостасно? Какимъ образомъ Слово по принужденію отказалось отъ того, что Оно приняло добровольно? Развѣ это не превышаетъ всякое нечестіе? Въ такомъ случаѣ искусство окажется сильнѣе смерти. То, что не было сдѣлано смертію въ то время, когда воздвигшіе крестъ убили Христа, вполне достигается искусствомъ. Слово совѣмъ не отдѣлялось отъ пречистой и животворящей Своей плоти и души даже на то малое и короткое время, когда ради насъ пріяло смерть, а, сошедши, какъ преблагое и человеколюбивое по природѣ, въ адъ, объявило и даровало духамъ заключеннымъ освобожденіе и разрѣшило отъ обдержавшихъ ихъ узъ. Какимъ же образомъ живописецъ совершаетъ то, что было непосильно смерти? Какимъ образомъ Связавшій сильнаго (Мѡ. 12, 29) былъ связанъ безсильнымъ и слабымъ искусствомъ? Приходится признать что искусство изобразительное и живописное обладаетъ способностію разсѣкать и раздѣлять болѣе, чѣмъ смерть. Такимъ образомъ Мамона не опускаетъ ни одного случая для проявленія безбожія.

Но къ чему распространяться далѣе объ отврати-

¹⁾ Христолиты утверждали, что Христосъ послѣ воскресенія изъ мертвыхъ оставилъ одушевленное тѣло на землѣ и отошелъ на небо съ однимъ божескимъ естествомъ

тельномъ и гнусномъ, когда можно сказать виновнику всего этого такъ: такими дарами увѣнчиваютъ тебя твои измышленія, такимъ воздаяніемъ вознаграждаютъ тебя вопрошатели твоихъ мудрыхъ и искусныхъ рѣчей; къ столь великой чести привели тебя отвлеченные и возвышенные твои догматы. Не есть-ли все это безуміе бреда пьяныхъ, безразсудіе дѣйствій людей изступленныхъ и неистовствующихъ? Это отрыжка людей, услаждающихъ свое чрево и горло. Таковы плоды пріятнаго ему навоза. Это разсужденія неумѣренныхъ изблеваній, псовой и свиной жизни и звѣрскаго права; это дѣйствія людей, выслѣживающихъ неразумныхъ животныхъ; это—поведеніе людей, погружающихъ руки въ христіанскую кровь и поднимающихъ десницу противъ Христа; это—изобрѣтеніе людей, обрѣзающихъ человѣческую плоть. Къ людямъ, держающимъ такъ мыслить, вполнѣ подходитъ это священное изреченіе: *якоже бо явившася изречетъ, и сердце его тщетная уразумѣетъ, еще глаголати ни Господа прелестъ* (Ис. 32, 6). Ибо какой здравый умъ можетъ помыслить это? Люди, не лишенные разума, не могутъ такъ думать и говорить.

35.—Спаситель, даже когда Онъ по преизобилю милосердія выносилъ скорби и поруганія, когда былъ побиваемъ камнями, когда принялъ конецъ всѣхъ мученій—смерть, не претерпѣлъ этого. Неужели Онъ можетъ претерпѣть это на иконѣ? Напротивъ, какъ тамъ Слово не претерпѣло ничего по Своей природѣ и не отдѣлилось отъ плоти, но вмѣстѣ и нераздѣльно соприсутствовало ей во время ея страданій, такъ и здѣсь на изображеніи Оно не можетъ испытать ничего подобнаго. Вездѣ одинаково оно пребудетъ однимъ и тѣмъ же Словомъ истины. Какъ носившее образъ перстный и брENNую персть, Оно могло бы сказать

Мамонѣ: въ этомъ Я не неопишуемо, а напротивъ опишуемо. Такъ какъ тварь подверглась поруганію и истязаніямъ, то она также должна принять и ограниченіе пространствомъ и свойство быть описываемой и изображаемой, нисколько не отдѣляясь отъ соединеннаго съ нею и соприсутствующаго ей Слова.

36.—Если Мамонѣ непонятно, какъ это происходитъ, если ему недоступенъ смыслъ таинства, то онъ могъ бы спросить живописца и отъ него услышалъ и узналъ бы, разумѣется при томъ условіи, еслибы обладалъ твердымъ умомъ и не былъ лишенъ духовной воспріимчивости, слѣдующее: мы пишемъ и изображаемъ то, чему научились изъ святыхъ Евангелій, согласно древнему отеческому преданію, переходившему отъ отцовъ къ дѣтямъ, и ничего не дѣлаемъ вопреки богодухновеннымъ изреченіямъ. И если послѣднія достойны почтенія, то и иконы или должны быть удержаны вмѣстѣ съ ними или же вмѣстѣ съ ними должны быть отвергнуты, какъ имѣющія одно и тоже содержаніе. Писанія научили насъ, что ипостасное Слово Божіе ради насъ содѣлалось человѣкомъ, обращалось среди людей, восприняло подобно намъ плоть и кровь, несотворенное стало тварію, Слово одebelѣло и стало плотію, невидимое сдѣлалось видимымъ, безстрастное по чelовѣколюбію ради насъ приняло страданіе. И мы, слышавшіе тѣхъ, которые видѣли, вѣримъ этому, чтобы удостоиться блаженства: *блажени не видѣвши и вѣровавши* (Іоан. 20, 29). И такъ, что мы видѣли нашими очами вѣры и что мы осязали руками, то мы пишемъ (Іоан. 1, 1) и изображаемъ, не раздѣляя и не отдѣляя разъ навсегда соединенную съ Божествомъ плоть, ибо нелѣпо даже сказать это и крайне безумно помыслить объ этомъ. Мы изготовляемъ иконы и въ тоже время при-

знаемъ, что соблюдаемъ писанія, согласно издревле господствовавшему священному православному обычаю.

37. Если же ты не вѣришь въ Евангелія, то мы прекратимъ защищеніе и доказательства. Или принимай иконы, или же отвергай и Евангелія. Для насъ преданное по вѣрѣ является не менѣе достовѣрнымъ, чѣмъ то, что происходитъ подъ руками и предъ глазами; ты же не уразумѣлъ этого настолько, чтобы быть въ состояніи убѣдиться въ истинѣ того, потому что ты плотянь, никнешь къ землѣ и ничего не понимаешь въ нашихъ таинствахъ. При видѣ солнечнаго луча, падающаго на дерево или на другое что, подумаешь-ли ты, что когда дерево срублено, будетъ подрубленъ совершенно также и лучъ, не способный испытать это? И развѣ если бы кто изобразилъ фигуру солнца, отдѣлилъ бы тѣмъ солнце отъ свѣта? Или при видѣ раскаленнаго желѣза, еслибы его стали поливать водою, подумалъ ли бы ты, что вмѣстѣ съ огнемъ гаснетъ и уничтожается желѣзо, которое не имѣетъ свойства портиться отъ охлажденія и влаги и которое напротивъ, благодаря имъ, твердеетъ и крѣпнетъ? Слѣдовало бы, чтобы Мамона тщательно понаблюдалъ эти явленія, подъ руководствомъ истины поразмыслилъ о природѣ ихъ и затѣмъ по этимъ примѣрамъ уразумѣлъ въ отношеніи къ предмету нашей рѣчи, что Слово не можетъ описываться съ плотію и что все наполняющее (Слово) не можетъ отдѣляться отъ нея, когда она изображается. Итакъ, многое говоритъ за то, что проповѣдуемое Мамоною есть не догматы, а бредни. Онъ болтаетъ хуже воронъ и лягушекъ, какъ безгласная рыба и безчувственный дубъ онъ злословитъ Христа и вѣру нашу.

38.—„Ибо невозможна такая икона, которая бы не

представляла формы и чертъ лица своего первообраза, каково оно есть“. Итакъ, если Христосъ имѣть видъ и черты, то Его икона будетъ представлять Его совершенно прилично и благочестиво. Если же она представлять Его не будетъ; то Онъ оказывается не имѣющимъ вида, чертъ и лица, то есть Христосъ лишень ипостаси. Къ такому заключенію приводитъ рѣчь Мамоны. Такъ отъ словъ своихъ оправдается и отъ словъ своихъ осудится. И если вообще не возможно существованіе иконы, которая бы не представляла форму и черты лица своего первообраза, то и икона, представляющая намъ Христа, какъ подобіе, и съ именемъ Его хранившаяся христіанами,—причемъ надпись вполнѣ подтверждаетъ истину,—изображаетъ предъ нами видъ и лицо Его, какъ первообраза, ибо изготовляется именно въ подражаніе Ему. И теоретическія соображенія подтверждаютъ истинность нашей рѣчи. Если икона Христа изображаетъ не Его, то она не будетъ представлять образа и кого другого, ибо какъ она будетъ изображать того, кого она не есть икона? Образъ одного не можетъ быть подобенъ образу другого, какъ одна восковая печать не сходится съ другой. Мамона же сдѣлалъ именно это, когда отвергъ икону Христа на томъ основаніи, что она не имѣетъ ни лица, которее должна бы представить и показать, ни первообраза, который должна бы изобразить. Итакъ, противъ воли онъ вынужденъ признать на основаніи собственныхъ рѣчей, что Христосъ безличенъ, безобразенъ и неизобразимъ, а также что Онъ лишень ипостаси. Именно поэтому возводя обвиненіе на живописцевъ, онъ подвергалъ ихъ истязаніямъ за то, что они изображали недѣйствительный образъ и не существующее лицо. Вслѣдствіе этого же онъ осмѣлился нечестиво прилагать ко свя-

щеннымъ изображеніямъ Христа названіе идоловъ, устанавливая этимъ, что Христосъ лишенъ лица и даже ипостаси, ибо говорятъ, что идолъ есть изображеніе никогда не существовавшего, не подобіе, ибо онъ не имѣетъ отношенія къ тому, чему уподобляется, а мнимый образъ, неразумно приготовляемый ваятелемъ. Таковы положенія, порождаемыя умомъ Мамоны, который не допускаетъ во Христѣ никакого внѣшняго образа. Но божественный Апостолъ, разъясняя Христову тайну, говоритъ намъ не только объ одномъ божественномъ, но еще и о другомъ образѣ—образѣ раба, говоритъ о Христѣ, содѣлавшимся подобнымъ человѣкамъ и по виду ставшимъ какъ человѣкъ (Филип. 2, 7). Посему слѣдуя Павлу и исповѣдуя во Христѣ два образа, являющія намъ два естества, мы признаемъ страстнаго подобно намъ человѣка имѣющимъ внѣшній видъ, описуемымъ. Но Мамону видъ человѣческій не приводитъ къ мысли объ описуемости; не внимаетъ онъ и божественному Петру, который говоритъ, что *Богъ прослави отрока своего Иисуса* (Дѣян. 3, 13), и представляетъ этого Отрока безобразнымъ и безличнымъ. Чѣмъ же онъ считаетъ спину и ланиты, изъ которыхъ первая приняла бичеванія, а вторыя—удары, а также пронзенныя божественныя ребра и раны отъ гвоздей? Но все это для Мамоны вздоръ и суесловіе. Кажется, и въ этомъ пунктѣ Мамона имѣлъ своимъ учителемъ Евсевія, который пустословилъ, что человѣческій образъ Христа совершенно измѣнился и не сохранилъ присущихъ ему свойствъ. Когда Мамона уразумѣлъ, что никто изъ православныхъ не приметъ его праздною болтовни, то, разставшись съ словами, онъ перешелъ къ дѣлу, выступивъ явно въ качествѣ врага Христова, и съ того времени употреблялъ всѣ ухищренія и уси-

лія, поносивъ и отметалъ вмѣстѣ съ иконою и самый первообразъ и изглаждалъ память о немъ, ибо тяжело ему видѣть Христа на иконѣ. Затѣмъ какъ бы пришедши въ себя (при мысли), что Христосъ оказывается у него лишеннымъ лица и ипостаси, онъ подобно очнувшимся отъ горячечнаго бреда и избавившимся отъ безумія, обращается къ себѣ, возвращается на свою блевотину, снова заводитъ рѣчь о лицѣ и говорить:

39.—„Невозможно изображать лицо одного естества у того, кто состоитъ изъ двухъ естествъ при одномъ лицѣ, такъ что по другому естеству онъ оказывается безъ лица“. И теперь онъ настаиваетъ на своихъ положеніяхъ, однако не прежнимъ способомъ. Здѣсь онъ покидаетъ вопросительную форму, какъ бы забывъ свое же, не обращаетъ вниманія на прежнія измышленія и вскрываетъ свои взгляды, причемъ пользуется не логическимъ методомъ, ведетъ рѣчь не на основаніи доказательствъ отъ Писанія или отеческихъ, но дерзостно излагаетъ то, что позволяла ему его власть, нечистый умъ, тучное чрево, скверныя изблеванія, навозная грязь, а также безмѣрная страсть къ мірскому и низкому, чѣмъ онъ думалъ хвастаться и тѣшиться. Что онъ расточаетъ предъ нами праздныя и пустыя рѣчи, ясно каждому. Однако необходимо неустанно бороться съ этимъ невѣжествомъ благовременно и безвременно. Ничто не мѣшаетъ намъ, отправляясь отъ содержанія его рѣчи, довести его до противорѣчія и показать, что онъ явно борется съ самимъ собой. Слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что такъ какъ въ виду существованія единого лица онъ говоритъ о невозможности изображать Христа по одному изъ двухъ естествъ и немного спустя подтверждаетъ это въ словахъ „икона

есть икона лица и потому божеское естество, какъ неопикуемое, лица не имѣетъ“, то для допущенія соотвѣтствующаго его рѣчи противоположенія Мамона на основаніи мысли о томъ, что Христосъ изображаться не можетъ, долженъ былъ бы вывести заключеніе, что Онъ лишенъ лица и по другому своему естеству. Но это въ свою очередь невозможно. Въ данномъ случаѣ онъ вынужденъ былъ бы сказать, что при существованіи двухъ естествъ въ одномъ лицѣ, причемъ лицо одного естества неизобразимо, а другое естество лишено лица, невозможно мыслить Христа даже только Богомъ и, приписывая лицо только Его божеству, не изображать Его, потому что неизобразимое предполагаетъ неизобразимость лица, а между тѣмъ плоть описуема. Итакъ, рядомъ съ прежними нелѣпостями Мамоны и настоящія несообразности не менѣе явны. Онъ не избѣжалъ двойной пропасти, будучи уловленъ сѣтями своихъ рѣчей, ибо противъ воли вынужденъ былъ, хотя много трудился, а еще болѣе пустословилъ о неопикуемости, признать Слово описуемымъ, чтобы не дѣлать вывода, что лицо относится ко одному только божескому естеству, а плоть остается безъ лица. Въ противномъ случаѣ ему необходимо придется мыслить Его невидимымъ, неосязаемымъ и безстрастнымъ и вообще допустить, что Оно не восприняло плоти. Но какимъ образомъ въ такомъ случаѣ онъ избѣжитъ богохульства докетовъ и фантасіастовъ? До сихъ поръ онъ не называлъ это лицо и ипостась простыми: иначе онъ долженъ былъ бы упразднить все домостроительство, что ясно высказать онъ опасается, такъ какъ оказалось бы, что онъ ниспровергаетъ всѣ наши таинства; ибо простое по природѣ не можетъ быть видимымъ, представляемымъ, страстнымъ; безстрастное же и нетлѣнное со-

вершено непостижимо и недоступно пониманію. А это что есть иное, какъ не Богъ? Этого Мамона не говорить, а признаеть, что лицо сложно, утверждая, что оно имѣеть два естества, хотя и скрываетъ, какъ онъ представляетъ способъ ихъ соединенія. Онъ пытается при помощи одного слова *неописуемость* упразднить всѣ другія свойства!

Мы утверждаемъ, что ипостась состоитъ изъ двухъ противоположностей, какъ научаютъ насъ богословы: „явившійся Богъ съ воспріятымъ (человѣческимъ естествомъ), одно изъ двухъ противоположныхъ, т. е. плоти и духа“ (Григорій Богословъ). Невозможно, чтобы два естества, соединенныя въ одномъ существѣ, не были противоположны и различны. Ихъ различіе показываетъ уже число: если къ сложному прилагается число, то оно указываетъ на различіе природы (составныхъ частей) исчисляемаго. Если бы они были однимъ и тѣмъ же, то ихъ было бы не два, а одно, ибо какъ можетъ быть сложное при одномъ и томъ же естествѣ? Сложное говорить о различіи слагаемыхъ, а также о ихъ разнородности. Выслушаемъ отца, который, рассуждая о составѣ и твореніи человека, созданнаго изъ естествъ видимаго и невидимаго, совершенно противоположныхъ другъ другу, замѣчаетъ: „онъ не былъ сліяніемъ двухъ, ни смѣшеніемъ противоположныхъ (составныхъ частей)“. Итакъ, почему же, называя ипостась сложною, онъ не признаеть соотвѣтственно и послѣдовательно свойствъ, подобающихъ естествамъ, въ ней мыслимымъ? Ибо если видимое противоположно невидимому, осязаемое неосязаемому, тлѣнное нетлѣнному, страстное безстрастному,—или еще какія-либо подобныя противоположности мыслятся объ одномъ и томъ же лицѣ Христа,—то почему же не можетъ мыслиться въ прило-

женіи къ нему антитеза описуемаго и неописуемаго? Кто допускаетъ, что плоть неописуема, тотъ утверждаетъ ничто иное, какъ то, что божеское естество ничѣмъ не отличается отъ человѣческаго, несотворенное отъ сотвореннаго, ибо отождествляетъ оба. И напрасно онъ поэтому и неумѣстно заводитъ рѣчь о двухъ естествахъ. Если не приписывать каждому изъ естествъ присущія имъ качества, изъ которыхъ они состоятъ, и отличительныя свойства, то почему же мы будемъ знать о естественныхъ различіяхъ и существенныхъ признакахъ? При такихъ условіяхъ пришлось бы противоположности называть тождественными, что недопустимо.

40.—Все это бредни и софизмы Аріанъ, Аполлинарія, Евтихія и секты смѣсителей и акефаловъ. Нѣкоторыя нижеприведенныя положенія ихъ могутъ показать, насколько отличаются отъ нихъ мнѣнія Мамоны. Такъ у нихъ есть слѣдующія мѣста: „такъ что говоря о плоти, что она имѣетъ лицо не собственное, а Божіе, мы признаемъ Бога въ Божеской славѣ“.—И еще: „если Родившійся отъ Дѣвы именуется единымъ Господомъ и есть Тотъ, чрезъ Котораго все произошло, то Онъ есть одно естество, ибо одно лицо не допускаетъ раздѣленія на два: вѣдь ни тѣло не есть особое естество, ни также божество во плоти не есть особое естество. Но какъ человѣкъ есть одно естество, такъ и Христосъ, бывшій въ подобіи человѣческомъ“. Такъ какъ Мамона говоритъ то же, то для послѣдовательности ему нужно было утверждать, что во Христѣ одно естество, составленное изъ двухъ, дабы, погрѣшая вмѣстѣ съ ними, не отставать отъ нихъ въ нечестіи. Поистинѣ болѣя ихъ безбожіемъ и богохульствомъ, онъ постарался отвергнуть великій и многолюдный святой соборъ, который, движимый Бо-

жественнымъ Духомъ, раскрылъ ученіе объ ипостаси и о естествахъ во Христѣ, ясно и отчетливо возвѣстивъ намъ таинство Божественнаго домостроительства.

Прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на то, что Мамона въ данномъ случаѣ утверждаетъ, что Христосъ *изъ двухъ естествъ*. Но я недоумѣваю, какъ это возможно для того, кто немного раньше отказывался приписывать Ему какой-либо образъ. Однако онъ отнюдь не говорилъ при этомъ, что Онъ и *во двухъ естествахъ* ¹⁾. Итакъ, не сливается ли и онъ въ слѣдъ за своими учителями естество ради единой ипостаси. Упраздняя описуемость, онъ явно отрицаетъ и прочія отличія плоти. Но говоря такъ, онъ не сохранить свойствъ и естества божескаго и не будетъ въ состояніи признать ипостась Господа ни описуемой, ни неопикуемой, ибо такова сущность сліянія: оно не показываетъ ничего изъ того, что входитъ въ соединеніе, существующимъ самостоятельно, но чѣмъ-то инымъ, какъ это бываетъ въ вещахъ, измѣняющихъ другъ друга. Подобное этому можно наблюдать на смѣшеніи жидкостей, на сплавѣ металловъ, а также на составляемыхъ во врачебной наукѣ лѣкарствахъ и наконецъ на соединеніи составныхъ элементовъ въ тѣла, въ которыхъ ничего не существуетъ отдѣльно—ни огонь, ни земля, ни что другое. Совершенно такъ же думалъ Мамона и о двухъ дѣйствованіяхъ, мыслимыхъ во Христѣ. При одной ипостаси онъ долженъ былъ допускать и одно дѣйствованіе и такимъ образомъ выказать себя послѣдователемъ наставниковъ своихъ, учившихъ о сліяніи

¹⁾ Монофизиты въ виду возраженій православныхъ прибѣгали къ различію, что Христосъ состоитъ изъ двухъ естествъ, однако не *въ* двухъ.

и мнимомъ воплощеніи Господа. Какъ эти послѣдніе нечестиво и злокозненно нападали на двойственное число, которое чтили поборники истинной религіи и православнаго ученія, и затѣмъ выставляли это число, какъ причину раздѣленія ипостаси во Христѣ, такъ что допускали или два лица для двухъ естествъ или въ виду одного лица признавали неизбѣжно только одно естество, — такъ и Мамона, привязавшись къ слову *неописуемый*, изъ всѣхъ силъ добивается или того, чтобы при помощи его раздѣлить ипостась Христову, или того, чтобы Слово было соописуемо плоти. Ибо дальнѣйшая рѣчь его такова:

41.—„Но онъ (живописецъ) долженъ или описывать на иконѣ и божеское естество, ибо Христосъ (состоитъ) изъ двухъ (естествъ), или же представлять Его простымъ только человѣкомъ и такъ изображать Его, поскольку икона есть икона лица и поскольку божеское естество неописуемо“. На какомъ основаніи онъ утверждаетъ это? Мыслимо ли такое состояніе или нѣтъ? Онъ провозглашаетъ это, въ угожденіе своей глупости, произвольно, не обращаясь къ помощи истины. Мы же немного раньше говорили уже объ этомъ въ согласіи съ истиной, именно, что Божественное Слово по природѣ Своей безстрастно и, даже будучи въ тѣлѣ, пребыло тѣмъ не менѣе безстрастнымъ и совершенно чуждымъ того, что Ему приписываетъ праздная болтовня. И теперь тоже скажемъ кратко. Слѣдуетъ замѣтить, что Слово не только не можетъ описываться, когда описывается плоть, но Оно не описывается даже присутствуя въ тѣлѣ, которое соединено съ Нимъ существенно и нераздѣльно. Я думаю, что это извѣстно всѣмъ, если конечно вѣрить въ благовѣствованіе о содѣянномъ во время божественнаго снисшествія. Иначе какимъ образомъ

можно считать заслуживающимъ вѣры Іоанна, который свидѣтельствуетъ истину и говоритъ: *посредѣ васъ стоитъ Егоже вы не вѣстѣ* (Іоан. 1, 26), указывая на Того, Кто еще присутствовалъ тѣлесно? И Самъ Спаситель Истина сказалъ Наананилу: *прежде даже не возгласи тебе Филиппъ, суща подѣ смоковницею видѣхъ тя* (Іоан. 1, 48). Пребывая тѣлесно съ учениками вдали отъ Вифаніи, Онъ провозвѣстилъ кончину Лазаря (Іоан. 11, 14). Послѣ воскресенія Онъ общалъ ученикамъ пребыть съ ними до скончанія вѣка (Мѣ. 28, 20). Зачѣмъ перечислять больше? Гдѣ двое или трое собраны во имя Его, тамъ Онъ общаетъ быть среди нихъ (Мѣ. 18, 20). Христіане собираются вездѣ; и Онъ вездѣ будетъ и, — какъ ясно всѣмъ, — именно по Своей неизреченной и таинственной природѣ, съ которою мы мыслимъ Его вездѣ и надъ всѣмъ. И божественныя изреченія возвѣщаютъ это: *еда небо и землю не Азъ наполняю* (Іерем. 23, 24). И еще: *Богъ приближаясь, глаголетъ Господь, а не Богъ издалеча* (Іер. 23, 23). И: *камо пойду отъ Духа Твоего; и отъ лица Твоего камо бѣжу*. И притомъ Самъ Онъ присутствуетъ во всемъ, но не все присутствуетъ въ Немъ, какъ говорятъ богословы. Изъ всего этого ясно, что Онъ присутствуетъ во всемъ по божеству, ибо тѣлесно Онъ не вездѣ присутствуетъ съ собравшимися. Онъ не присутствовалъ тогда, когда ученики говорили Ему: *и бѣсы повинуются намъ о имени Твоемъ* (Лук. 10, 17). Въ это время тѣло было въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ. Итакъ, ясно, что по тѣлу Христосъ былъ описуемъ, чудеса же всюду творила необычайная и непобѣдимая сила Его имени. И не пророческимъ предвидѣніемъ и даромъ (да не будетъ!) Онъ дѣлалъ и предрекалъ это ученикамъ, какъ бы прозрѣвая будущее, но какъ Богъ вездѣ присутствующий.

щій, и также не однимъ дѣйствованіемъ, какъ пусто-
 словили нѣкоторые изъ древнихъ, утверждавшіе, что
 Слово оставило небеса ипостасно во время божествен-
 наго воплощенія и пребывало съ нами по существу,
 а съ Богомъ и Отцомъ только дѣйствованіемъ и ве-
 личіемъ, ибо они полагали, что сущность и дѣйстви-
 ваніе одинаково отличны какъ въ существахъ тѣ-
 лесныхъ, такъ и въ Божественномъ Словѣ. Право-
 славные это отвергаютъ, ибо не признаютъ такого
 различія въ отношеніи къ существамъ простымъ и
 безтѣлеснымъ. И дѣйствительно сущность и дѣйстви-
 ваніе здѣсь не должны быть отличаемы, дабы не
 мыслить сложнымъ того, что превышаетъ всякую про-
 стоту. Ни сущность не можетъ быть безъ дѣйствова-
 нія, ни дѣйствованіе безъ сущности. *Отецъ Мой*, гово-
 ритъ Спаситель, *доселѣ дѣлаю и Азъ дѣлаю* (Іоан.
 5, 17). Сущность указываетъ на то, что Онъ пребы-
 ваетъ пресущественно, всегда Себѣ равенъ, остается
 неуклонно твердымъ и неподвижнымъ. Дѣйствованіе
 же указываетъ на промыслительные пути въ отно-
 шеніи къ сущему и на изслѣдимое управленіе, кото-
 рымъ онъ пользуется, не лишаясь Своей простоты,
 промышляя надъ всѣмъ. И хотя Онъ пребывалъ въ
 людяхъ, какъ истинный человѣкъ, но и не оставлялъ
 лона Отца; Отецъ былъ въ Немъ и Онъ въ Отцѣ
 (Іоан. 10, 38).—Итакъ, согласно тому, къ чему при-
 водитъ правильное разсужденіе, если Слово не опи-
 сывается въ собственномъ тѣлѣ, то не превыситъ ли
 мѣру всякаго безумія, тупости и нечестія утвержденіе,
 что Слово описывается вмѣстѣ съ описуемымъ тѣломъ,
 въ то время какъ Божественное Слово неопишуемо?
 Возьмемъ (для разъясненія) однородное съ обсуждае-
 мымъ вопросомъ. Такъ какъ Слово присутствуетъ во
 всемъ, то весьма неразумно и крайне нелѣпо было

бы утверждать, что Слово отдѣляется отъ тѣла, если тѣло признать описуемымъ. Ибо если Слово не отсутствуетъ нигдѣ и не удаляется ниоткуда, то что можетъ быть правильнѣе утвержденія, что Оно всегда присутствуетъ въ собственномъ тѣлѣ, ипостасно съ Нимъ соединенномъ и описуемомъ, дабы такимъ образомъ сразу изобличилось странное и неразумное упорство нечестивцевъ? Если бы вся тварь, въ которой присутствуетъ Слово, какъ неопиcуемый Богъ, была неопиcуема, то ихъ соображенія имѣли бы какое-либо значеніе. Если же все описуемо, то чѣмъ вызывается это нелѣпое и жалкое стремленіе одно только Слово отдѣлить отъ тѣла? Поистинѣ такъ разсуждающіе и говорящіе ткуть паутину.

42.—Послѣ сказаннаго обратимся къ продолженію нашей рѣчи. Если Мамона утверждаетъ, что Христосъ изъ двоицы (естествъ), то (если только онъ желалъ сохранить то, что онъ называетъ этимъ славнымъ и знаменитымъ именемъ двоицы) онъ долженъ бы признать Христа описуемымъ по обоимъ естествамъ. Но такъ какъ онъ этого не признаетъ, то это сложное и дивное понятіе двоицы у него распадается. Особенность высокомѣрія и самолюбія состоитъ въ томъ, чтобы слишкомъ легко относиться къ предметамъ, выходящимъ за предѣлы обыкновеннаго, и явно заблуждаться тамъ, гдѣ можно постигать и излѣдывать. На основаніи того, что онъ говорилъ раньше, онъ долженъ былъ предчувствовать и догадываться, что выйдетъ у него изъ всего этого. Итакъ, онъ допускаетъ, что Христосъ состоитъ изъ двоицы? Вслѣдствіе этого Онъ конечно будетъ сложенъ, ибо простое несложно, а то, что изъ двоицы, сложно. Какое же отсюда заключеніе? Если божество неопиcуемо, потому что просто и несложно, то состоящее изъ двоицы

какимъ будетъ? Противъ желанія онъ долженъ сказать, что оно будетъ описуемымъ. Притомъ самое понятіе сложности необходимо предполагаетъ описуемость. Такимъ образомъ вездѣ онъ оказывается въ противорѣчій и съ истиннымъ ученіемъ и съ самимъ собою. Противъ его соображеній слѣдуетъ сказать еще слѣдующее. Онъ полагаетъ, что постигъ таинство Христова, но онъ не знаетъ и не видитъ того, что у его ногъ. Разъ отклонившись отъ праваго и царскаго пути, онъ идетъ по крутизнѣ, покатой съ обѣихъ сторонъ.

Итакъ, онъ хочетъ заставить своихъ слушателей силою доводовъ выбрать одно изъ двухъ. Первое: или живописующіе Христа вынуждены впадать въ двоякій грѣхъ. Первый: или вмѣстѣ съ иконою описывать и божество ради единого лица, которое, какъ говорятъ, состоитъ изъ двоицы, или же представлять Христа простымъ только человѣкомъ и соглашаться такимъ образомъ съ безуміемъ Несторія. Второй: живописцы, стараясь избѣгнуть этого, не должны изображать Его совсѣмъ, чтобы такимъ образомъ впасть въ зловѣріе Мамоны, т. е. пристать къ *противной* сектѣ фантасіастовъ, совершенно отпавшихъ отъ *исти*ны, каковой сектѣ усердно радѣетъ Мамона, утверждая съ одной стороны, что Христосъ состоитъ *изъ двоицы*, а съ другой—вездѣ отказываясь признать, что Христосъ *въ двоицѣ*, т. е. въ двухъ естествахъ. Въ такомъ случаѣ ученіе о божественномъ воплощеніи извращалось бы совершенно. Церковь, избѣгая этихъ нелѣпостей и удерживаясь богоприлично отъ уклоненія въ ту или другую изъ этихъ крайностей, шествуя среднимъ и прямымъ путемъ, держится только одной истины, исповѣдуетъ и чтитъ православно и свято домостроительство Христово. Разсуждающій же подоб-

но Мамонѣ дѣлаетъ нѣчто похожее на то, какъ если бы кто при видѣ многихъ оттисковъ, произведенныхъ на воскѣ золотымъ перстнемъ, сталъ утверждать, что или золото, отпечатлѣвающее оттиски, смѣшалось съ воскомъ, или же вырѣзанная на перстнѣ надпись совершенно отъ него отделилась и отдѣлилась. Или какъ если бы кто, наблюдая изображеніе огня, какъ часто мы видимъ огненные круги и пламя на картинахъ съ херувимами, —ибо въ такомъ видѣ богословы созерцали ангеловъ,—подумалъ, что жаръ отъ огня описывается вмѣстѣ съ матеріаломъ, или что изображаемый огонь лишается своего существеннаго свойства. Если думать и говорить это неразумно и невозможно, то еще болѣе неразумны и невозможны разсужденія Мамоны: они суть изверженія мысли невѣжественной и поврежденной. Ибо если упомянутые предметы не претерпѣваютъ ничего въ своей природѣ, то какъ же преестественное и безстрастное Слово можетъ быть или описано съ плотію или отдѣлено отъ нея, когда она описывается, или претерпѣтъ что другое, если Оно не описывается даже въ пречистой плоти Его, съ которой соединено существенно? Между тѣмъ этотъ мудрецъ долженъ былъ знать и вѣрить, согласно съ догматами христіанскими, что божественное Слово, желая спасти нашъ родъ спасительнымъ Своимъ явленіемъ, воспріяло непостижимо и неизреченно въ Свою ипостась и объединило съ Собою все описуемое, живописуемое и изобразимое естество наше, которое и послѣ воспріятія навсегда останется изобразимымъ и описуемымъ. И если бы описуемое тѣло это не было воспріято, то оно не было бы и спасено, ибо не усвояемое не можетъ быть уврачено, какъ говорятъ богословы. Затѣмъ Мамона прибавляемъ слѣдующее:

43.—„Изготовившій икону говоритъ, что она есть икона Христа. А мы знаемъ, что имя Христа обозначаетъ не только человѣка, но и Бога“. Если бы онъ цѣнилъ свои слова, то онъ долженъ былъ бы сознать нелѣпость того, что онъ говорилъ раньше. Но заблужденіе и ложь обыкновенно противорѣчатъ и истинѣ и себѣ. Если бы имя Христа означало одно естество, то послѣдующая рѣчь наша, обосновывая истину и взвѣсивая разнообразныя мнѣнія, склонила бы побѣду на сторону лучшаго, объявивъ это одно естество или вполнѣ описуемымъ или совершенно неопишымъ. Но такъ какъ это имя указываетъ на два естества, какъ утверждаетъ Мамона, то что мѣшаетъ приписывать каждому изъ нихъ свойственные и принадлежащіе имъ признаки, такъ что они могутъ быть соединены и въ то же время не лишаться своихъ существенныхъ признаковъ и неизмѣнно присущихъ имъ естественныхъ свойствъ, ни раздѣляться вслѣдствіе того, что неслѣянно вмѣщаются одно въ другомъ. Хотя они въ одномъ и томъ же, но они не одно и то же, какъ не одно и то же душа и тѣло. Если бы кто зналъ одного и того же человѣка какъ золотыхъ дѣлъ мастера и каменьщика, то это не значило бы еще, что онъ считаетъ обработку золота и камня однимъ и тѣмъ же. Мамона пользуется числомъ двойцы, какъ орудіемъ своей злобы, и издѣвается надъ естествами, дабы совершенно уничтожить состоящее изъ нихъ лицо и легко выполнить свое намѣреніе относительно его. Итакъ, тотъ, кто изготавливаетъ икону и говоритъ, что она есть икона Христа, знаетъ и значеніе имени и значеніе лица, знаетъ также и то, что составныя части противоположны другъ другу, хотя воспріятіе ихъ, какъ говорятъ, дается одновременно. Знающій, что одно изъ нихъ невидимо и со-

вершенно непостижимо и вслѣдствіе этого неизобразимо и неопишимо, долженъ знать также, что другое видимо и постижимо и по антитезѣ противоположности необходимо описуемо и изображимо. Итакъ, принимая цѣлое не какъ единое, а какъ состоящее изъ двухъ частей,—въ противномъ случаѣ рѣчь Мамоны имѣла бы нѣкоторое основаніе,—но созерцая только видимое, живописецъ поступаетъ именно сообразно съ этимъ. Онъ знаетъ, что изображать одно не значитъ необходимо описывать другое, ни раздѣлять единое цѣлое. Этого не можетъ быть ни въ какомъ случаѣ. Какъ въ томъ случаѣ, когда смотришь на пишущаго, изображаемые имъ предметы отнюдь не распадаются, такъ и при изображеніи одного не предполагается и изображеніе другого. Это мы уже показали на примѣрѣ человѣка; это же легко можно видѣть и въ другихъ случаяхъ. Если кто знаетъ различные признаки вещи и беретъ одинъ изъ нихъ, то неужели онъ долженъ пользоваться и другимъ? Напримѣръ: мы знаемъ, что огонь обладаетъ двоякой энергіей—свѣтить и грѣть. Если кто-нибудь нуждается въ силѣ огня свѣтить, то неужели онъ вынуждается противъ воли подвергаться и дѣйствію его пламени? Или если кто для удаленія нечистоты пользуется свѣжею водою, то неужели онъ долженъ и охлаждать себя посредствомъ ея, ибо она имѣетъ двоякое свойство—чистить и охлаждать? Никто изъ обладающихъ разумомъ согласиться съ этимъ не можетъ. Итакъ, Мамона, рассматривая это цѣлое, т. е. Христа, какъ нѣчто единое, хотѣлъ, чтобы естества, изъ которыхъ состоитъ Христосъ, представлялись всегда вмѣстѣ, какъ воспоминаніе цѣлаго, и чтобы ни одно изъ нихъ не представлялось само по себѣ, такъ чтобы то, что случается съ однимъ, существовало необходимо въ другомъ.

44.—Если бы онъ слышалъ когда нибудь отъ Павла: *мы же проповѣдуемъ Христа распята* (1 Кор. 1 23), то чтобы онъ отвѣтилъ ему? Такъ какъ имя Христа есть имя общее для обоихъ соединенныхъ естествъ, то онъ, согласно своимъ допущеніямъ, въ виду того, что имя Христа указываетъ и на Бога, вынужденъ былъ бы невольно, чтобы не дѣлать одинаго, говорить, что само Слово было распято въ собственномъ Своемъ ествѣ, и что божественная и неизреченная сущность спострадала вмѣстѣ съ человѣческой. И если бы кто указалъ ему божественный и животворящій гробъ,—не будемъ говорить объ обрѣзаніи и другихъ страданіяхъ,—то онъ сказалъ бы, что Слово умерло и что божеское и безсмертное естество было погребено вмѣстѣ съ человѣческимъ и смертнымъ. Чтобы не раздѣлять естествъ, онъ хочетъ того, чтобы если одно естество претерпѣваетъ что-либо, съ нимъ претерпѣвало бы и другое. И что ему могутъ сказать эти слова: *но намъ единъ Богъ Отецъ, изъ негоже вся, и мы у него: и единъ Господь Иисусъ Христосъ, имъ же вся и мы тѣмъ* (1 Кор. 8, 6)? Подобное должно казаться ему нелѣпостію. Такъ какъ всѣ дѣйствія принадлежатъ одному, то съ точки зрѣнія Мамоны, вмѣстѣ съ Словомъ участвовало въ твореніи всего и наше естество, и человѣкъ такимъ образомъ будетъ творцомъ самого себя. И затѣмъ, когда божественный Петръ говоритъ: *ты еси Сынъ Божій* (Мѣ. 16, 16), то согласно положенію Мамоны, и плоть вслѣдствіе отношенія сыновства окажется имѣющею достоинство божескаго естества. Кто читаетъ Писаніе, тотъ найдетъ и много другаго подобнаго, что изобличаетъ богохульство Мамоны и его нелѣпости. А что Мамона такъ именно думаетъ и разсуждаетъ, это намъ показываютъ сущность его рѣчей и пустые софистическіе

вопросы. И все это онъ понимаетъ неискусно и грубо, а не въ смыслѣ взаимо-усвоенія или взаимо-общенія (свойствъ божественныхъ и человѣческихъ), какъ учить о семъ соборная Церковь, о чемъ рѣчь будетъ немного послѣ.

45.—Такъ какъ Мамона продолжаетъ распространяться и повторяться, то будемъ распространяться и мы по поводу сказаннаго имъ, и хотя бы онъ говорилъ одно и тоже объ одномъ и томъ же, будемъ отвѣчать ему. Онъ разсуждаетъ такъ: „и какъ имя Бога и человѣка (Христа), означающее естества божеское и человѣческое, мы можемъ прилагать къ иконѣ, которая въ состояніи представить только естество человѣческое, а не естество божеское и человѣческое“? Это „какъ“,—буду разговаривать съ тобой, какъ съ присутствующимъ,—если бы не оглохли уши души твоей, если бы не ослѣпли твои мысленныя очи, если бы ты не лишился разума и не извратилась твоя способность разсуждать, если бы ты хранилъ неприкосновенно опредѣленія вѣры и неповрежденное опредѣленіе соборной церкви, если бы ты уберегъ малую искру вѣры въ своемъ сердцѣ, а не бѣсновался противъ непорочнаго и непогрѣшимаго нашего исповѣданія вслѣдъ за твоими вождями, влекущими тебя въ пропасть невѣрія и гибели,—это „какъ“, говорю, для тебя было бы совершенно ясно, если только это является для тебя дѣйствительно вопросомъ, и не ухищреніемъ и обманомъ.

Повторяя одно и тоже объ одномъ и томъ же, замѣтимъ, что такъ какъ распятіе и страданіе называются Христовыми, равно какъ погребеніе и прочее,—не будемъ говорить болѣе, переходить мѣру и наскучивать слушателямъ,—то въ виду обозначенія именемъ *Христосъ* двухъ естествъ приписываемое

одному изъ нихъ должно несомнѣнно усвоиться и другому. Само собою разумѣется, что крестъ могъ поразить только человѣческое естество; между тѣмъ онъ называется Христовымъ. Пусть убѣдитъ тебя Апостолъ, который говоритъ: *мнѣ же да не будетъ хвалиться токмо о крестѣ Господа нашего Иисуса Христа* (Гал. 6, 14). Обрѣзаніе можетъ отдѣлять только плоть человѣка, и гробъ можетъ ограничивать собою, заключать и скрывать только ее. Между тѣмъ все это называется Христовымъ, хотя ничего изъ этого не можетъ быть приписано естеству божескому и неизреченному, ибо оно нетлѣнно, безстрастно и совершенно чуждо чего либо мыслимаго въ этомъ родѣ. И если нѣчто подобное говорится, то говорится въ смыслѣ взаимоотношенія и взаимообщенія, чего ты въ настоящемъ случаѣ не дѣлаешь, ибо совершенно этого не понимаешь. Говорится, что пострадалъ Христосъ, но не какъ Богъ, а какъ человѣкъ, хотя Онъ одинъ и тотъ же съ единою ипостасію. Такъ какъ тѣло, воспринятое отъ насъ, называется Христовымъ, и мы вѣримъ, что Онъ все пострадалъ въ немъ, а между тѣмъ тѣло это имѣетъ конечно свойственныя ему черты, ибо оно не было бы тѣломъ, если бы не имѣло ихъ: то неизбежно эти черты и подобіе называются Христовыми. И какъ тѣло принадлежитъ Христу, такъ и эти черты относятся не къ естеству Слова, ибо мы знаемъ, что оно безобразно и лишено формы, а къ тѣлу Слова и къ человѣческому естеству и образу, которые свойственны Христу. Посему имя Христа усвоится этимъ чертамъ омонимически, какъ представляющимъ Его подобіе ¹⁾).

¹⁾ Ὁμῶνυμα λέγεται, говоритъ Аристотель въ „Категоріяхъ“ ὡς ὅνομα μόνον κοινόν, ὃ δὲ κατὰ τοῦτομα. ὅρος τῆς οὐσίας ἕτερος: омонимами назы-

Между тѣмъ тебя имя Христа, указывающее на два естества, возбудило величаться, хвастаться и думать, что ни одно изъ естествъ, представляемыхъ съ этимъ именемъ, не можетъ называться безъ другого, что одно изъ нихъ или совсѣмъ не берется въ какомъ либо случаѣ или ученіи, или же если оно выдѣляется отъ другого, то отдѣляется отъ него совсѣмъ. Что же сказать на это? Представь себѣ, что Христосъ именуется только человѣкомъ или сыномъ человѣческимъ, и притомъ называется только этимъ именемъ. И если никому другому, то Христу ты конечно повѣришь, когда Онъ говоритъ народу Іудейскому: *что ищете мене убити, человѣка, иже истину вамъ глаголахъ* (Іоан. 8, 40)? И: *аще не снѣсте плоти Сына Человѣческаго* (Іоан. 6, 53). И: *прославися Сынъ человѣческій* (Іоан. 13, 31). И: *преданъ имать быти Сынъ человѣческій* (Мѡ. 17, 22). И: *прииде Сынъ человѣческій спасти погибшаго* (Мѡ. 18, 11). И: называли *сыномъ Давида* (Мѡ. 9, 27 и др.). И многое подобное этому можно найти въ Евангеліи, если только Евангельскія изреченія не представляются тебѣ пустой болтовней. Такъ какъ то, что указывается названіемъ человѣка, есть одно, а не два, какъ въ имени Христа, ибо это слово означаетъ одно человѣское естество, то не получается-ли и не прибавляется-ли у тебя нѣчто новое, поразительное и удивительное? Вѣдь ты, какъ человѣкъ, который ведетъ борьбу скорѣе со Христомъ, чѣмъ съ именемъ Его, въ состояніи объявить Господа простымъ человѣкомъ, однимъ изъ насъ,—къ чему ты нечестиво стремился и раньше и теперь,—и признать, что Онъ именно былъ обвиненъ, осужденъ на казнь, перенесъ поруганія и

ваются такіе предметы, которые имѣютъ только общее имя, существо же различное.

приговоренъ къ жестокой смерти. Охотно опускаю другое изъ страха предъ богохульствомъ. Можетъ быть, ты скажешь, что человѣкъ этотъ есть Богъ. Ты говоришь правду, ибо и Богъ этотъ есть человѣкъ. А если на оборотъ когда ты слышишь, что Онъ называется только Богомъ: *въ началѣ бѣ Слово, и Слово бѣ къ Богу, и Богъ бѣ Слово* (Іоан. 1, 1),—*видѣхомъ славу Его, славу яко единороднаго отъ Отца* (Іоан. 1, 14); и: *якоже Отецъ воскрешаетъ мертвыя и живитъ, тако и Сынъ, иже хочетъ живитъ*, (Іоан. 5, 25); и: *Отче прослави Сына Твоего, да и Сынъ Твой прославитъ тя* (Іоан. 17, 1); и: *Азъ и Отецъ едино есма* (Іоан. 10, 30). И слѣпорожденному говорить: *вѣруешь-ли въ Сына Божія?* и многое подобное. Когда слышишь ты все это, считаешь-ли ты Христа только Богомъ, лишеннымъ нашего естества, лишаешь-ли Его совершенно нашего тѣла и отрицаешь-ли у Него все человѣческое, чтобы такимъ образомъ явно упразднить все домостроительство?

46.—Что собственно ты говоришь? Ты обращаешь вниманіе на слова, обозначающія естества и съ одной стороны уничижительными изъ нихъ ты уничижаешь Христа, лишая Его свойствъ божескихъ и возвышенныхъ, и такимъ образомъ соглашаешься съ своими учителями, страдаешь аріанскимъ безуміемъ. Съ другой стороны возвышенными названіями ты устранишь уничижительныя, приписываешь Христу только возвышенное и поешь вмѣстѣ съ твоими вдохновителями, усердствуешь пустому и чудовищному баснословію скверныхъ Евтихіанъ, или вѣрнѣе Манихеевъ. Разъ ты стремишься къ поруганію и упраздненію спасительнаго домостроительства, тебѣ легко услаждаться этими нелѣпостями. Но если мы посмотримъ на это съ иной точки зрѣнія, именно признаемъ, что на-

звание человѣка свойственно и собственно нашему существу, а то, что приписывается ему, причисляется превышающему насъ, то какое объясненіе ты дашь? Здѣсь дѣло обстоитъ не такъ, какъ въ случаѣ съ именемъ Христосъ, которое является общимъ именемъ, обозначающимъ оба естества; но особое названіе одного естества представляетъ въ тоже время свойства соединенной съ нимъ сущности вслѣдствіе взаимоотношенія, въ которое они вступаютъ въ одномъ и томъ же существѣ,—вслѣдствіе того, что свойства ихъ перемѣшиваются другъ съ другомъ, равно какъ и самыя естества, согласно церковному толкованію. Ибо что ты скажешь на это: *аще узриши Сына человѣческаго восходяща, идѣже бѣ прежде* (Іоан. 6, 62). И: *никтоже възде на небо, токмо сшедый съ небесе, Сынъ человѣческій* (Іоан. 3, 13), И: *суть нѣцыи отъ здѣ стоящихъ, иже не имутъ вкусити смерти дондеже видятъ Сына человѣческаго грядуща въ царствіи своемъ* (16, 28). И: *пріити имать Сынъ человѣческій во славу Отца Своего, со Ангелы своими* (Іоан. 16, 27). Итакъ, будешь ли ты придавать значеніе только однимъ именамъ и считать царство человѣка вѣчнымъ и неразрушимымъ, признавать Его человѣкомъ, предсуществовавшимъ на небѣ, сходящимъ съ неба и снова восходящимъ на небо, а также, что Богъ и Отецъ есть Отецъ того, кто называется человѣкомъ? Или же ты обратишь вниманіе на сущность вещей и истину и изумленный почтишь великое таинство домостроительства и примешь, что гласить и исповѣдуетъ о немъ ученіе соборной церкви, не придавая значенія однимъ только именамъ и словамъ, дабы не лишиться спасенія? Ты уже разстался съ этимъ вслѣдъ за твоими пророками и вождями и выступилъ неразумно и нечестиво въ качествѣ обвинителя истины и домостроительства

Христовъ. Оставляя сражающихся съ именами разглагольствовать объ именахъ и представляя имъ услаждаться буквами и слогами, обратимся къ силѣ истины и самыхъ вещей и побесѣдуемъ кратко о слѣдующемъ.

47.—Итакъ, слѣдуетъ сказать, что имя Христосъ безъ сомнѣнія означаетъ двоицу естествъ въ одной ипостаси, какъ говорилось часто и пространно объ этомъ раньше. Боговдохновенное Писаніе и славнѣйшіе Отцы, возвышенно разсуждая о значеніи имени, всесторонне разъясняли это при помощи понятій взаимоотношенія и взаимообщенія. Когда они разсматриваютъ естества во Христѣ сами по себѣ, т. е. божество и человѣчество (ибо они обозначаютъ существа), то приписываютъ особенности и естественныя свойства каждой въ собственномъ смыслѣ,—и то, что говорятъ объ одномъ ествѣ, не приписываютъ другому. Они не говорятъ ни того, что божество сотворено и страстно, ни того, что человѣчество не сотворено, нетлѣнно или безстрастно, ни того тѣмъ болѣе, что естества спострадали другъ съ другомъ, какъ допускаютъ нынѣшніе догматисты. Но когда они берутъ ипостась, состоящую изъ этихъ естествъ, они называютъ ее Христомъ по тому и другому еству; свойства соединенныхъ естествъ они считаютъ свойствами ипостаси, такъ какъ Христосъ есть и Богъ и вмѣстѣ человѣкъ, Богъ воплощенный, одинъ и тотъ же—сотворенный и несотворенный, страстный и безстрастный. Въ случаѣ, если они имѣли въ виду составныя части ипостаси, иногда на основаніи свойствъ только божескихъ и возвышенныхъ называли Христа Богомъ и Сыномъ Божіимъ, а иногда, принимая во вниманіе свойства только человѣческія и уничижительныя, именуютъ его человѣкомъ и Сы-

номъ человѣческимъ. Иногда же они свойства одной изъ частей приписываютъ другой съ ней сосуществующей, вслѣдствіе того, что онѣ вмѣщаются одна въ другой. Такъ Богъ называется страстнымъ и Господь славы распятымъ не какъ Богъ, а какъ человѣкъ. И наоборотъ, именуется человѣкомъ безначальнымъ, безстрастнымъ, несотвореннымъ, небеснымъ и отрокомъ предвѣчнымъ не какъ человѣкъ, а какъ Богъ. Вслѣдствіе тѣснаго единенія естествъ, единства ипостаси и тождества лица, Христосъ есть одинъ и въ одно и тоже время есть то и другое, съ одной стороны существуя безначально отъ Отца, а съ другой ставъ потомъ человѣкомъ по Своему милосердію. Этимъ путемъ каждое изъ естествъ сообщаетъ принадлежащія ему свойства другому, вслѣдствіе единства и тождества ипостаси, не теряя каждое своихъ свойствъ въ одномъ и томъ же лицѣ, почему и говорится, что Слово усвоило домостроительно страданія Своей плоти. Хотя Оно нисколько не страдало въ Своемъ ествѣ, однако говорится, что Оно пострадало, дабы мы вѣрили въ единого Спасителя всѣхъ, исповѣдывали Его виновникомъ нашего бытія и существованія и приписывали Ему наше блаженство.

Верховный изъ богослововъ наставляетъ насъ этому, говоря: *Христосъ единою о грѣсахъ нашихъ пострадалъ, праведникъ за неправедники, да приведетъ ны Богови: умерщвленъ убо бывъ плотію, оживъ же духомъ* (1 Петра, 13, 18). И еще: *Христу пострадавшему за ны плотію, и вы въ ту же мысль вооружитесь* (1 Петра 4, 1). Съ этимъ въ согласіи окажется и учитель неизреченныхъ тайнъ, проповѣдующій *Христа распятаго*, а также, что *распятъ Господь Славы* (1 Кор. 1, 23). Поэтому же называютъ Іудеевъ убійцами Бога и Господа и божественные отцы наши, которые о способѣ взаимо-

общенія (естествѣ) разсуждаютъ такъ. Божественный Кириллъ въ третьемъ письмѣ къ Несторію: „и былъ (Христосъ) въ распятомъ тѣлѣ, усвоивъ страданія Своей плоти“. Въ письмѣ къ восточнымъ онъ говоритъ такъ: „сверхъ того всѣ мы исповѣдуемъ Слово Божіе безстрастнымъ, хотя велемудро уготовляя таинство, Оно представляется усвоившимъ Себѣ страданія, испытанныя Его плотію“. Почему и премудрый Петръ говоритъ, что Христосъ пострадалъ за насъ плотію, а не естествомъ неизреченнаго божества. И чтобы въ Него вѣрили, какъ Спасителя всѣхъ, Онъ, какъ я сказалъ, домостроительнымъ усвоеніемъ воспринялъ страданія Своей плоти. Священный Амфилохій въ посланіи къ Селевку говоритъ такъ: „страдаетъ воспринятое естество, но воспринявшее пребываетъ безстрастнымъ. Богъ усваеетъ Себѣ человѣческія страданія Своего Христа, т. е. крестъ, смерть и все, что о Немъ мыслится съ точки зрѣнія домостроительства, усваеетъ, но Самъ нисколько не страдаетъ“. Божественный Григорій Нисскій противъ Аполлинарія пишетъ: „такъ какъ человѣческое хотѣніе—одно, а божеское—другое, то о Христѣ говорится, что Онъ усвоилъ страданія наши, согласно немощи естества, по человѣчеству. Но что дивно,—мы находимъ, что Священное Писаніе приписываетъ Спасителю всѣхъ Христу, не только существенно и изначально свойственныя нашей природѣ страданія, но даже наихудшія изъ нихъ. Говорится, что Онъ усвоилъ ихъ, содѣлался какъ бы клятвою за насъ и грѣхомъ: *проклятъ всякъ висѣй на древѣ* (Гал. X, 3, 13): *не видѣвшаго бо грѣха по насъ грѣхъ сотвори* (2 Кор. 5, 21),—что Онъ воспринялъ наше непокорное и непослушное естество. Онъ усвоилъ воспринятое такъ, чтобы въ Себѣ уничтожить худшее, какъ огонь уничтожаетъ

воскъ, а солнце туманъ, и чтобы мы восприняли вслѣдствіе единенія присущее Ему“. Такъ говорить великій Григорій.

Но враги истины не идутъ за этими вождями; нечестивые и безумные въ одно и то же время, плѣненные плотскими страстями, они открыто проповѣдуютъ противоположное. Между тѣмъ мы, наставляемые учителями церкви, пребываемъ въ предѣлахъ православія, не совлекаемъ естество Слова въ страданія плоти и напротивъ говоримъ, что усвоивъ домостроительно эти страданія, Оно не страдало само. Такимъ путемъ мы нисколько не нарушаемъ правильнаго хода умозаключеній, хотя по нашему Одинъ и Тотъ же пріобщился и славы и поруганій. Такъ какъ Слово усвоило домостроительно страданія тѣла и такъ какъ тѣло это называется тѣломъ Бога Слова, то и икона и подобіе Его пресвятаго тѣла относятся къ Нему, какъ Ему собственныя. Усвоенная такимъ образомъ, икона, принимая имя общее обоимъ естествамъ, называется омонимически съ первообразомъ. А вы, враги домостроительства Единороднаго, спрошу я васъ, что скажете вы на это? Почему вамъ кажется поруганіемъ Христа твердая вѣра, пламенная любовь къ божественному таинству православныхъ, которые признавая истекающее изъ него благодѣяніе, повѣствуютъ и изображаютъ великія дѣла, совершенныя для нашего искупленія, дабы, имѣя ихъ предъ глазами, носить въ душѣ всегда свѣжую, твердую и постоянную память о нихъ, согласно древнему преданію церкви Христовой? Косность и лѣность нашей природы требуютъ какъ бы удара рожна и возбужденія для того, чтобы направить ее къ полезному. Неужели у васъ не находитъ вѣры, что Онъ содѣлался клятвою и грѣхомъ, былъ распятъ и умеръ, перенесъ наказаніе,

налагаемое на злодѣевъ, и все то, что Онъ благоволилъ пострадать ради нашего спасенія? Если же Онъ перенесъ эти страданія ради насъ какъ человѣколюбецъ, то сколь болѣе Онъ, какъ Препоблагій, приметъ отъ насъ иконы, цѣня вѣру и чувства усердствующихъ?

48.—Но вы находите оправданіе во грѣхахъ своихъ (Пс. 140, 4), нечестиво и невѣжественно болтая невоздержнымъ языкомъ своимъ объ описуемомъ и неопишуемомъ. Не славу желая утвердить, вы возстаєте противъ долготерпѣнія Божія, ниспровергаете и клеветаете на спасительное домостроительство, силясь совершенно упразднить Его. Если бы не таковы были замыслы и намѣренія ваши, если бы у васъ была хоть тѣнь благочестія, то вамъ не было бы нужды выступать противъ церкви Христовой съ пустыми и новоизобрѣтенными догматами. Если бы вы имѣли попеченіе о вѣрѣ, то вы сохранили бы православное и непорочное ученіе о домостроительствѣ Христовомъ, и не стали бы укорять насъ въ измышленномъ будто бы нами заблужденіи относительно двоицы природъ въ Христѣ, но правильно высказали бы касательно ея только ей приличествующее и подобающее, а именно: исповѣдуя двоякое рожденіе Христа—одно предвѣчное, безначальное, безтѣлесное и вѣчное отъ безначальнаго и вѣчнаго Отца, и другое—въ концѣ временъ отъ пречистой Богородицы, бывшее во времени ради нашего спасенія,—приписали бы каждому изъ естествъ то, чѣмъ характеризуется ихъ различіе и почему познается ихъ способность не сливаться и не смѣшиваться, а также приписали бы соотвѣтствующія естествамъ дѣйствованія и воли, божественныя и человѣческія. Гдѣ различны естества, тамъ различны и дѣйствованія равно какъ

гдѣ тождественны дѣйствованія, тамъ равночестны и естества, вслѣдствіе противоположности соединявшихся природъ, какъ думаетъ и учитъ церковь. Такимъ образомъ божественное дѣйствованіе можно мыслить вѣчнымъ, или скорѣе самодѣйствованіемъ, потому что сущность и дѣйствованіе не различаются, а подлежатъ одному и тому же опредѣленію въ виду особенности простого и безтѣлеснаго естества, которое во всемъ проявляетъ одно и то же, но только различно и такъ сказать не описуемо, а не такъ, чтобы прежде была силою, а потомъ изъ силы стала дѣйствіемъ.

49.—Нѣчто подобное говоритъ Господь: *Отецъ Мой доселѣ дѣлаетъ и Азъ дѣлаю* (Іоан. 5, 17) не только вызваніе изначально сущаго изъ небытія къ бытію, но также сохраненіе и промышленіе о немъ, какъ напр. *творитъ ангелы своя духи* (Ис. 103, 4), *простираетъ небо яко кожу* (тамъ же 2), *покрываетъ водами превыспрянная своя: основываетъ землю на тверди ея* (тамъ же 3 и 5): что однажды стало существовать, то и получаетъ отъ Его промыслительныхъ дѣйствій продолженіе своего бытія. Человѣческое же дѣйствіе не вѣчно, но конечно или лучше сказать—ограничено, ибо молчаніе прерываетъ говорящаго, и уснувшій развѣ не просыпается. Покой ограничиваетъ движеніе. И вообще что-либо дѣлающій не можетъ въ то же время дѣлать и другое. Равно и сила—двоякая: одна божественная вѣчная самосила, безконечная сила соотвѣтственно высшей степени величія и могущества. И *вѣчная сила его*, говоритъ Апостолъ, и *божество* (Римл. 1, 20). Сила же человѣческая ограничена и немощна. *Плоть убо немощна; духъ же бодръ* (Мѡ. 26, 41). И: *человѣкъ въ язвъ сый, и въдыи терпѣти болѣзнь* (Ис. 53, 3). И: *еще и распятъ отъ немощи, но*

живъ есть отъ силы (2 Кор. 13, 4). Также и воли: одна божеская—благая, ибо Богъ всегда желаетъ намъ благоденствія и спасенія и принимаетъ обращеніе и покаяніе грѣшниковъ; другая же наша—измѣнчивая и непостоянная, ибо не всегда желаетъ одного и того же, иногда такъ, иногда иначе; иногда желаетъ движенія, а иногда покоя; въ одно время желаетъ созерцать и размышлять, а въ другое—нѣтъ; иногда желаетъ дѣйствовать, а иногда—оставаться въ праздности. Воля человѣческая, мыслимая во Христѣ, не противоположна Его волѣ божественной, какъ всецѣло обожествившаяся, ибо свойства нашей природы измѣнчивой и колеблющейся переходятъ изъ одного состоянія въ другое и не имѣютъ въ себѣ ничего устойчиваго и прочнаго.

50.—Итакъ, чтоже? Не двоякое-ли и вѣдѣніе у Христа? Вѣдь какъ Богъ Онъ знаетъ все прежде, чѣмъ оно случилось. Такъ находясь вдали, Онъ, какъ Богъ, предвозвѣстилъ ученикамъ кончину Своего друга (Іоан. 11, 14). Находясь же вблизи и приближаясь ко гробу, Онъ спрашиваетъ: *гдѣ положили его* (Мѡ. 11, 34), выказывая тѣмъ мѣру нашего естества. Также: *Иисусъ же зналъ помысленія ихъ* (Мѡ. 9, 4), т. е. то, о чемъ хотѣли спросить Его, ибо и какъ человѣкъ Онъ зналъ все вслѣдствіе ипостаснаго единенія со Словомъ, равно какъ былъ обогащенъ и прочими совершенствами. И затѣмъ опять дѣлаетъ видъ, что не знаетъ дня и часа, когда придетъ конецъ міра (Мѡ. 24, 36), раздѣляя свойство воспринятаго естества. Воспринявъ все это ради домостроительства, Онъ прославляется и провозглашается нами совершеннымъ во всемъ человѣческомъ, равно какъ и совершеннымъ Богомъ. Одновременно мы исповѣдуемъ одного и того же сотвореннымъ и несотворен-

нымъ, смертнымъ и безсмертнымъ и всѣмъ тѣмъ, что мыслится противоположнаго объ одномъ и томъ же, вслѣдствіе двойственности естествъ. Но разъ это признается, какое основаніе будетъ препятствовать право-мыслящимъ приписывать одному и тому же лицу такимъ же образомъ двойственность и въ другихъ отношеніяхъ,—что однако нечестиво отрицають христорборцы,—и поскольку дѣло идетъ о естествѣ Слова, приписывать ему (лицу) неопикуемость, а поскольку—о зракѣ раба—усвоить ему опикуемость? Кто настолько малосмысленъ и безразсуденъ, чтобы все другое признавать двойственнымъ при двойственности рожденій или естествъ и спорить только объ одной опикуемости? Вѣдь если кто станетъ отрицать принадлежащія естествамъ существенные признаки, то отъ естества можетъ не остаться ничего. Да и какая могла бы быть отъ этого опасность или вредъ? Какъ то, что Господь дѣйствуетъ, хочетъ, а также обнаруживаетъ невѣдѣніе и страдаетъ почеловѣчески, никакимъ образомъ не унижаетъ божескаго естества въ Немъ, ни вноситъ раздѣленія въ единую ипостась Его; такъ и то, что плоть Его изображается, поскольку Онъ былъ видимъ людьми и обращался съ ними, ни въ какомъ случаѣ не можетъ нанести Ему вреда или вызвать какое-либо раздѣленіе въ Его ипостаси. Да сгинуть же пустословы, клеветущіе на божественное домостроительство и отвращающіеся отъ нашей святой вѣры!

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ВТОРОЕ.

Начало второго вопроса Мамоны.

1. Окончивъ согласно своему плану первый вопросъ или скорѣе приказаніе, которымъ выказалъ дѣйствительно свое пребываніе у власти, Мамона переводитъ свою рѣчь къ другому вопросу. Какъ и прежде онъ лепечетъ и болтаетъ объ одномъ и томъ же и тщетно стремится къ недостижимому. Мы считаемъ необходимымъ привести нѣчто изъ этой болтовни, чтобы и здѣсь выказали себя дерзость и превозношеніе его мысли. Онъ говоритъ слѣдующее: „мы намѣрены спросить васъ касательно другого основнаго положенія; а именно мы полагаемъ, что изготовляющій икону Христа не постигъ глубины неслитнаго единенія двухъ естествъ въ Христѣ“. Развѣ это не выходитъ за предѣлы всякой дерзости и надменія, вѣрнѣе же безумія и глупости? По своему великому неразумію онъ считаетъ себя единственнымъ человѣкомъ, который восхищенъ даже не на третье, а на четвертое небо, слышалъ болѣе неизреченные глаголы, чѣмъ Павелъ, (2 Кор. 12, 1 ст.), пріобрѣлъ божеское вѣдѣніе и, превзошедши всю тварь, постигъ то, чего не зналъ никто никогда. Кто не подивится этой непомѣрной дерзости? Я не го-

ворю уже объ Апостолахъ и другихъ учителяхъ церкви, которыхъ онъ подвергаетъ безчисленнымъ поруганіямъ, замарывая и зачеркивая ихъ ученіе, причемъ однихъ изъ нихъ высмѣиваетъ и поноситъ за понесенныя ими страданія тѣлесныя, а другихъ за ихъ болѣзни. Какъ онъ не устыдился поведенія и ревности къ святымъ со стороны тѣхъ, кои блистали на царскомъ тронѣ благочестіемъ и справедливостію? Они чтили Бога украшеніями и храмами и не только не уничтожали священную живопись, но съ усердіемъ устроили и располагали эти священныя украшенія въ святыхъ храмахъ, на священныхъ одеждахъ и сосудахъ, слѣдуя апостольскому и отеческому преданію. Безчисленное множество этихъ украшеній предлежитъ предъ глазами всѣхъ и доннѣ, какъ свидѣтельство благочестія прежнихъ царей и какъ обличеніе и выставленіе на позоръ неразумія и нечестія Мамоны. Вмѣсто того, чтобы подражать ихъ жизни, правой вѣрѣ и благочестію, онъ объявилъ себя мудрѣе и умнѣе всѣхъ, во всемъ повинуваясь только своимъ страстямъ. Неужели тѣ, слѣдуя во всемъ учителямъ церкви, процвѣтавшимъ и прежде нихъ и въ ихъ время, не постигли всей глубины вѣры, и только одного этого чистѣйшая и непорочнѣйшая жизнь сдѣлала способнымъ проникнуть въ глубину неизреченныхъ таинъ Божіихъ? Конечно нѣтъ: и здѣсь какъ и во всемъ онъ выказываетъ себя явнымъ врагомъ по отношенію и къ нимъ и къ истинѣ.

2.—Но безмѣрно величаясь и стремясь переступить предѣлы человѣческаго слова и вѣдѣнія, онъ недоумѣваетъ касательно того, что ясно всѣмъ, когда говоритъ: „какъ можно изобразить Одного Того, Кто соединилъ два естества въ одномъ лицѣ, когда одно естество неописуемо“? Слѣдовательно, одно изъ двухъ

естествъ описывается. Къ этому привела его пытливость рѣчи и заставила высказаться вопреки желанію противъ собственнаго мнѣнія. Такимъ образомъ толкаемый самой истиной онъ вынужденъ былъ проворчать и прохрипѣть хоть малую долю правды, которой до сихъ поръ, какъ видно было, никогда не говорилъ. Онъ заблуждается въ главномъ, и распадается все ученіе его. Начавъ рѣчь о двухъ естествахъ, онъ заявилъ, что одно изъ нихъ неопишимо; отсюда ему приходится вопреки желанію другое объявить описуемымъ. Ибо кто изъ здравомыслящихъ, сказавъ, что онъ не знаетъ одного изъ двухъ людей, не заявитъ одновременно, что другого онъ знаетъ. Такъ становятся смѣшны его дѣтскіе замыслы и превозношеніе. Мамона умолчалъ объ этомъ, хотя и долженъ былъ присоединить и остальное. Не рѣшился онъ на это, дабы не изобличались замыслы или скорѣе безуміе его. Итакъ, даже тѣмъ, которые не признають различія естествъ, онъ далъ поводъ думать, что одно изъ нихъ описуемо; и здѣсь невольно обнаружилъ признаніе того, чего часто избѣгалъ. И сколько сказалось тутъ тупости и безумія! Какъ великая мудрость его превратилась въ неразуміе, какъ постыдно уловленъ онъ лукавствомъ собственныхъ рѣчей, дабы легко была видна ложь его зловѣрія и открылся свѣтъ истины! Почему бы ему въ своемъ недоумѣніи не прибавить еще и слѣдующаго: какъ Христосъ могъ претерпѣть то, что Онъ претерпѣлъ, когда одно естество Его безстрастно? Или: какъ Онъ умеръ и былъ заключенъ во гробъ, когда одно естество Его безсмертно и невмѣстимо?

Но Мамона опускаетъ это, переводить рѣчь къ другому предмету, указываетъ на хлѣбъ и вино, которыхъ мы приобщаемся въ божественномъ таинствѣ, и

говорить: „по божеству Своему предузнавъ смерть и воскресеніе Свое и вознесеніе на небо, Онъ дабы мы вѣрующіе въ Него имѣли день и ночь ясное воспоминаніе о Его воплощеніи“... Развѣ это не безумнѣе предъидущаго, ибо высказываетъ не столько нечестіе его, сколько малосмысліе и тупость: онъ не понимаетъ ни того, что говоритъ, ни того, о чемъ разсуждаетъ. Что можно отвѣтить ему. Икона Христа есть ли напоминаніе о Немъ или нѣтъ? Зная хорошо, что икона являетъ намъ Его, онъ безумствуетъ противъ нея и неистовствуетъ противъ Христа и Его наслѣдія. Такъ какъ тяжело Ему видѣть Христа на иконѣ, то надписаніе имени не вызываетъ у него воспоминанія о Немъ. Почему же онъ гнѣвается и борется? Неужели потому, что къ иконѣ прилагается имя Христа? Развѣ священныя изображенія не возвѣщаютъ намъ воплощеніе и страданія, которыхъ Онъ, какъ человѣкъ, перенесъ ради насъ, Его распятіе, смерть и воскресеніе? Не отмѣчаютъ предъ нами чудеса и знаменія, которыя Онъ сотворилъ, какъ Богъ? Опровергать все это бесполезно и молчать предъ безумцами не предосудительно.

Затѣмъ Мамона прибавляетъ: „Христосъ повелѣлъ святымъ Своимъ ученикамъ и апостоламъ передать образъ подвига любви Его въ тѣлѣ Его, дабы мы чрезъ священнослужительское возношеніе посредствомъ причащенія и усвоенія принимали какъ само и истинное тѣло Его“. Какъ онъ представляетъ тѣло Господне, объ этомъ судить предоставимъ ему самому съ его выучениками. Съ своей стороны на его слова мы отвѣтимъ слѣдующее. Такъ какъ, по его словамъ, совершаемое посредствомъ причащенія и усвоенія становится подлинно и истинно тѣломъ Христовымъ, присущимъ самому Слову, то онъ признаетъ

его тождественнымъ съ тѣломъ, которое Слово восприняло отъ Пресвятой Дѣвы. Теперь необходимо задаться вопросомъ о томъ, какимъ становится это тѣло послѣ божественнаго священнослуженія и освященія—описуемымъ или неопикуемымъ? Нѣтъ такого сумасшедшаго и безумца, который бы дерзнулъ назвать его неопикуемымъ; я думаю, что даже самъ Мамона не сказалъ бы этого. Ибо какимъ образомъ можетъ быть неопикуемо то, что чувственно предлежитъ глазамъ человѣка, объемлется руками, взимается зубами и вкушается? Все это чѣмъ инымъ представляетъ и выказываетъ его, какъ не совершенно опикуемымъ? Если же оно опикуемо, и это же свойство принадлежитъ и тому тѣлу, которое въ началѣ восприняло воплотившееся Слово, ибо это одинаковое отношеніе имѣетъ и къ тому, то конечно опикуемо и оно (тѣло Слова). Отсюда Мамона оказывается въ полномъ противорѣчій съ собою. Онъ долженъ или считать неопикуемымъ и тѣло Христово (въ Евхаристіи), дабы не только до конца выказать свое неувѣріе и безбожіе, но и представить въ глазахъ всѣхъ свои мысли смѣшными и потѣшными,—или же признавать и тѣло Слова опикуемымъ.

3.—Таковы наши соображенія. Изъ того же положенія у Мамоны получается и другая нелѣпость. Собственными словами онъ вынуждается утверждать, что Божественное Слово или соопикуется съ этимъ, вслѣдствіе пріобщенія ставшимъ, тѣломъ, или же отдѣляется отъ него вслѣдствіе единства ипостаси, такъ что на самомъ дѣлѣ оно не получаетъ никакого освященія и благодати. Но тогда что же у него выходитъ, какъ не пріобщеніе простаго хлѣба и вина, ни въ чемъ не отличныхъ отъ принимаемыхъ человѣкомъ въ пищу? „И хотя бы мы пожелали представлять его,

какъ образъ тѣла Его, произшедшій отъ него, мы принимаемъ его за изображеніе тѣло Его“. Какъ раньше этотъ заблудившійся мудрецъ утверждалъ, что образъ ничѣмъ не отличается отъ первообраза, такъ и здѣсь онъ выражаетъ о нихъ тоже мнѣніе. Изумительна и тутъ неустойчивость и нетвердость его мысли, потомучто то, что недавно рѣшительно принималъ какъ собственное и истинное тѣло Христово, теперь считаетъ уже образомъ тѣла Его. Но что можетъ быть смѣшнѣе и безумнѣе утвержденія, что одно и тоже есть и тѣло и образъ Его? И притомъ какимъ образомъ?—Такимъ, что „если бы мы захотѣли“..., все предоставляя нашей волѣ и рѣшенію легкомыслія. Гдѣ не насаждена вѣра или страхъ Божій, тамъ волей распоряжается страсть. „Его (тѣло въ Евхаристіи) мы принимаемъ, говоритъ Мамона, за изображеніе тѣла Его“, не вслѣдствіе истинности (такого отношенія), а какъ захочетъ онъ установить это отношеніе, (не взирая на то), сообразно ли оно съ существомъ дѣла или нѣтъ. Мы же называемъ это не образомъ и не отраженіемъ тѣла Христа, хотя таинство и совершается при помощи символовъ, а самымъ тѣломъ Христовымъ обожественнымъ. Ибо такъ Онъ самъ говоритъ: *аще не съѣсте плоти Сына человѣческаго, ни пїете крови Его, живота не имате въ себѣ* (Іоан. 6, 53). Тоже Онъ предалъ ученикамъ Своимъ, говоря: *прїимите, ядите тѣло мое*, а не образъ тѣла Моего, ибо Онъ воспринялъ плоть дѣйствіемъ Святаго Духа отъ Пресвятой Дѣвы. Если нужно доказывать это на случаѣ изъ нашей жизни, то какъ напр. хлѣбъ, — вино и вода превращаются въ плоть и кровь ядущаго и пьющаго, причемъ мы не говоримъ, что наше тѣло становится инымъ по сравненію съ прежнимъ, такъ хлѣбъ и вино въ Евхаристіи преестественно

призываніемъ священнодѣйствующаго и наитіемъ Святаго Духа претворяются въ тѣло и кровь Христову. Такъ именно и гласить молитва священническая. И мы уже не считаемъ ихъ двумя, но вѣруемъ, что они останвятся однимъ и тѣмъ же. Если же они и могутъ бы названы противообразами (*antityπα*), то такое названіе приложимо къ нимъ не послѣ, а прежде освященія. И какъ скоро Мамона утверждаетъ, что „если описываешь, то раздѣляешь Христа, или вмѣстѣ съ тѣмъ описываешь и Слово“, то онъ могъ бы говорить и такъ: если приносишь жертву, то раздѣляешь Христа, ибо надъ тѣломъ священнодѣйствуешь, а не надъ божескою природою. Вѣдь Великій Архіерей нашъ, какъ человѣкъ, называется приношеніемъ, агнцемъ и жертвой, поскольку Онъ есть и называется человѣкомъ. Итакъ ты, согласно твоимъ словамъ, или приносишь въ жертву и Слово, по причинѣ единства ипостаси, или, принося жертву, ты отдѣляешь человѣческое естество. А если мы слѣдуемъ за учителемъ твоимъ Евсеріемъ, который говоритъ, что плоть вся всецѣло перестала быть плотію, предложилось въ естество божеское: то оказывается, что ты тщетно приносишь жертву. Чего будетъ причащаться человѣкъ? Не-будетъ-ли казаться, что онъ причащается не плоти Бога, а божескаго естества? Но это манихейское измышленіе.

Питая злобу противъ тѣла Христова, Мамона не дерзаетъ ничего говорить богохульнаго противъ того, что касается причащенія его, но прибавляетъ, слѣдующее:

„Чтоже? И хлѣбъ, который мы принимаемъ, есть образъ (*εἰκόν*) тѣла Его, изображающій (*μορφάζων*) плоть Его, какъ обращающійся въ отобразъ (*τύπον*) тѣла Его“. Черезъ союзъ „и“ даетъ понять, что есть и

другой образъ тѣла Христа и помимо хлѣба. Мамона умѣряетъ здѣсь свое нечестіе, ибо богоборствуя во многихъ другихъ мѣстахъ, онъ не стремился называть его идоломъ. Тѣмъ не менѣе онъ не объясняетъ, какой изъ этихъ образовъ выразительнѣе, или, вѣрнѣе, имѣетъ болѣе подобія съ первообразомъ. Между тѣмъ здѣсь у него оказывается странность: въ одномъ случаѣ онъ называетъ это тѣломъ въ собственномъ и истинномъ смыслѣ; въ другомъ—образомъ (*εἰκών*) тѣла, каковое заблужденіе онъ поддерживаетъ потому, что усердно стремится упразднить евангельскую исторію и повѣствованія. На это ему можно между прочимъ сказать слѣдующее: хлѣбъ по твоему мнѣнію, не есть ни тѣло Христово, ни образъ тѣла Его. Если ты скажешь, что онъ описуемъ, потому что онъ взимается губами и зубами, то онъ не есть тѣло Христово и не соединенъ съ Словомъ, ибо ты часто раньше утверждалъ, что тѣло Христа неописуемо вслѣдствіе соединенія его со Словомъ. Если же ты назовешь хлѣбъ Евхаристіи образомъ тѣла, то онъ отбѣляется не только какъ образъ, но и потому, что отдѣляетъ естественное тѣло отъ соединенія со словомъ. Такъ заблужденіе и нечестіе не стоятъ въ согласіи сами съ собою. Итакъ, или заяви, что этотъ хлѣбъ неописуемъ, чтобы свое измышленіе довести до конца; или же все, тобою сочиненное, окажется вздоромъ.

Послѣ этого онъ говоритъ слѣдующее: „не всякій хлѣбъ есть тѣло Его, равно какъ не всякое вино есть кровь Его, а только тотъ, который посредствомъ священническаго тайнодѣйствія возносится, изъ рукотворнаго (состоянія обращаясь) въ нерукотворное“. Какъ будто можетъ кто недоумѣвать и сомнѣваться, онъ твердо и увѣренно заявляетъ, что не всякій хлѣбъ есть тѣло Его и не всякое вино есть кровь Его. Из-

рекать такія положенія, не требующія никакихъ доказательствъ, достойно мудрости Мамоны. Опуская это, какъ болтовню и вздоръ, развѣваемый на вѣтеръ, мы будемъ разсуждать такъ: если священнодѣйствуемые хлѣбъ и вино описуемы, то тѣло, которое носилъ Богъ-Слово, да, по его мнѣнію, не было принесено въ жертву, и поэтому именно онъ называетъ его неопикуемымъ. Но тогда какъ и откуда мы будемъ знать объ этомъ жертвоприношеніи, о великой, непорочной честной и очистительной и спасительной для всего міра жертвы? Еслибы Мамона вѣрилъ, что она принесена за спасеніе всѣхъ, то это по крайней мѣрѣ, не говоря о всемъ другомъ, должно бы привести его къ признанію, что и она описуема. И если не естественъ, что утверждать безумно, — то тайнодѣйствіемъ по крайней мѣрѣ, согласно его мнѣнію, она должна быть описуемою. Итакъ, тѣло Христа описуемо, хотя бы Мамона и не хотѣлъ этого.

Послѣ обильной болтовни объ этомъ и пустословія, коихъ мы съ презрѣніемъ гнушаемся, какъ безсмысленныхъ и безпорядочныхъ звуковъ людей бѣснующихся и безумныхъ, такъ какъ они оскорбляютъ слухъ людей благочестивыхъ и здравомыслящихъ и мараютъ языкъ говорящихъ, наполняя его непристойнымъ вздоромъ, — къ концу своего сочиненія, заканчивая рѣчь, онъ излагаетъ слѣдующее. Прежде всего связывая клятвою, онъ утверждаетъ, что никто изъ тѣхъ, о комъ онъ говоритъ, не возбуждалъ подозрѣнія касательно своей вѣры во Христа и не неистовствовалъ противъ иконы Его. По этому пункту онъ выступаетъ съ защитой, показывая, какъ приписана была ему вина. Онъ утверждаетъ, что клевета касательно его сильно распространилась не прежде того времени, когда возстали и произвели смуты его родственники

и свойственники ¹⁾. Эти клеветы заявляли о его отпадении отъ Бога и такимъ образомъ сдѣлали его преступникомъ въ глазахъ многихъ. Затѣмъ страшными и многочисленными клятвами, вопреки евангельскимъ заповѣдямъ, онъ старается увѣрить, или, точнѣе сказать, поиздѣваться надъ клятвопреступленіемъ,—что ни словомъ, ни дѣломъ онъ не таковъ, и что, предложивъ собравшимся епископамъ свой взглядъ и сужденіе касательно этого догмата, онъ принялъ ихъ опредѣленіе. Но немного спустя, снова по обычаю своему, возвращаясь отъ притворныхъ рѣчей къ самому себѣ, изрекаетъ какъ судья и учитель.

4. „Если мы убѣдили васъ, что правильно говоримъ касательно этой одной иконы (Спасителя), то мы изложимъ предъ вами соображенія касательно и другихъ иконъ, чтобы вы разсудили и о нихъ. Мы съ радостію примемъ вашъ судъ, когда вы придете къ соглашенію съ другими епископами и подадите голосъ по основательнымъ соображеніямъ“. Таковы его слова, изъ которыхъ мы нѣчто привели буквально, чтобы показать его отпаденіе отъ Бога, изобличить ложь его клятвъ и болтовни и сдѣлать явными его притворство, хитрость и обманъ невѣдущихъ. Что же за причина вызываетъ у него желаніе говорить о другихъ иконахъ? Какихъ цѣлей онъ хочетъ достигнуть? Всякому ясно, что, соткавъ нелѣпость и вздоръ противъ воплощенія Бога-Слова, онъ нечестиво направляется къ бѣснованію противъ священныхъ памятниковъ святыхъ и прежде нихъ противъ памятникъ предстоятельница святыхъ, превышей всѣхъ

¹⁾ Разумѣется возстаніе Артавазда, зятя по сестрѣ Константина.

тварей пресвятой Владычицы нашей Богоматери, что бы и Ее подвергнуть поношенію вмѣстѣ съ рожденнымъ Ею.

Полезно знать, каковы замыслы этой богоненавистой и безбожной души: не думаетъ-ли онъ и здѣсь выставить на видъ описуемое и неопишуемое, или двойственную природу святыхъ, состоящую изъ естествъ божескаго и человѣческаго? Или можетъ быть онъ усвоилъ то, что могли внушить ему его наставители и руководители, именно что ипостась каждаго святаго является двойною, состоящею изъ души и тѣла? И если святые будутъ изображаться, то необходимо вмѣстѣ будетъ начертана и изображена и душа, или же она, какъ нѣкогда имѣющая оставить тѣло, должна отдѣлиться отъ него (вслѣдствіе изображенія тѣла). И ту самую болтовню и нелѣпости, которыми онъ пользовался въ рѣчи объ ипостаси Христовой, онъ можетъ пустословить и здѣсь. По скольку можно судить на основаніи того, что онъ говорилъ и дѣлалъ, нетрудно распознать его замыслы.

Такъ какъ нѣтъ ничего гнуснаго и нечестиваго, чего бы онъ не измыслилъ противъ величія Божества и святыхъ,—такъ какъ нѣтъ ничего преступнаго и нелѣпаго, чего бы онъ не сдѣлалъ,—такъ какъ ничего не оставилъ въ непогрѣшимой вѣрѣ безъ обвиненія и оклеветанія: то вслѣдствіе этого прежде всего дерзаетъ высказаться противъ слова „Богородица“, предлагая совершенно изгнать его изъ языка христіанъ. Онъ весьма гнѣвается и негодуетъ противъ употребленія этого имени, которое обычно у христіанъ и котораго, какъ мы видимъ, не выносятъ Іудеи. Затѣмъ онъ зачеркиваетъ и уничтожаетъ все, о чемъ мы просимъ во имя ея и что въ молитвахъ къ Рожденному Ею и прошеніяхъ пѣсенно всегда возглашаютъ о спа-

сеніи всего міра молящіеся, такъ какъ мы исповѣдуемъ и проповѣдуемъ, что мы имѣемъ въ ней ходатаицу и надежную заступницу предъ Нимъ вслѣдствіе принадлежащаго ей, какъ Матери, дерзновенія. Наконецъ, онъ совершенно отвергаетъ молитвенное обращеніе къ ней, за которое угрожало или издѣвательство или судъ. И зачѣмъ указывать подробности, когда онъ былъ даже противъ напоминанія имени Ея? Относительно другихъ святыхъ теперь распространяться незачѣмъ. Онъ не только не считалъ достаточнымъ постыдно поносить и осмѣивать ихъ безбожными рѣчами, но даже истреблялъ огнемъ святыхъ и честныхъ мощи ихъ.

5.—Разъ сдѣлавшись врагомъ Христа и всѣхъ христіанъ, нарушителемъ божественныхъ законовъ и противникомъ священныхъ каноновъ, изданныхъ апостолами и святыми отцами, Мамона установилъ, что не слѣдуетъ въ основаніи божественныхъ престоловъ честнаго алтаря полагать мощи согласно христіанскому обычаю. Для людей боголюбивыхъ и поклонниковъ мучениковъ, воздававшихъ имъ, какъ подобаетъ, почтеніе, существовала крайняя опасность. Отсюда и храмы, построенные въ то время, по видимому освящались безъ мощей святыхъ. На мѣсто ихъ они полагали останки совершаемыхъ ими таинствъ, по истинѣ дѣлая достойное своихъ догматовъ и священнодѣйствій, ибо апостольское преданіе не позволяетъ этого. Да и какъ бы сталъ чтить мощи святыхъ Мамона, который безстыдно, дерзко и безбожно разрушалъ и ниспровергалъ посвященные ихъ именамъ святые храмы, которые нѣкогда воздвигли вѣрующіе и благочестивые христіане? Особенно разрушалъ онъ тѣ изъ нихъ, гдѣ были отпечатлены святые подвиги ихъ и гдѣ покоились честныя мощи ихъ.

Онъ дѣйствовалъ и домогался, чтобы впредь память объ именахъ ихъ исчезла среди людей.

6.—Благовременно и полезно въ настоящемъ случаѣ и сообразно съ достоинствомъ святыхъ высказать, что они, какъ слуги Божіи, подъявшіе крестъ въ этой жизни, послѣдовали за Христомъ, сораспяли себя съ нимъ и содѣлались подражателями и причастниками Его животворящихъ страданій и спасительной смерти. Вслѣдствіе сего они будутъ во вѣкъ соцарствовать съ Нимъ. А теперь послѣ ихъ отшествія отсюда они нисколько не менѣе подвергаются вмѣстѣ со Христомъ преслѣдованіямъ и страданіямъ. То, что прежде случилось съ первообразами, теперь происходитъ съ священными изображеніями ихъ. За двойные подвиги во время двойныхъ гоненій и преслѣдованій они увѣнчиваются раздаятелемъ награды Христомъ и живутъ вѣчно съ Богомъ и въ мирѣ, хотя глазамъ этого безумца они представляются умершими. А этотъ незаконный отошелъ ни съ чѣмъ, пожавъ плоды достойные трудовъ своихъ и унаслѣдовавъ геенну огненную, уготованную ему и вождямъ его. Этотъ отступникъ послѣ отступниковъ, жестокой и свирѣпой гонитель послѣ гонителей не удовольствовался проявлять гнѣвъ и угрозы въ отношеніи къ живымъ и благочестиво избравшимъ жизнь по Богу и подвергать ихъ несправедливѣйшимъ наказаніямъ, но насколько было въ его силахъ покрылъ позоромъ и безславіемъ и прежде отшедшихъ, прославившихся многими дѣяніями неустрашимости и подвигами, смѣнившими жизнь мученическимъ концомъ. Таково было его легкомысліе въ отношеніи къ святымъ, таково было его беззаконіе въ отношеніи къ праведникамъ, такимъ поруганіемъ Бога и святыхъ воздалъ онъ за благо жизни. Я не буду теперь говорить, что и какъ

онъ пустословилъ противъ евангельской проповѣди, какъ онъ попиралъ евангельскую жизнь и старался жизнь людей преобразовать по своимъ плотскимъ и извращеннымъ желаніямъ. Таковы, говоря кратко, намѣренія, которыя онъ положилъ себѣ осуществить, таковы козни и предпріятія, которыя воздвигъ этотъ врагъ Христовъ противъ непогрѣшимой вѣры нашей и ангелоподобнаго жителства христіанъ. Но война противъ святыхъ, отъ вѣка на землѣ славящихъ Господа, должна была прекратиться здѣсь, и замыслы, которые онъ неразумно и безбожно надѣялся осуществить, подвергая поношенію безъ всякаго уваженія божественные храмы и священную память ихъ, должны были имѣть конецъ. Достигнувъ немногаго изъ намѣченнаго, Мамона если бы и не достигъ всего, то навѣрно причинилъ бы величайшій вредъ, если бы жилъ доселѣ.

7.—Что онъ сказалъ бы о небесныхъ святыхъ и премірныхъ силахъ? Каковы намѣренія, которыя онъ хотѣлъ привести въ исполненіе, чтобы и въ отношеніи къ нимъ совершить беззаконіе. Какія клеветы и нелѣпости постарался онъ изобрѣсти, чтобы обезславить ихъ? Такъ какъ ему представлялся случай поглумиться и продолжить свои выводы, то онъ могъ приписать ангеламъ неописуемость, что, какъ ясно всякому, пріятно и привычно для него и полезно для его нечестиваго ученія. Между тѣмъ ангеловъ хотя и можно назвать неописуемыми, но не вполне: они описуемы (*περιγράφονται*—ограничены) по началу своему, ибо и они начали существовать; а то, что начало существовать, несвободно вполне отъ ограниченія. Затѣмъ будучи тварями, они ограничиваются Творцомъ. А кромѣ того они ограничены въ способности вѣдѣнія. Какъ силы духовныя, они сообщаютъ другъ другу о своихъ помышленіяхъ и, насколько возможно, позна-

ють природу другъ друга, ибо и познаваніе есть одинъ изъ видовъ ограниченія. Но, будучи духами, ангелы и пребываютъ въ духовныхъ пространствахъ, а не опредѣляются тѣлесно или чувственно. Не имѣя тѣла и вслѣдствіе этого лишенные вида, величины и тѣлеснаго образа, они, конечно, не могутъ быть заключены въ чувственномъ пространствѣ. Но не объ этомъ у насъ идетъ теперь дѣло. Задача наша опредѣлить не то, ограничены-ли они или нѣтъ, а то, можно-ли ихъ начертывать и изображать. Здѣсь необходимо употреблять слова (описуемый и изобразимый—*περιγραπτός* и *γραπτός*) въ ихъ собственномъ значеніи; насколько они различаются между собою, объ этомъ рѣчь будетъ немного послѣ.

8.—Свою рѣчь Мамона ведетъ съ притворствомъ и лестію, стараясь, чтобы большинство могло подумать, что есть нѣчто достойное вниманія въ его предложеніяхъ. На дѣлѣ же онъ пускалъ въ ходъ власть, которою приводилъ въ исполненіе всѣ свои планы. Но мы защищая истинное ученіе и ведя рѣчь о томъ, что святые ангелы начертываются и изображаются, кратко представимъ наиболѣе важныя свои соображенія. Прежде всего о возможности изображать ангеловъ свидѣтельствуютъ факты, твердо удостовѣряемые тѣмъ, что мы видимъ и что предлежитъ нашимъ глазамъ. Всюду на землѣ во святыхъ храмахъ картины наполнены священными изображеніями безтѣлесныхъ силъ, и преданіе объ этомъ въ католической церкви держится изначала. Требовать доказательства этого было бы верхомъ всякаго легкомыслія и глупости. Затѣмъ этому ясно насъ наставляетъ богопреданное Писаніе. И чтобы начать съ самаго перваго ближайшаго къ Богу и первымъ возсіявшаго небснаго чина, посмотримъ, что говоритъ Павелъ о

ковчегѣ, находившемся въ скиніи подзаконной: *а надъ нимъ херувими славы, осягающіе очистилище* (Евр. 9, 5). Съ именемъ же херувимовъ славы, согласно правильному толкованію учителей церкви; связано представленіе о состояніи прославленія, славы, пребыванія вблизи Бога. Еврейскій языкъ этимъ именемъ обозначаетъ богатство вѣдѣнія, изліяніе мудрости. Относительно того, каковы же эти херувимы, Мамона, если бы онъ имѣлъ умъ слышать, услышалъ бы и узналъ бы, что Писаніе изображаетъ не самыхъ божественныхъ и превыспреннихъ херувимовъ, которые безтѣлесны, безвидны, безобразны, духовны и разумны, а священные изображенія ихъ, изготовленные изъ чистѣйшаго и блестящаго матеріала, вычеканенныя изъ золота, сдѣланныя руками человѣческими по повелѣнію Божию, бездушныя, неподвижныя, названныя однимъ съ ними именемъ, причастныя названію, удостоившіяся славы и благодати.

Что же дѣлать? Вѣрить этому или зачеркивать Павла, который говоритъ объ этомъ? Пріятно и желательно было бы Мамонѣ удалиться отъ апостольскаго ученія и перестать быть христіаниномъ, а также не слѣдовать Моисею, которому было повелѣно сдѣлать изображенія, не быть даже евреемъ и, если нужно говорить самое наихудшее, не признавать самого Бога, повелѣвшаго это. Что говоритъ Богъ, бесѣдуя съ рабомъ Своимъ? *Видѣ да сотвориши вся по образу показанному тебѣ, и познанъ буду тебѣ отътуда* (Исх. 25, 40 и 22), имѣя въ виду херувимовъ. А развѣ не честно и не достойно почтенія то, по чему Богъ познается людьми? Всякій, благоговѣйно относящійся къ святымъ, признаетъ это. Что же унаслѣдуетъ и съ кѣмъ сопричисленъ будетъ тотъ, кто попираетъ святыню, понять это легко всякому желающему: конечно, съ

безбожными язычниками, съ нечестивыми Манихеями. Подражая ихъ ученію и взглядамъ, Мамона и впалъ въ такое безуміе и безбожіе, что сталъ считать позволительнымъ подобно имъ и многія другія мѣста боговдохновеннаго Писанія неразумно и нечестиво попирать и вычеркивать. Такъ какъ Мамона, отвергая глаголы Духа, удалился отъ двора христіанъ, то кратко изложимъ наши воззрѣнія, которыхъ держимся касательно ангеловъ всѣ мы, стоящіе внутри ограды благочестія, какъ научили насъ всѣ истолкователи Духа и какъ принимаетъ католическая церковь.

9.—Итакъ, мы заявляемъ, что не можемъ познать и постигнуть то, какова природа и какъ существуютъ эти пресвятыя силы. Объ этомъ подробнѣе мы говорили въ другомъ мѣстѣ на основаніи поставленій святыхъ учителей ¹⁾. Будучи совершенно просты и несложны, не ограничиваемые пространствомъ въ виду своей безтѣлесности, они однако начертываются и изображаются. Прежде всего мы знаемъ это изъ реченій Духа, которыя передалъ намъ наставникъ богопочтенія Моисей касательно устройства херувимовъ. Затѣмъ, такъ какъ существуютъ *служебніи души*, *въ служеніи посылаеми за хотящихъ наследовати спасеніе* (Евр. 1 14), то Господь Богъ, пекущійся о всѣхъ, всѣмъ, человеколюбно управляющій, о всѣхъ дѣлахъ нашихъ промыслиющій, благоволилъ быть представителству безтѣлестныхъ силъ, по требованію человеческой немощи, благодаря родственности и сходству чувствъ (у ангеловъ и людей).

Находясь въ общеніи съ нами, они передаютъ намъ дары и благодѣянія промыслительнаго и попечительнаго смотрѣнія. Много было явленій ангеловъ слугамъ

¹⁾ Разумѣется „Защитительно Слово“, помѣщенное въ первомъ томѣ перевода Никифора.

Божіимъ; при этомъ хотя природа ихъ оставалась сокрытой, но насколько то позволяла чистота и непорочность призываемаго къ такому видѣнію или какъ того требовали нужда, время и обстоятельства, среди которыхъ совершалось служеніе 'ангеловъ, людямъ, удостоивавшимся видѣнія чистыми мысленными очами, различно представлялись и являлись формы и образцы безформенныхъ и безобразныхъ существъ. То, что случилось съ патриархомъ Авраамомъ, было выше, чѣмъ явленіе ангельское; и способъ этого новаго и дивнаго привѣтствія, которымъ воздается хвала и почетъ благочестію и гостепріимству хозяина, указываетъ скорѣе присутствіе Бога, чѣмъ ангеловъ. Описывается съ другой стороны, какъ внукъ его Іаковъ въ то время, какъ ему предстояло быть поовященнымъ въ тайну сошествія къ людямъ Бога Слова, ясно видѣлъ ангеловъ и лѣстницу, простиравшуюся ютъ земли до самаго неба, стоящаго вверху ея Владыку всѣхъ и рядъ сходящихъ оттуда и восходящихъ, чѣмъ было таинственно предуказано пришествіе къ намъ Спасителя всѣхъ Бога. А вожди церкви заявляютъ, что этимъ былъ предначертанъ образъ Христа.

10.—Мы не будемъ говорить о бесѣдѣ чрезъ ангеловъ, имѣвшей мѣсто послѣ этого, и о какихъ либо подобныхъ еимъ событіяхъ. Также сыну Навина (Ис. Нав. 5, 13), когда онъ былъ занятъ мыслію о войнѣ и ряды войска были уже предъ непріателемъ, явился Божественный ангелъ въ человѣческомъ видѣ, похожій на воина, показывавшій руку, вооруженную мечемъ. Принимая его за воина и недоумѣвая при этомъ необычномъ зрѣлищѣ, Іисусъ спросилъ, кто онъ—соплеменникъ или врагъ? Воинъ заявилъ, что онъ есть вождь воинства Господня. Также одинъ изъ пророковъ (Ис. VI, 1) говоритъ, что онъ видѣлъ Господа

славы и кругомъ предстоящихъ сѣрафимовъ. Когда ему предстояло быть посланнымъ къ жестоковѣчному и непослушному народу, онъ просвѣщается этимъ видѣніемъ неизреченной славы и уста его очищаются углемъ, дабы бесѣдовать чистому съ чистымъ. Сдѣлавшись служителемъ божественнаго слова, укрѣпленный этимъ видѣніемъ и славою, поставленный въ невозможность сравнивать это съ чѣмъ либо другимъ, презрѣвъ все человѣческое, онъ могъ дерзновеннѣе выступить на пророческое служеніе. Другой (Иезек. 9, 2) пророкъ, когда просвѣтленными мысленными очами созерцалъ Богомъ опредѣленную казнь грѣшникамъ, увидѣлъ назначенныхъ для этого служителей съ сѣкирами въ рукахъ, представлявшихъ истребленіе, гибель и избіеніе множества непокорнаго народа. Видѣлъ онъ также человѣка, одѣтаго въ льняную одежду, которому было повелѣно пройти по городу и сдѣлать знаки на челахъ людей скорбящихъ и воздыхающихъ о всѣхъ мерзостяхъ, совершающихся среди нихъ, чѣмъ божественное правосудіе отдѣляло невинныхъ отъ виновныхъ. Еще одному пророку является мужъ, сидящій на рыжемъ конѣ (Зах. 1, 8), указывающій, какъ всадникъ, можетъ быть, на быстроту и скоростъ дѣйствій. Цвѣтъ же коня, которымъ обозначается гнѣвный, свирѣпый, красноватый и огненный видъ сражающихся, указываетъ гнѣвъ Божій противъ народовъ языческихъ. И затѣмъ пророкъ услышалъ добрыя слова (Зах. 1, 17) и рѣчи утѣшенія, предвозвѣщавшія Божественное благоволеніе и человѣколюбіе, которыя Богъ всяческихъ даруетъ Іерусалиму, возвращая народъ поработанный и плененный къ прежнему процвѣтанію и довольству,—и обѣтованія относительно города, что онъ будетъ обстроенъ, населенъ и обогащенъ. Многое и другое указывали эти видѣнія созер-

цавшему ихъ пророку. Еще иной могъ видѣть иначе въ мѣру своего достоинства, сообразно съ тѣмъ, какъ располагались символическіе образы грядущихъ событий и какъ Богъ устрояетъ то, что открывалось при помощи этихъ символовъ. А что можно сказать о честныхъ и святыхъ женахъ, мироносицахъ? Не видѣли ли онѣ ангеловъ, одѣтыхъ въ бѣлыя и блестящія одежды, когда направлялись ко святому гробу, гдѣ было положено живоначальное тѣло Богоначальника? При этомъ бѣлизна и блескъ ихъ одежды, какъ символы общей радости человѣческаго рода и освобожденія, едва не издавали прежде нихъ самихъ (ангеловъ) гласа, что погребенный воскресъ, совозставивъ съ Собою издревле одержимыхъ узами смерти, Смерть упразднена, узы ада разрѣшены, умерщвленъ діаволъ, уничтоженъ грѣхъ. Это было благовѣстіе величія предвозвѣщенныхъ знаменій.

11. Такъ, какъ для плотскихъ глазъ святые ангелы невидимы, то они созерцались въ различныхъ видахъ, сообразно съ символами поручаемыхъ имъ служеній; такъ же они и изображались и нанертывались до сего времени христіанами. Въ согласіи съ этимъ именно христіане и поступаютъ и проповѣдуютъ. Такъ какъ ангелы святые и суть служители божественнаго величія, вторые свѣты, возсіявшіе отъ Свѣта Перваго, помощники нашего спасенія, то и иконы ихъ достойны и святы; мы воздаемъ имъ (ангеламъ) подобающее почтеніе, испрашиваемъ ихъ святыхъ молитвъ, потому что вѣримъ и знаемъ, что славословія и благодаренія, молитвы и прошенія наши возносятся ими къ Богу, если только вѣрно то, что сказано въ Евангеліи Спасителемъ нашимъ: *яко ангели ихъ на небесахъ выну видятъ лице Отца Моего небеснаго* (Мѣ. 18 10). И что иное они дѣлаютъ или чѣмъ занимаются, если

не доводятъ до ушей Господа Саваоа наши прошенія, уготовляя Его милости въ отношеніи къ дѣяніямъ нашимъ и предстательствуя за наше спасеніе? Здѣсь мы закончимъ рѣчь объ этомъ и опустимъ болтовню нечестиваго легкомыслія. Обратимъ свою рѣчь къ ранѣе общающему, къ вопросу о словахъ *описуемый* и *неописуемый* (*γραφτός καὶ ἀπεριγραφτός*), различія которыхъ, какъ извѣстно, не признаетъ по своей грубости и невѣжеству Мамона, а за нимъ и его ученики и послѣдователи его заблужденія, нечестивые и невѣжественные богословы,—и раземотримъ ихъ болтовню, ибо какъ съ одной стороны эти безумцы не знаютъ различія естествъ и свойствъ и не умѣютъ установить разницы между святымъ и сквернымъ, такъ съ другой стороны они не уразумѣли, что такое изображеніе (*γραφή*) и описаніе (ограниченіе — *περιγραφή*), изображаемое — *γραφτός* и описуемое — *περιγραφτός*. Все сливая смѣшивая и считая одинаковымъ, они отождествляютъ то, что весьма различно и отнюдь не допускаетъ никакой разницы. Не обращая вниманія на эту несообразность въ раннѣйшемъ изложеніи, чтобы не прерывать послѣдовательность рѣчи, мы и сами пользовались, когда нужно было, этими словами; иногда удерживая собственное и главное значеніе, а иногда вели рѣчь, допуская безразличіе въ употребленіи ихъ. Но мы общали представить и разбяснить ихъ значеніе и различіе между собою, дабы содержаніе и смыслъ ихъ были понятны всѣмъ незнающимъ и дабы рѣчь безумцевъ выказала себя смѣшною и исполненною невѣжества. Посему мы признали благовременнымъ теперь кратко обсудить эти слова.

12.—Кто изъ имѣющихъ каплю смысла не пойметъ, что начертаніе или изображеніе (*γραφή*)—одно, а описуемость или ограниченіе (*περιγραφή*)—другое? Начер-

таніе, начнемъ съ простѣйшаго, бываетъ двухъ видовъ: одно получается изъ буквъ, расположенныхъ въ связи и порядкѣ, далѣе изъ словъ, и составляется писателями; другое же устроится и начертывается ради сходства путемъ подражанія подлиннику, какъ это есть въ случаѣ, насъ интересующемъ. Одно передаетъ содержаніе связной рѣчи при помощи звуковъ, а другое даетъ подобіе подлинника при помощи отображенія. Въ настоящемъ случаѣ нѣтъ необходимости разсматривать, доставляетъ-ли когда изображеніе (полное) отображеніе формъ и вещей. Писателями (*γραφείς*) обыкновенно называются занимающіеся и тѣмъ и другимъ видомъ этого искусства—и составляющіе словесныя произведенія и изучившіе живописное искусство. Древнее употребленіе слова *писать*—*γραφειν* вмѣсто слова *ξόβαι*—*чертитъ* близко подходитъ къ обозначенію писанія и живописанія. Но описаніе—ограниченіе (*περιγραφή*), какъ обыкновенно выражаются, совершается слѣдующимъ образомъ. Описуемое или ограничиваемое (*τ' περιγραφόμενον*) описывается или ограничивается (*περιγράφεται*) или пространствомъ, или временемъ, или началомъ, или постиженіемъ:—пространствомъ, какъ напр. тѣла,—они заключаются въ пространство, потому что пространство есть предѣлъ содержаемаго, по скольку оно обнимаетъ содержимое. Временемъ и началомъ ограничивается или описывается (*περιγραφέντιν ἔστιν*) то, что прежде не существовало и во времени получило бытіе, въ каковомъ смыслѣ называютъ ограниченными—описуемыми ангеловъ и души. Тѣлесно ангелы въ пространство не вмѣщаются вслѣдствіе того, что они не имѣютъ ни формы, ни фигуры, но они дѣйствуютъ въ пространство сообразно съ своей природой, ибо пребываютъ въ немъ духовно, какъ духи, и не гдѣлибо, но именно тамъ мысленно

описываются—ограничиваются (*περιγράφεται*). Можно сказать также, что они ограничиваются Творцомъ. Временемъ ограничивается не только то, что начало быть, но и то, что имѣетъ конецъ и предѣлъ. Такова наша жизнь, по преимуществу ограниченная и конечная, ибо въ смерти каждый достигаетъ предѣла жизни. Исчезновение есть также предѣлъ и этого міра, когда міръ окажется преобразеннымъ. Вѣдѣніемъ ограничивается—описывается то, что постигается мыслию и знаніемъ; одинъ изъ видовъ ограниченія есть вѣдѣніе, коимъ ангелы познаютъ въ нѣкоторой степени природу другъ друга. Итакъ описаніе—ограниченіе есть вмѣщеніе и предѣлъ вмѣстимаго и ограничиваемаго, или окончаніе начавшагося и движущагося, или постиженіе духовнаго и познаваемаго. То, что не подходитъ ни подъ одну изъ этихъ категорій, неограниченно—неописуемо. Отсюда Христосъ, какъ человекъ, описывается (*περιγράφεται*) названными способами: такъ какъ Онъ носилъ наше тѣло дѣйствительно, а не въ воображеніи, то безтѣлесный Онъ описывается—ограничивается пространствомъ; будучи безначальнымъ, Онъ, получивъ начало во времени, описывается—ограничивается временемъ; обращаясь среди людей тѣлесно, Непостижимый содѣлался постижимымъ.

13.—При существованіи столькихъ видовъ описуемости—ограниченія между ними слѣдуетъ отмѣтить значительное различіе. Когда художникъ пишетъ т. е. изображаетъ человека, о чемъ у насъ сейчасъ идетъ рѣчь, то это не означаетъ, что вмѣстѣ съ тѣломъ и описываетъ—ограничиваетъ его. И если кто очерчиваетъ кого-либо, то это не значитъ, что онъ заключаетъ его въ пространство, въ которомъ ему слѣдуетъ находиться, даже въ его отсутствіе, ибо для того,

чтобы описаніе—ограниченіе имѣло мѣсто, необходимо присутствіе описываемаго — ограничиваемаго, тогда какъ для изображенія это присутствіе не представляется совершенно необходимымъ; при изображеніи совсѣмъ нѣтъ мѣста для описанія-ограниченія, хотя бы кто и подумалъ, что это совершается. Въ отношеніи къ тѣлесно описуемому—ограниченному ближайшее описаніе—ограниченіе даетъ пространство. А что такое пространство, нами уже сказано. Съ другой стороны если кто описываетъ—ограничиваетъ кого тѣлесно, это не значить, что онъ его пишетъ т. е. изображаетъ,—для такого заключенія нѣтъ принудительныхъ основаній, потому что описаніе и изображеніе не стоятъ въ связи другъ съ другомъ, какъ сейчасъ будетъ сказано. Мы говоримъ, что человѣкъ изображень въ такомъ то мѣстѣ, напр. на стѣнѣ или доскѣ; но никто изъ людей разсудительныхъ и умныхъ не скажетъ, что онъ этимъ мѣстомъ описывается т. е. ограничивается. Человѣкъ на своемъ портретѣ пишется—изображается, но описывается—ограничивается не въ немъ, а въ мѣстѣ своего ограниченія. И способы, которыми осуществляется описаніе и изображеніе, весьма различны: изображается человѣкъ, допустимъ, красками и камнями, въ разныхъ видахъ и положеніяхъ, въ различныхъ цвѣтахъ; но этимъ онъ ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть описанъ—ограниченъ, потому что описуемость—ограниченіе есть, какъ сказано, нѣчто совсѣмъ иное.

Кромѣ того, начертаніе (*γραφη*) представляетъ тѣлесный видъ человѣка изображаемаго, его обликъ, внѣшнюю форму и подобіе. Описаніе же—ограниченіе (*περιγραφη*), не имѣя ничего общаго съ этимъ, опредѣляетъ то, что ему подлежить, названными тремя способами. Изображеніе состоитъ въ имѣніи сходства съ

первообразомъ; оно есть и называется изображеніемъ первообраза, отдѣлено отъ него и существуетъ само по себѣ. Описание же—ограниченіе не можетъ быть ни подобіемъ, ни неподобіемъ; оно не сообщаетъ формы; относительно его нельзя говорить, что оно описываетъ первообразъ; оно не имѣетъ отношенія къ первообразу. Оно существуетъ независимо и само по себѣ вмѣстѣ съ тѣмъ, что оно обнимаетъ, и всегда ему присуще. Человѣкъ всегда находится въ пространствѣ и во времени, познаваемъ, неизбежно подлежитъ описанію—ограниченію, которое присуще его природѣ и не допускаетъ никакого разобщенія;—какъ каждый можетъ видѣть въ пространственной описуемости—ограниченіи (*περιορισμός*) соединеніе границъ того и другаго (объема и содержанія) при проявленіи обоихъ, ибо гдѣ есть объемъ и величина, тамъ неизбежно мыслится и пространство. Изображеніе же можетъ далеко отстоять отъ первообраза. Изображеніе, хотя и въ разныхъ мѣстахъ, начертывается тѣмъ же не менѣе въ точно определенной части пространства. Описание же—ограниченіе, ограничивая просто и неопредѣленно, распространяется на все, что подлежитъ описуемости—ограниченію, а не такъ, что въ одномъ мѣстѣ оно описываетъ—ограничиваетъ, а въ другомъ нѣтъ. Въ изображеніи все принадлежитъ воспріятію и внѣшней сторонѣ; въ описаніи же—ограниченіи большая доля принадлежитъ идеѣ (представленію), ибо возможно мыслить одно описывающее—ограничивающее пространство. Вообще говоря, ни живопись не ограничиваетъ—описываетъ человѣка, хотя онъ описуемъ—ограниченъ, ни описаніе—ограниченіе не изображаетъ человѣка хотя онъ изобразимъ, ибо и то и другое существуютъ на разныхъ основаніяхъ. Кромѣ того изображеніе подчинено (подлежитъ) описанію—ограниченію

описание же—ограничение не объемлется имъ въ свою очередь, но объемлетъ его: отсюда между ними нѣтъ взаимозависимости. Понятіе описуемости шире: какой-либо предметъ, изображенный или начертанный, напр. человекъ и само изображеніе, а также отпечатанные знаки или черта могутъ быть названы описуемыми въ томъ смыслѣ, въ какомъ мы сейчасъ говоримъ, что вездѣ слѣдуетъ помнить, ибо мы ведемъ рѣчь именно объ этомъ, а не о другомъ способѣ описуемости;—но не обратно: если что описуемо—ограничено, то и изображимо.

Приведемъ примѣръ. Такъ называемый годичный кругъ обращается въ предѣлахъ извѣстныхъ мѣръ—четырехъ временныхъ промежутковъ; поэтому онъ называется описуемымъ—ограниченнымъ, но не изображимымъ, начертываемымъ, ибо какъ можетъ быть изображено то, что не имѣетъ внѣшняго вида и формы и вслѣдствіе этого не доступно воспріятію зрѣніемъ. Будучи непрерывнымъ, годичный кругъ всегда связываетъ свой конецъ съ слѣдующимъ началомъ. Такъ какъ солнце, обращаясь въ теченіе круга, переходитъ отъ одного и того же знака къ одному и тому же, то принято говорить, что кругъ нѣкоторымъ образомъ описывается. Начала и окончанія совершаютъ взаимную смѣну въ незначительный промежутокъ времени и почти незамѣтно. Чтобы текучее время не стѣняло человеческой жизни неизвѣстностію, чтобы въ нашихъ дѣлахъ, за отсутствіемъ обозначенія ихъ какимъ-либо временнымъ знакомъ, не происходило замѣшательства, безпорядка и неправильности, время измѣряется днями, часами, недѣлями, мѣсяцами, годами, въ древности олімпіадами, консульствами и другими мѣрами, дабы хранились ясныя и отчетливыя воспоминанія о прошедшемъ и чтобы въ порядкѣ

располагались событія жизни. Такимъ образомъ и законъ Моисеевъ, существовавшій до евангельской спасительной проповѣди, существовалъ во времени и временемъ былъ ограниченъ. Равнымъ образомъ съ явленіемъ Спасителя нашего Бога и идолопоклонство было упразднено и ограничено (*περιεγράπται*), не обнаруживая въ послѣдующее время движенія впередъ и жизнеспособности. Но и законъ, хотя онъ описуемъ — ограниченъ (*περιγραπτός*), не изображается, самъ по себѣ будучи только именемъ, хотя его узаконенія начертываются буквами и всегда находятся въ священныхъ книгахъ; ни идолопоклонство не подлежитъ начертанію, ибо въ немъ идетъ дѣло о вещахъ не существующихъ, не имѣющихъ ни формы, ни вѣшняго вида.

14.— Точно также и начальства и власти народовъ описуемы — ограничены и таковыми именуются, ибо раздѣлены другъ отъ друга предѣлами и границами. Власть и обладаніе назначены Богомъ каждому народу въ опредѣленныхъ мѣстахъ. *Постави предѣлы языковъ по числу Ангелъ Божіихъ* (Второзак. 32:8). Самое имя начальство и власти не можетъ быть изображаемо, ибо оно обозначаетъ и символизируетъ достоинство. Равнымъ образомъ и человѣческая жизнь хотя она ограничена — описуема и заключена въ предѣлы Творцомъ и Богомъ всяческихъ, однако она не изображима. Случающіяся съ нами болѣзни описуемы, ибо ограничиваются временемъ; таковы особенно перемежающіяся лихорадки, продолжающіяся, большею частію, какъ говорятъ врачи, до одного дня; но никто никогда не видѣлъ лихорадку нарисованною или изображенною. Затѣмъ свойство цвѣтовъ благоухать, присущее извѣстнымъ тѣламъ, растущимъ или залегающимъ въ опредѣленномъ мѣстѣ,

именно въ виду этого благоуханія описуемо. Но такъ какъ само по себѣ отдѣльно это свойство не существуетъ, то оно не начертывается, и вообще не поддается изображенію. Что такое переселеніе въ Египетъ Іакова и его потомства и пребываніе ихъ тамъ въ теченіе четырехсотъ лѣтъ,—или плѣненіе Іудеевъ въ Вавилонѣ Халдеями, опредѣленное Богомъ всяческихъ въ 70 лѣтъ, которые они принуждены были отбыть для изглаженія своихъ грѣховъ? Развѣ и то и другое не были ограничены и не закончились съ возвращеніемъ, говоритъ божественный Григорій ¹⁾? Переселеніе и возвращеніе переселяемыхъ, плѣненіе вятыхъ, обнаруженіе корыстолюбія и тиранническое обращеніе, а съ другой стороны лишеніе свободы плѣнныхъ, рабство и принудительный уводъ—все это событія. Но никто не можетъ изображать переселеніе или плѣненіе, какъ происшествіе, взятое само по себѣ, ибо нельзя думать, что дѣло въ данномъ случаѣ идетъ о переселяемыхъ и плѣнныхъ; одно отлично отъ другого, какъ отличны дѣйствія отъ тѣлъ. Также движеніе воздуха можно назвать описуемымъ — ограничиваемымъ, потому что оно существуетъ въ одномъ мѣстѣ и прекращается въ другомъ, но—не изобразимымъ, потому что оно не состоитъ изъ частей и не имѣетъ формы.

15.—И меловѣческая рѣчь называется описуемо-ограниченною, однако она не изображается, ибо у нея нѣтъ ни тѣла, ни формы, ни вида. Да и какъ она можетъ имѣть ихъ, когда она изливается и разрѣшается въ произношеніи? Нами было уже сказано, въ какомъ смыслѣ слово *γράφεται* — *начертывается* должно быть приложимо ко всему этому. Согласно

¹⁾ Въ концѣ Слова 41 на пятидесятницу

одному изъ этихъ значеній, т. е. посредствомъ буквъ, все можетъ быть начертываемо. Если присмотрѣться, можно найти много случаевъ, гдѣ обнаруживается различіе этихъ словъ. Изъ вышеназваннаго ничто не подлежитъ начертанію (*γραφεται*); если только не имѣтъ въ виду случаевъ, когда нѣкоторые, изображая добродѣтели, напр. справедливость, мужество и другія, придаютъ имъ тѣлесную форму, какъ это мы иногда видимъ. Но это собственно нельзя назвать изображеніемъ (*eikoniζεσθαι*) или образомъ (*γραφεσθαι*), ибо здѣсь нѣтъ первообраза, и изображенія не имѣютъ подобія съ какими либо существами. Образы пишутся и начертываются сообразно первообразамъ и являются таковыми по отношенію къ чему либо, какъ и раньше мы говорили объ этомъ. Картины добродѣтелей суть измышленія, создаваемые намѣреніемъ и властію художника. Онѣ явно не представляютъ вида, образа и формы чего либо ранѣе существовавшаго. Добродѣтели не могутъ быть изображены въ собственномъ и истинномъ смыслѣ. Изображается обыкновенно то, что вмѣщается пространствомъ, воспринимается нашими чувствами, что имѣетъ тѣло, форму и видъ. А то, что существуетъ на иныхъ основаніяхъ, или не изображается совсѣмъ, или изрѣдка изображается символически, или иными способами. Не смотря на такое различіе разсматриваемыхъ словъ, явствующее изъ опредѣленія и другихъ разсужденій о нихъ, эти преданные страстямъ безумцы, ограничивающіе (*περιγραφοντες*)—скажемъ такъ—упованіе настоящей жизни, никогда не взирающіе на будущее, обладающіе душою, одержимою страстями и влеченіемъ къ матеріальному, движимые грубыми и разнузданными порывами, несмысленно и неразумно въ формѣ приказанія постановляютъ свои рѣшенія, которыхъ не допускаетъ са-

мое существо дѣла. Въ то время, когда слѣдуетъ говорить „изображать и начертывать“ (*γράφειν καὶ εἰκονίζειν*)“ они говорятъ „описывать“ (*περιγράφειν*)“, не обращая вниманія ни на церковное ученіе, ни на положеніе дѣла. Не научило ихъ дѣлать это различіе даже обыкновенное и народное употребленіе этихъ словъ, какъ напр. въ приложеніи къ такъ называемымъ въ частныхъ сдѣлкахъ обходнымъ долговымъ роспискамъ (*ἐπιπερίγραφα ὑδαμιστέα*), совершенно отличнымъ отъ признаваемыхъ закономъ постоянныхъ договоровъ.

16. Жалкіе, они не понимаютъ того, что особенно посягаетъ безуміе всѣхъ ихъ. Всегда они имѣютъ на языкѣ и приводятъ требованіе учителя Астерія: „не изображай Христа“ (*μὴ γράφῃ*). Но онъ не требуетъ „не описывать“ (*μὴ περιγράφῃ*). Такъ и нашъ Астерій въ бесѣдѣ о святой мученицѣ Евфиміи, указывая намъ на священную исторію мученицы, сказалъ: „видѣлъ я тамъ нѣкое *начертаніе*“ (*γραφὴν*), а не „*описаніе*“ (*περιγραφὴν*)“¹⁾, — называлъ ее *изображенной* (*γραφικὴν*), а не *описанной* или *ограниченной* (*περιγραφικὴν*). Онъ умѣлъ цѣнить художество и наилучшихъ изъ живописцевъ и какъ самъ высоко чтился у нихъ, такъ и чтилъ картины мастеровъ. Чтоже нужно сказать относительно другихъ святыхъ отцовъ нашихъ? Одинъ изъ нихъ обращаетъ вниманіе на живописцевъ, рисующихъ (*ἐχχαράσσοιτας*) на дощечкахъ, а другой говоритъ: „достаточно-ли слово изобразило“ (*ἔγραψε*) мужа? А затѣмъ: „не ясно-ли представило“ (*ἀνετύλωσато*) слово, живописуя соименнаго мнѣ и имѣющаго одну душу со мною?“ Но никто не сказалъ *описано* (*περιέγραψεν*). Иконоборцы же не знаютъ

¹⁾ Астерій въ бесѣдѣ на притчу о богачѣ и Лазарѣ, Migne t. 40, — ср. переводъ на русе яз. Бог. Вѣстн. 1894 г. и отд. изд. прим. 1 и 18

даже названія, которое обычно употребляютъ изучившіе это искусство. До такой степени извращена ихъ мысль, до того они заражены безуміемъ. Художники носятъ названіе ζωγράφοι, а не ζωοπεριγράφοι. Чтобы намъ не запутаться въ лабиринтъ словъ и не впасть въ безконечную массу изреченій, мы этимъ ограничимъ (περιγράφωμεν) наше очень ограниченное (ἐνπερίγραπτον) писаніе (γραφήν) объ изображимомъ (τοῦ γραπτοῦ) и описуемомъ (περιγραπτοῦ).

17.—Какъ же не закроютъ свои лица отъ стыда и не сгинутъ Христоборцы, когда слышатъ, что существа безтѣлесныя и безобразныя, какъ напр. ангелъ и душа, описуемы — ограничены особымъ имъ собственнымъ способомъ, и въ тоже время думаютъ, что Христосъ, воплотившійся, въ естествѣ нашемъ явившійся, сущій во плоти, воспріявшій человѣческій видъ, наружность и форму, сохранившій во всемъ совершенное человѣчество, не можетъ описываться и начертываться, изображаться (περιγράφεσθαι καὶ γράφεσθαι, εἰκονίζεσθαι). Въ Немъ явилось то и другое естество, такъ какъ-то, что Онъ воспринялъ, есть и у насъ. Онъ ничего не отвергъ изъ нашего кромѣ грѣха. Но новый Адамъ понесъ всего ветхаго Адама, дабы подпавшаго грѣху преступленіемъ божественной заповѣди Онъ могъ безгрѣшнымъ возстановить въ Себѣ благодатію. Неужели они не вѣрятъ, что и они сами, какъ состояще изъ тойже персти, описуемы, чтобы уже зачеркнуть и человѣческое естество? Мы вѣруемъ и проповѣдуемъ, что Богъ-Слово по произбыточеству челоуѣколюбія, возводя Свое твореніе къ древнему благолѣпію, прежде всего вселившись въ утробу Пресвятой Матери и истинной Богородицы, воспринялъ неложно отъ дѣвственныхъ кровей нашу плоть. Такъ какъ Она была челоуѣкомъ съ естествомъ ни

въ чемъ не отличнымъ отъ нашего и только превосходила всѣхъ святостію и непорочною, то и Христосъ, будучи человѣкомъ совершеннымъ, не въ воображеніи и не по виду только, описалъ—ограничилъ (*περίεγραψεν*) Себя въ естествѣ человѣческомъ. Съ этого времени мы будемъ употреблять разсматриваемыя слова въ буквальномъ и собственномъ ихъ значеніи. Хотя Христосъ, какъ Слово, есть всегда то, что Оно есть, безстрастенъ, граница и предѣлъ всякой неопиcуемости и безпредѣльности (*ἀπεριγραψία καὶ ἀοριστία*), потомъ однако во время явленія Своего Онъ возлежалъ въ пещерѣ и ясляхъ, повитый пеленами, содѣлался описуемымъ и ограниченнымъ (*περιεγράφη καὶ περιορίσθη*) по плоти. Вслѣдствіе сего Его описуемое тѣло испытало слѣдующее: Онъ былъ обрѣзанъ, крещенъ, погружаемъ тѣломъ въ воду, биченъ рабомъ, распятъ на крестѣ, претерпѣлъ прободеніе ребра, принялъ за насъ смерть, былъ положенъ во гробъ, въ которомъ былъ тѣлесно ограниченъ (*περιγράφη*). Затѣмъ Онъ воскресъ послѣ трехъ дней, поправъ смерть какъ Богъ и даровавъ умершимъ свободу и жизнь. Что скажете вы, провозглашающіе неопиcуемость (*τὸ ἀπερίγραπτον*) и допускающіе нелѣпости докетизма? Повитый пеленами, возлежавшій въ ясляхъ, пребывавшій въ пещерѣ описывается (*περιγράφεται*) или нѣтъ? Обрѣзываемый, крестимый, распинаемый и въ концѣ всего заключаемый во гробъ ограничивается (*περιορίζεται*) этимъ и объемлется, или нѣтъ? Не описуемое (*μὴ περιγραφόμενον*) не находится въ пространствѣ, если же оно не въ пространствѣ, то оно не есть тѣло; если же не тѣло, то тѣмъ болѣе не человѣкъ. Итакъ, Христосъ не вочеловѣчился, не воспринялъ павшаго естества и не подлежалъ тѣмъ страданіямъ, которыя обычны для нашего тѣла.

Если говорить шутки по поводу вашего невѣжества и безстыдства, я спрошу васъ—описуемъ-ли описуемый или нѣтъ, (*περιγράφεται ὁ περιγραφόμενος*)? Такія рѣчи достойны вашей тупости и безумія. Можетъ быть, вы не согласитесь и съ этимъ. Въ глазахъ христіанъ это нелѣпо и смѣшно, ибо даже послѣ божественнаго воскресенія въ томъ же тѣлѣ, хотя и обогатившемся нетлѣніемъ, Христосъ входитъ при запертыхъ дверяхъ, является ученикамъ для осязанія и показываетъ язвы отъ прободенія ребра и отъ гвоздей на рукахъ. Вы не внимлете тѣмъ, которые говорятъ: *иже съ нимъ ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 41). И что всего дивнѣе, воплощенный вознесся на небо и былъ видимъ именно въ тѣлѣ. Это подтверждаютъ также слова ангеловъ, слышанныя учениками: *иже образомъ видѣсте его идуща на небо, такожде прїидетъ* (Дѣян. 1, 11), именно тотъ самый, который возсѣдаетъ одесную Бога, и снова грядетъ со славою Отчею, дориносимый въ томъ же тѣлѣ, чтобы быть видимымъ даже не видящими и заставить увѣровать невѣрующихъ. И говоря кратко, что такое вознесеніе, если не восхожденіе Его тѣла, которое Онъ перемѣстилъ изъ одного мѣста въ другое? Итакъ, все это признаки тѣла описуемаго (*περιγραπτόν*), подобнаго нашему, хотя и превышающаго наше, какъ бы ни противились этому беззаконники. *Аще не разумѣмъ Христа по плоти* (2 Кор. 5, 16). Эти слова показываютъ, что онъ уже свободенъ отъ трудовъ, голода, жажды и всѣхъ нашихъ страданій плоти и немощей, не говоря о грѣхѣ, (которому никогда не былъ причастенъ). Разъ облекшись въ нетлѣніе, Онъ уже не можетъ подлежать этимъ страданіямъ.

18.—Безъ сомнѣнія, находясь здѣсь, когда Онъ былъ видимъ людьми и обращался съ ними, когда

напр. училъ, присутствуя въ храмѣ тѣлесно, Онъ былъ описуемъ—ограниченъ (*περιεῖρατο*). Находясь здѣсь, Онъ въ тоже время тѣлесно не былъ въ Галилѣе, хотя какъ Богъ, все наполняющій и присутствующій вездѣ и надъ всѣмъ, Онъ—скажемъ такъ—и не описуемъ. Затѣмъ: какъ и откуда переходитъ въ Виванію тотъ, который говоритъ ученикамъ: *радуясь васъ ради, да въруете, якоже не бѣхъ тамо* (Іоан. 11, 15). Готовясь совершить это великое таинство, Онъ ясно показалъ этимъ предвареніе общаго и вселенскаго воскресенія. Воззвавъ начавшаго смердѣть послѣ четырехъ дней, какъ живого, изъ преисподняго и мрачнаго ада, сопричисливъ къ живымъ направлявшагося къ тлѣнію и подлежавшаго разложенію, Онъ ясно показалъ Свою силу чудесно животворить умершихъ. И однако будучи здѣсь, Онъ въ тоже время не является тѣлесно въ Капернаумѣ или въ другомъ мѣстѣ. И вообще находясь въ одномъ мѣстѣ, Онъ не былъ въ другомъ. И теперь, когда Онъ взошелъ на небо, я не знаю, чтобы кто-либо сталъ утверждать, что Онъ обращается съ людьми тѣлесно, хотя по обѣтованію инымъ способомъ Онъ и вѣчно пребываетъ съ нами, какъ вѣрными и Своими, если только не будутъ и противъ этого возставать враги нашей вѣры. Чтобы не распространяться и не растягивать рѣчь нашу, скажемъ, что если Христосъ воплотился, то Онъ пребываетъ въ пространствѣ и описуемъ, ибо пространство служитъ предѣломъ содержанія, поскольку оно объемлетъ содержимое и объемлется предѣлами, въ коихъ заключается содержаніе.

19. Итакъ очевидно, что Христосъ истинно, а не по виду только нося наше тѣло и находясь въ какомъ-либо мѣстѣ, не былъ вездѣ, откуда ясно, что Онъ былъ описуемъ. И если они не согласятся съ

этимъ, то пусть укажутъ другой способъ, вмѣстѣ съ докетами, какъ одержимые ихъ злосчастнымъ заблужденіемъ, грезя, что воплощеніе и распятіе Господа имѣло мѣсто только въ воображеніи. Докеты именно пустословили, что Христосъ не былъ распятъ, что Онъ возсѣдалъ на горѣ и смѣялся надъ Іудеями, когда они распинали Симона, думая, что распинаютъ Христа. Итакъ, мы не описываемъ Христа, и Онъ не становится описуемымъ оттого, что мы Его изображаемъ. Такъ пустословятъ эти безумцы и невѣжды, лишенные здраваго смысла и ни въ чемъ не уступающіе сумасшедшимъ. Между тѣмъ мы не описываемъ Его, ибо какъ можно описывать Того, Кто не присутствуетъ тѣлесно? Но мы изображаемъ Его—скажемъ такъ, чтобы яснѣе представить значеніе этихъ словъ—не по скольку Онъ описуемъ, а поскольку природа Его подлежитъ изображенію. Также и иконы представляютъ Его всѣмъ не поскольку Онъ описуемъ (*περιγραπτός*), а поскольку изображаемъ. Мы изображаемъ Его, не какъ Слово и Бога (да не будетъ сего, ибо Онъ невидимъ, неосязаемъ, безобразенъ, и мысль объ этомъ есть безуміе и крайнее безразсудство), но по скольку Онъ содѣлался человѣкомъ и былъ вездѣ видимъ. И не такъ, какъ являлся Аврааму и пророкамъ въ образѣ человѣка, а сообразно съ тѣмъ, что *Слово плоть бысть и вселися въ ны*. „Слово одѣбелѣло“ т.-е. воспріяло нашу плоть. „Безначальное начинается“, „неосязаемое осязается“—и прочее, что предано Духомъ и во что мы вѣруемъ. Такимъ образомъ описуемость создаемъ не мы, а Снисшедшій и домостроительно Облекшійся въ нашу нищету; изображенія же изготовляемъ мы, ибо вѣруемъ въ это, пріемлемъ и чтимъ, открыто проповѣдуемъ истекающее отсюда для насъ благодѣяніе

и спасеніе, побуждаемся къ этому Божественною любовію и Духомъ и приводимъ на память совершенное ради насъ домостроительство.

Итакъ, совершенно неразумно утверждать, что тѣло съ одной стороны истинное, а съ другой, что оно неопиcуемо и неизобразимо, каковымъ ошибочно считаютъ по своему неразумію тѣло Христа иконоборцы, хотя такимъ путемъ можно бы упразднить матеріальность (тѣла) и воплощеніе Слова. Съ ихъ точки зрѣнія возможно даже назвать Христа, вмѣстѣ съ единомышленными имъ Іудеями, обманщикомъ и говорить даже что-либо еще болѣе нечестиво, потому что Онъ показывалъ и представлялъ принадлежащимъ Ему то, чего у Него не было. Пусть клеветуютъ и на воскресеніе и другія таинства домостроительства, совершенныя ради насъ, воображая, что все происходило только для вида. Что-же изъ этого слѣдуетъ? А то, что они должны допустить, или что Слово не воплощалось, или-же что Оно воплотившись неопиcуемо, дабы въ первомъ случаѣ выказать свое невѣріе, а во второмъ безуміе соединенное съ невѣріемъ. Что безумнѣе или скотоподобнѣе утвержденія, что Слово воплотилось, но неопиcуемо и неизобразимо? Для доказательства своихъ безбожныхъ положеній они ссылаются на единство ипостаси, но въ дѣйствительности все у нихъ направлено къ другой цѣли. Все дѣлаютъ они, движимые ненавистью къ первообразу, дабы съ упраздненіемъ образа исчезла и память о первообразѣ, ибо дѣйствительно тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ.

Считаю умѣстнымъ спросить облеченныхъ священнымъ саномъ о слѣдующемъ: если вы говорите, что плоть, которую воспринялъ Христосъ, неопиcуема по причинѣ единой ипостаси,—неопиcуемое же, какъ со-

гласны всѣ, у кого органы чувствъ находятся въ нормальномъ состояніи, невидимо,—невидимое же неосязуемо, недоступно воспріятію и вообще говоря безтѣлесно: то что-же есть то, надъ чѣмъ вы священнодѣйствуете во время совершенія таинствъ, приступая къ святынѣ, какъ говорится, съ иззутыми ногами? Если это тѣло неосязуемо, какимъ образомъ приносите его въ жертву? И что жрется? Вѣдь то, что невидимо, не жрется и не закалается? И что есть то неосязуемое, что вы осязаете, какое тѣло? Куда же дѣнется то, что держите въ рукахъ, что взимается устами и что описуемо—ограничено (*περιγραφήμενον*), что размельчаете зубами и что дѣлается вкушаемымъ, если дѣйствительно оно, будучи неосязуемымъ, не жрется? Ибо нельзя же сказать, что Слово Само по Себѣ можетъ быть вкушаемо. Какимъ же образомъ вы смерть Христову возвѣщаете или исповѣдуете воскресеніе и прѣданное служителямъ слова въ ту священную ночь, когда Онъ содѣлалъ ихъ причастниками этихъ таинствъ? Вы выказываете себя безумцами, ибо утверждаете, что Христосъ въ дѣйствительности не принесъ Себя въ жертву, такъ какъ у Него не было описуемаго тѣла: Итакъ въ своемъ заблужденіи вы противорѣчите самимъ себѣ, ибо допускаете, что приносится въ жертву то, что по вашимъ словамъ приносится въ жертву не можетъ. Ибо какъ неописуемое можетъ быть приносимо въ жертву, осязуемо, вкушаемо? Изъ этого вполне ясно, что вы, вполне заблуждаясь относительно тѣла Христова, зачеркиваете и отмечаете преданное относительно этихъ таинствъ въ Евангеліяхъ вмѣстѣ со всѣмъ прочимъ, потому что согласно съ вашимъ учителемъ допускаете не тѣло собственно, а образъ тѣла. Въ соотвѣтствіе съ тѣмъ понятіемъ образа, которое вы проповѣдуете, вы необходимо должны

признать, что по причинѣ единой ипостаси вмѣстѣ съ тѣломъ приносится въ жертву и Слово, или же, такъ какъ Слово неописуемо, Оно отдѣляется отъ тѣла, и въ такомъ случаѣ вы причащаетесь и освящаете не что иное, какъ только простой хлѣбъ и вино. Нельзя и думать о томъ, чтобы такимъ путемъ вы получали спасеніе или же освященіе. Вѣрный же не обманывается, ибо вѣруетъ, что хлѣбъ, освященный достойными служителями, есть тѣло Христово; взявая его руками, онъ знаетъ что оно описуемо; вкушая его, онъ освящается, очищается отъ грѣховъ и пріобрѣтаетъ твердое упованіе, что чрезъ это онъ удостоится царства небеснаго.

ОПРОВЕРЖЕНІЕ ТРЕТЬЕ.

Но защитники невѣрія хотя сами требуютъ твердыхъ доказательствъ даже всѣмъ извѣстнаго и очевиднаго въ томъ случаѣ, когда преслѣдуютъ цѣль нечестія своего—извратить правое ученіе Церкви и гоняются за славою талантливыхъ и остроумныхъ богослововъ среди обманываемыхъ ими, однакожъ, когда сама истина изобличаетъ и преслѣдуетъ ихъ, пускаются въ нелѣпыя изысканія и неумѣстныя доказательства, сочиняютъ скверное пустословіе, подвигаютъ христорборный языкъ свой на неразумные и невѣжественные вопросы, терпя караблекрушеніе въ вѣрѣ (I Тим. 1, 19), ничего не зная, но, согласно Писанію, страдая недугомъ состязаній и словопреній (I Тим. 6, 4). Вслѣдствіе сего они выражаютъ предъ нами недоумѣніе: откуда вы заимствовали обычай начертывать иконы и преданіе поклоняться имъ? Они надѣются такимъ путемъ поставить насъ въ затруднительное положеніе и лишить насъ бодрости.

I.—На этотъ вопросъ мы отвѣтимъ соотвѣтствующимъ возраженіемъ: откуда у васъ евангельскія книги, отъ кого вы приняли поклоненіе, которое имъ воздаете, а также крестъ и все другое, чему въ христіанской церкви воздается почтеніе и поклоненіе? Когда они слышатъ это, весьма сердятся и съ гнѣвомъ утверждаютъ, что о семъ нельзя спрашивать, опасаясь вступить съ нами въ споръ объ этомъ. За-

тѣмъ, такъ какъ имъ некуда дѣваться (ибо что другое они могутъ сказать), они прибѣгаютъ къ преданію. Подобно тому какъ люди, освобожденные отъ оковъ, устремляются на свободу и волю, такъ и они ссылаются на то, что церковь изначала приняла заключенную въ Писаніяхъ и явленную чрезъ нихъ благодать. Между тѣмъ при видѣ ихъ невѣрія и безумія можно утверждать, что имъ нужно еще другое Писаніе или какое-нибудь другое доказательство, удостоверяющее и подтверждающее истинность тѣхъ Писаній, а для этого послѣдняго Писанія еще иное,— и такъ въ безконечность.

Но допустимъ въ этомъ случаѣ ихъ нелѣпости. Они выдвигаютъ преданіе, относительно котораго желаютъ, чтобы оно имѣло силу въ томъ, что имъ нравится, и которое они стараются отвергнуть въ томъ, въ чемъ оно не согласуется съ ними, хотя преданіе во всемъ его объемѣ одно и тоже по существу, давности и авторитету. Но зачѣмъ, можетъ быть скажетъ кто, спорить съ людьми, которые не убѣждаются ни словомъ, ни дѣломъ, не понимаютъ ни того, что говорятъ, ни того, что слышатъ, даже отчаялись въ своемъ спасеніи? Тѣмъ не менѣе слово истины должно быть высказано безбоязненно. Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить, что къ тому, что говорятъ и слышатъ о Богѣ, должно приступать съ подобающимъ благоговѣніемъ и страхомъ Божиимъ. Затѣмъ въ этихъ предметахъ надлежитъ руководиться вѣрою, чтить ее, вѣдрять ее въ душахъ, принимать ученіе о нихъ правымъ сердцемъ и напротивъ уклоняться отъ пустого и празднаго совопросничества, совершенно отвращаться отъ бабьихъ басенъ и гнуснаго пусто-словія, не заниматься безконечными родословіями, какъ учить насъ Писаніе (Тим. 1, 4), которыя про-

изводятъ больше споры, чѣмъ Божіе назиданіе въ вѣрѣ, не требовать подтвержденія и доказательства знаменіями и чудесами и не колебаться въ мысляхъ относительно главнаго. Это дѣло Іудеевъ и злоумышленіе невѣрующихъ. Кому говорилъ Господь: *О родъ невѣрный, знаменія ищешь, и знаменіе не дается ему, только знаменіе Іоны пророка* (Мѡ. 16, 4)? Не упрямымъ ли Іудеямъ и тѣмъ, что всегда противятся Духу Святому? Надлежитъ уклоняться отъ бесполезныхъ и невѣжественныхъ изысканій, которыя порождаютъ скорѣе словопренія и болтовню, чѣмъ нужное и полезное ученіе отъ принудительныхъ заключеній, получаемыхъ логическимъ путемъ при помощи искусныхъ и софистическихъ пріемовъ, и избѣгать такихъ способовъ убѣжденія, которые невольно влекутъ слушателей къ согласію. Все это есть изобрѣтеніе Эллиновъ и невѣрныхъ, ибо какъ Іудеи требуютъ чудесъ, такъ Эллины ищутъ премудрости (I Кор. 1, 2).

2. Для насъ же, чтущихъ вѣру, вѣра да будетъ началомъ и основаніемъ нашего спасенія, и съ ней мы стремимся къ цѣли и концу нашихъ чаяній. Такъ какъ вѣра отъ слуха, то прежде всего *въровати* — *подобаетъ* *приходящему къ Богу яко есть и взыскающимъ его мздовоздаятель бываетъ* (Евр. 11, 6), вѣровать, а не противиться, приходитъ съ вѣрою, дабы получить награду послушанія. Вѣра есть чуждое мудрствованій и простое признаніе. Поэтому вѣрою приступаемъ къ благодати, порождаемой въ душѣ вѣрныхъ вѣяніемъ Св. Духа; съ мыслию свободною отъ всякаго невѣрія въ простотѣ сердца не лукавствуя и безъ изслѣдованія принимаемъ преданіе католической Церкви, какъ возсіявшее отъ божественной благодати. Невѣріе есть наихудшая изъ всѣхъ болѣзнь души, начало неразумія и причина гибели, ибо *еще не*

увѣрите, говоритъ Писаніе, *ниже имате разумѣти* (Ис. 7, 9). Невѣріе не допускаетъ правильнаго отношенія къ ученію истинной религіи; сомнѣніе, затемняя блескъ истины, какъ облако, набѣгающее на солнце, не даетъ мѣста истинному просвѣщенію разума нуждающихся въ томъ. Итакъ ясно, что нѣтъ ничего тверже и безопаснѣе, какъ начинать съ вѣры. Изслѣдовать же начало начала и основаніе доказательства есть тоже самое, что изслѣдовать вѣру вѣры. Что неразумнѣе и дерзновеннѣе этого? Человѣкъ въ такомъ случаѣ не можетъ имѣть предѣла, гдѣ бы остановиться, и будетъ продолжать выводы въ безконечность, ибо изслѣдуемый вопросъ заставляетъ его переходить къ другому, такъ что, что бы ни дѣлалъ изслѣдующій, онъ придетъ къ вѣрѣ, какъ къ послѣднему началу. Невѣрующихъ безуміе будетъ увлекать въ безконечность, и они не могутъ остановиться, а сокрушатся и погибнуть отъ самихъ себя вслѣдствіе своего невѣрія и жестокосердія.

3. Затѣмъ мы утверждаемъ, что обычай писать или изображать Христа получилъ начало не отъ насъ, не въ нашемъ поколѣніи и не есть новое изобрѣтеніе. Живопись освящена временемъ, имѣетъ за себя древность, современи евангельской проповѣди; почему она честна и священна. Говоря короче и точнѣе: такъ какъ эти священные видимыя изображенія суть символы нашей вѣры, то они существовали и процвѣтали издревле вмѣстѣ съ вѣрой, изначально,—отъ апостоловъ получили начало, а отцами запечатлѣны. Они сообщили намъ какъ въ словѣ ученіе вѣры, такъ и въ этой области о томъ, какъ Спаситель пребывалъ и дѣйствовалъ на землѣ, вслѣдствіе чего и содержаніе евангельскихъ писаній становится изобразительнымъ и яснымъ. Они быть можетъ поступали также, какъ

многіе изъ древнихъ, когда описывали подвиги, повѣствуя о нихъ не только въ книгахъ, но и представляя ихъ въ картинахъ. Нѣчто подобное мы слышимъ и отъ одного изъ учителей церкви: „военные подвиги изображаютъ и писатели и живописцы—одни украшая ихъ словомъ, а другіе начертывая на картинахъ“. Отсюда принимающій сочиненіе необходимо долженъ принять и изображенія, ибо если не приметъ одного, то не приметъ, конечно, и другого. Такъ какъ все содѣланное было домостроительствомъ уничижившаго Себя Слова, то Оно благоволило также и этимъ способомъ явить это домостроительство; отсюда потребовалось болѣе плотяное, но за то и болѣе наглядное описаніе ради людей простыхъ и необразованныхъ, дабы не знающіе грамоты могли зрѣніемъ воспринять то, чего не въ состояніи воспринять чрезъ слово, и усвоить болѣе краткое и наглядное представленіе о тѣхъ дѣяніяхъ. То, чего часто умъ не можетъ воспринять слушаніемъ словъ, зрѣніе, дѣйствуя безошибочно, истолковываетъ изобразительнѣе. Такимъ образомъ то, что Христосъ совершилъ и пострадалъ ради насъ, легко приводится на память и притомъ быстрѣе, чѣмъ чрезъ словесное повѣствованіе, поскольку и вообще зрѣніе быстрѣе слуха при познании и удобнѣе для увѣренія. Такъ и до насъ дошло это почитаніе, подтверждаемое съ одной стороны протекшимъ большимъ промежуткомъ времени, а съ другой свидѣтельствуемое и примѣняемое на дѣлѣ достойными довѣрія вѣрующими христіанами.

4. Итакъ, о чемъ же печалиться, когда этимъ путемъ (живописи) чаще вызывается воспоминаніе о Христѣ и подтверждаются благодѣянія и великія дѣла, Имъ ради насъ совершенныя? Но эти виновники бѣдствій завидуютъ спасенію людей и явно не только

для себя, но и для другихъ затворяютъ царство подобно тѣмъ фарисеямъ, нравамъ и гордости которыхъ они подражаютъ. Итакъ все, что находится въ преданіи Церкви Божіей писаномъ и неписаномъ достойно поклоненія и почитанія и освящаетъ души и тѣла; и для вѣрующихъ въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Если же кто захочетъ говорить объ этомъ тщательнѣе и подробнѣе, тотъ можетъ сказать: такъ какъ евангельскія писанія переданы въ словѣ изначала самовидцами и служителями Слова, самовидцами божественнаго и преестественнаго ученія (Лук. 1, 2) и дѣяній и знаменій, преподать и совершить которыя могло только вочеловѣчившееся Слово, то вѣрные съ увѣренностію приняли это не на основаніи простого исходящаго въ воздухъ и кратко звучащаго слова, но также и потому, что они присутствовали при самыхъ дѣяніяхъ, за что и именуются блаженными (Мѣ. XIII, 16). Повѣствованіе, предлагаемое священными изображеніями, начинается отсюда; они вышли изъ одного и тогоже источника (съ Писаніемъ); живопись воспроизводитъ событія, представляя зрѣнію совершившееся, какъ въ другомъ мѣстѣ я подробнѣе говорилъ объ этомъ и ясно доказалъ невозможность обвинять живопись.

5. Но и самыя слова суть образы вещей и слѣдуютъ за ними на второмъ мѣстѣ, какъ за главными. Слова сначала доходятъ до слуха: звуки рѣчи прежде достигаютъ тѣхъ, къ кому обращены, и затѣмъ уже слушатель путемъ заключенія доходитъ до воспріятія вещей, о коихъ идетъ рѣчь. Живопись же приводитъ умъ зрителей прямо и непосредственно къ самымъ предметамъ, какъ уже находящимся на лицо, и съ перваго взгляда и встрѣчи даетъ ясное и точное представленіе о нихъ. Воспользуюсь отече-

скимъ изреченіемъ: „о чемъ повѣствуетъ исторія, это живопись молча представляетъ путемъ подражанія“. Насколько дѣло превосходитъ слово, настолько изображеніе и подобіе дѣла превосходитъ звуки рѣчи при образованіи представленій о предметахъ. При помощи такого изображенія рѣчь часто становится болѣе наглядною и ясною. Благодаря словамъ нерѣдко рождаются недоразумѣнія и споры и въ умахъ являются обыкновенно разные взгляды; многіе даже противорѣчатъ и самимъ себѣ и другимъ и вступаютъ въ споры, колеблясь въ пониманіи того, о чемъ идетъ рѣчь. Но увѣренность, приобретаемая чрезъ созерцаніе видимыхъ предметовъ далека отъ всякаго сомнѣнія. Между обоими—и рѣчью и живописью—отношеніе настолько тѣсно, что въ одной и тойже книгѣ, какъ это нерѣдко можно видѣть въ древнихъ кодексахъ, предметы представляются попеременно то въ описаніи при помощи буквъ, то при помощи картинъ, и повѣствованіе въ этомъ послѣднемъ видѣ тождественно съ повѣствованіемъ словеснымъ. И какъ Евангельскія Писанія находятъ у христіанъ довѣріе, не требуя другихъ писаній и сочиненій, ихъ подтверждающихъ и за нихъ свидѣтельствующихъ для того, чтобы имъ воздавали честь и почтеніе, такъ и начертаніе священныхъ изображеній, будучи (по существу) однимъ и тѣмъ же съ Евангельскими Писаніями, удостовѣряетъ само себя и не нуждается въ стороннихъ доказательствахъ для того, чтобы представлять евангельскія событія и чтобы ему воздавалась честь равная съ Евангеліемъ. А если бы потребовалось свидѣтельство со стороны, то зачѣмъ выставлять иное, а не сослаться на подтвержденіе Евангелія? Итакъ, если Евангеліе, возглашаемое въ слухъ вѣрныхъ, ибо вѣра наша отъ слуха (Рим. 10, 17),

достойно такого почтенія, то живопись, воспринимаемая зрѣніемъ и въ самомъ ощущеніи дающая намъ одно и тоже наставленіе, или преимуществуетъ быстройю наученія, ибо зрѣніе болѣе чѣмъ слухъ пригодно для убѣжденія, или во всякомъ случаѣ не занимаетъ второго мѣста. И такимъ образомъ она должна быть наравнѣ съ Евангеліемъ.

6.—Астерій (справедливо здѣсь и его удостоить воспоминанія)—тотъ, котораго они считаютъ своимъ учителемъ, или какой другой,—Астерій въ словѣ о кровоточивой, дивясь усердію и ревности жены, которая она обнаружила по вѣрѣ въ Благодѣтеля своего, говоритъ, что воздвигнутая ею мѣдная статуя, изображавшая Христа, свидѣтельствовала въ пользу Евангельской проповѣди и побѣдила и постыдила насмѣхавшихся и глумившихся надъ нею Іудеевъ и Еллиновъ, ибо благодаря ей проповѣдь дѣйствительно казалась нагляднѣе. Не перенося ея изобличенія, нѣкоторые изъ нечестивыхъ и богоборныхъ правителей со временемъ рѣшились по Божію попущенію низвергнуть божественную статую. Тоже, мы видимъ, дѣлается по грѣхамъ нашимъ и въ наше время. Такъ какъ для обоихъ родовъ изображенія содержаніе одно и тоже, и предметы, ими представляемые, во всемъ подобны, то кто изъ людей съ здравымъ умомъ въ отношеніи къ вещамъ, между которыми нѣтъ различія, одну удостоить поклоненія, а другую предать сожженію? Ибо если достойна почтенія одна, то необходимо и другая; если же недостойна почтенія эта, то недостойна его и та. Такъ какъ словесное и живописное повѣствованія ни въ чемъ не отличаются другъ отъ друга, то отмечающій одно изъ нихъ долженъ отвергнуть и все содержаніе Евангелія. О безуміе и глупость! Предъ нами память о Хри-

ствѣ и имя Его. Кто же попираетъ ихъ? Можно-ли ихъ назвать христіанами? Конечно, нѣтъ. На это дерзають Іудеи, Еллины и варвары, ибо они враги и чужды нашей святой религіи; къ нимъ безъ сомнѣнія должны быть причислены и наши противники, какъ Христо-борцы. Пусть соблазняются, какъ Іудеи, и юродствуютъ, какъ Еллины, ибо Христосъ проповѣдуемый Распятымъ, что есть тоже что и изображаемымъ, для Іудеевъ соблазнъ, а для Еллиновъ безуміе (1 Кор. 1, 23). Какъ слово о крестѣ и о томъ, что напоминаетъ Распятаго, для погибшихъ есть безуміе, а для насъ спасенныхъ Божія сила, такъ и живописныя изображенія одинаково представляютъ намъ крестъ и страданія и, если говорить правду,—даже больше—представляютъ знаменія и чудеса, которыя Онъ совершилъ. Предметъ почитанія въ обоихъ одно и тоже уничиженіе Христово.

7.—Но эти худые дѣлатели худа безстыдно винятъ насъ за то, что мы опираемся на простую вѣру и неписаное преданіе католической церкви. На это нужно отвѣтить имъ, что преданіе неписаное тверже всего, что оно есть основаніе и опора въ обиходѣ **жизни**; послѣ долгаго примѣненія оно дѣлается установившимся обычаемъ, а обычай, скрѣпленный долгимъ временемъ, пріобрѣтаетъ силу природы. А что можетъ быть сильнѣе природы? Если только нужно распространяться объ этомъ, мы видимъ, что само Евангеліе сначала было предано безъ письмени. Господь и Богъ нашъ, выступая на спасительную проповѣдь, не въ письмени изложилъ божественныя и дивныя законоположенія, не въ хартіи черниломъ написалъ свое возвышенное и спасительное ученіе, не на каменныхъ скрижаляхъ напечатлѣлъ его, какъ древле былъ начертанъ Моисеевъ законъ, а вложилъ его въ души

начертаннымъ и запечатлѣннымъ духовно, а не письменно. *Дая, говоритъ, законы моя въ мысли ихъ, и на сердцахъ ихъ напишу я* (Іер. 31, 33). То, что мы знаемъ о совершенномъ Самою Истиною—Христомъ, только по прошествіи нѣкотораго времени было начертано въ письмени. Неложный свидѣтель въ томъ есть божественный Лука (если только онъ признаютъ его), полагающій въ основаніе своего Евангелія преданіе, какъ онъ о томъ самъ говоритъ: *понеже убо мнози начаха чинити повѣсть о извѣствованныхъ съ насъ вещехъ, якоже предаша намъ, иже исперва самовидцы и слуги бывшии словесе* (Лук. 1, 1). Такъ говоритъ Евангелистъ. Можно также видѣть и въ священныхъ торжествахъ, въ божественной литургіи или въ другихъ службахъ, что не мало у насъ преданнаго безъ письмени, особенно много священныхъ пѣснопѣній. Въ противномъ случаѣ, откуда у насъ почитаніе самага животворящаго древа? Почему спасительная Пасха согласно празднуется всѣми христіанами въ одинъ и тотъ же день, хотя во времена болѣе древнія не было такъ? Какое писаніе передало единогласно исповѣдывать каждый день святой символъ, если бы онъ сначала не существовалъ внѣ письмени? А что сказать объ очищеніяхъ, постахъ, о предпразднествахъ и попразднествахъ и о показанныхъ для нихъ торжествахъ, о совершеніи святыхъ таинъ, о причащеніи ихъ, о спасительномъ крещеніи и о многомъ другомъ, чего требуетъ порядокъ священнаго благолѣпія? Мы не будемъ говорить о молитвахъ и ходахъ въ извѣстныхъ мѣстахъ или о другихъ священнодѣйствіяхъ. Все это дошедшее до насъ мы приняли изъ неписаннаго, хорошо извѣстнаго, намъ преданія и все это мы чтимъ и уважаемъ, съ радостію пріеinemъ и хранимъ не менѣе, чѣмъ писанныя законоположенія, ибо

непоколебимость и того и другого проистекаетъ изъ апостольскаго ученія.

8.—Мы видимъ, что даже писанные законы теряютъ значеніе вслѣдствіе того, что получаютъ силу отличные отъ нихъ преданія и обычаи. Обычай все утверждаетъ, ибо дѣло сильнѣе слова. Что такое законъ, какъ не писанный обычай? Ровно какъ и обычай опять есть неписанный законъ. Это легко наблюдать и на примѣрахъ не изъ областей священныхъ предметовъ. Грамматики, если случится, что слово въ сочиненіи отклоняется отъ господствующаго правила и пишется иначе, согласно установившемуся обычаю, ссылаются на преданіе, считая его правиломъ правилъ. И что имъ говорить предъ лицомъ сказавшаго: *азъ пріяхъ отъ Господа, яже и предахъ вамъ* (1 Кор. 11, 23)? Какимъ же образомъ они могутъ не презирать писавшаго къ наставляемымъ въ евангеліи Коринѣянамъ: *хвалю вы, братіе, яко вся моя помните, и якоже предахъ вамъ, преданія держите* (1 Кор. 12, 2). Также къ Фессалоникійцамъ: *тѣмъ же убо, братіе, стойте и держите преданія, имже научистесь или словомъ или посланіемъ нашимъ* (2 Фессал. 2, 14). Пусть раскроетъ это яснѣе первосвященникъ царствующаго града и яркій свѣточъ вселенной великій Іоаннъ, говоря: „апостолы не все предали въ посланіяхъ, но и внѣ письмени. Но и то и это одинаково достовѣрно, вслѣдствіе чего, говорить, считаемъ достойнымъ вѣры и преданіе церковное. Преданіе существуетъ. Не спрашивай больше ¹⁾. Подобное этому писалъ и божественный Василій святому Амфилохію: „изъ догматовъ и проповѣдей, соблюденныхъ въ церкви, инныя имѣемъ въ уче-

¹⁾ Это мѣсто Никифоръ приводитъ въ собраніи отеческихъ изреченій, помѣщенныхъ въ приложеніи къ „Защитительному Слову“. См. 1 т. его твореній въ русскомъ переводѣ.

ніи, изложенномъ въ Писаніи, а другія, дошедшія до насъ отъ апостольскаго преданія, пріяли мы въ тайнѣ. Но и тѣ и другія имѣють одинаковую силу для благочестія. И никто не оспариваетъ послѣднихъ, если хотя нѣсколько свѣдущъ онъ въ церковныхъ постановленіяхъ. Ибо еслибы мы вздумали отвергать не изложенные въ Писаніи обычаи, какъ не имѣющіе большой силы, то непримѣтнымъ для себя образомъ исказили бы самое главное въ Евангеліи, лучше же сказать, обратили бы проповѣдь въ пустое имя (къ Амфил. о св. Духѣ, гл. 27). Читатель легко оцѣнитъ это. Также божественный Епифаній, разсуждая о приношеніи за мертвыхъ, говоритъ: „Церковь непремѣнно совершаетъ это, принявъ преданіе о семъ отъ отцевъ. Кто можетъ нарушить завѣтъ матери или законъ отеческій. Соломономъ сказано: *слыши, сыне, наказаніе отца твоего, и не отрики завѣтовъ матери твоея* (Притч. 1, 8), чѣмъ указывается на то, что Отецъ, т. е. Богъ, Единородный и Святой Духъ учили въ письмени и безъ письмени, что мать наша Церковь владѣетъ законоположеніями, которыя не должны быть нарушаемы“. (О Ересьяхъ 55, 8).

9.—Таковы изреченія святыхъ учителей. Что можетъ быть яснѣ ихъ? Что можетъ сильнѣ склонять къ вѣрѣ? Не должны-ли мы повиноваться апостольскимъ и отеческимъ велѣніямъ? Не надлежитъ-ли чтить ихъ если не по чему другому, то потому, что они истекаютъ отъ духовной благодати? Не должны-ли они были умягчить каменное сердце ихъ и изгнать изъ ихъ душъ всякій поводъ для невѣрія и злобы? Но вскормленные гордостію и упорствомъ, они уничтожаютъ предѣлы справедливаго, преступаютъ законоположенія церкви и святыни въ ихъ глазахъ являются обезчещенными. Откуда, говорятъ они, и

какой законъ повелѣваетъ поклоняться иконѣ Христа? Ясно, что спрашивающіе такъ отрицаютъ христіанство, почему не слѣдовало бы отвѣчать имъ. Но ради пользы и вразумленія людей болѣе благомыслящихъ и расположенныхъ къ послушанію мы снова говоримъ:—прежде всего законъ, повелѣвающій чтить святыя Евангелія и крестъ и прочее, что почитаетъ и уважаетъ наша церковь, этотъ самый законъ требуетъ почитать и икону Христа.

10.—Что такое этотъ законъ?—Вѣра и внутреннее добровольное влеченіе вѣрующихъ къ святынямъ благочестивое и совершенно неукоризненное въ отношеніи къ нимъ попеченіе и усердіе и преданное церковью и долгимъ временемъ утвержденное господствующее обыкновеніе, какъ сказано немного раньше. А затѣмъ, намъ присущъ и естественный законъ,—помимо того, что этого требуетъ законъ, заключенный въ письмени,—повелѣвающій воздавать подобающую честь и поклоненіе тѣмъ, кто выше насъ. Это можно видѣть и при разсмотрѣніи различныхъ родовъ поклоненія. Исключительное и высшее поклоненіе подобаешь и воздается единому Богу всяческихъ и Господу всѣхъ; оно мыслится какъ служеніе въ духѣ. Изъ прочихъ видовъ поклоненія одно воздается ради могущества и достоинства, какъ напр. то, которое оказываютъ царямъ и прочимъ начальствующимъ подданные. Бываетъ еще поклоненіе тиранническое и насильственное, оказываемое врагамъ и тираннамъ людьми, принуждаемыми къ тому противъ воли боязню и страхомъ. Иной видъ представляетъ поклоненіе изъ уваженія и добровольно съ усердіемъ и вѣрою воздаваемое вѣрующими святымъ ради Бога святыхъ, какъ возносимое чрезъ нихъ Ему, т. е. ангеламъ Божиимъ и святымъ мужамъ, а также честнымъ хра-

мамъ и сосудамъ. Наконецъ есть еще видъ поклоненія, это—относительное и привѣтственное, вызываемое дружбою и расположеніемъ, выдающее нашу близость и благоволеніе къ людямъ, которыхъ мы любимъ. Какова бы рода ни было поклоненіе, вообще говоря, оно сводится къ слѣдующимъ тремъ видамъ: мы видимъ, что оно вызывается или желаніемъ, или страхомъ, или закономъ. Отсюда и предметамъ, о которыхъ у насъ идетъ рѣчь, какъ сподобившимся высшей славы и стяжавшимъ почтеніе ради того, что они намъ напоминаютъ, мы по праву съ любовію воздаемъ почитательное поклоненіе, но не служеніе,—да не будетъ сего,—какъ клеветаютъ на христіанъ непохристіански наши противники.

11.—Если нужно ссылаться на законы, то пусть законодательствуетъ Павелъ, говоря: *воздадите всѣмъ ему же страхъ, ему же честь* (Римл. 13, 7) и прочее, что онъ перечисляетъ въ этомъ мѣстѣ. Если же они не слушаются Павла, то вѣроятно не послушаютъ и Христа, повелѣвшаго чтить изображеніе Кесаря. Когда искушавшіе показали монету, Онъ не сказалъ: плюйте и попирайте ее или сдѣлайте что-либо иное безчестящее и позорящее, хотя Онъ былъ Богъ и имѣлъ власть надъ всѣмъ, но:—*воздадите Кесарево Кесарю и Божіе Богови* (Мѣ. 22, 21). Что это иное, какъ не оказаніе высшей чести? Говоря одинако о томъ и другомъ, какъ бы устанавливая законъ, Онъ повелѣлъ воздавать подобающее Богу также и Кесарю, идолопоклоннику и язычнику. О, нечестіе и безуміе христорборцевъ! Христосъ не безчестилъ изображенія Кесаря, а именующіе себя христіанами подвергаютъ безчисленнымъ поношеніямъ икону Христа, скорѣе даже самого Христа, допускаютъ все непотребное и и неумѣстное, и ни евангельское, ни апостольское

слово, ни установившіеся обычаи, ни увѣщанія не въ состояніи убѣдить ихъ вести себя благоприлично.

12. Нечестіе ихъ выступить особенно сильно еще съ слѣдующей стороны. Если кто изъ благочестивыхъ въ видѣ примѣра укажетъ на то, что какъ согласно древнему обычаю, изображенія царей почитаются подданными, каковымъ примѣромъ пользуются часто въ своихъ сочиненіяхъ и наши тайносовершители и учителя,—и это же признаетъ повсемѣстный и всенародный обычай, такъ подобаетъ чтить и икону Царя царствующихъ и Бога всяческихъ,—и почтеніе въ послѣднемъ случаѣ гораздо разумнѣе и справедливейше,—то жалкіе не выносятъ слушать объ этомъ, возмущаются и отвѣчаютъ: „это приличествуетъ нашимъ царямъ—людямъ и земнымъ властямъ, но совершенно не подобаетъ Христу“. Мы требуемъ, чтобы они сказали, почему это такъ. Если они отвращаются поклоненія, какъ сопровождающаго тираннію, то пусть цари оставятъ эту тираннію, и мы удовлетворимся, хотя мы воздаемъ честь Христу въ священныхъ изображеніяхъ добровольно, по собственному расположенію, безъ всякаго принужденія и насилія, свидѣтельствуя тѣмъ вѣру свою въ Него. Если же они отвергаютъ поклоненіе на томъ основаніи, что ничто изъ здѣшняго земного не имѣетъ цѣны въ глазахъ Христа, каковое соображеніе еще болѣе идетъ къ ихъ безумію, то что сказать намъ? Они отогнали царство Христа, какъ древле возлюбленный Израиль, разорвали узы, свергли иго, отказались отъ повиновенія, безстыдно поднялись на вѣру во Христа, отреклись отъ царства Христова и тайны домостроительства, изощривъ языкъ свой, приличествующій невоздержнымъ устами Іудеевъ, неистовствующихъ противъ Христа, съ которыми,

какъ съ единомышленниками, они изрекають почти одно и тоже: *не имамы царя токмо Кесаря* (Іоа, 19, 15). И эти возмущаются по той же причинѣ, по какой неистовствовали и тѣ, ибо также завидуя Христу (какъ и эти), когда видѣли совершеніе великихъ преестественныхъ и божественныхъ знаменій, являвшихъ Его, какъ Царя и Бога всяческихъ, что говорили они? *Всякъ, иже царя себе творитъ, противится Кесарю* (Іоа. 19, 12).

13.—На все дерзающіе и безстыдствующие можетъ быть осмѣлятся сослаться на то, что Онъ Самъ сказалъ: *царство мое несть отсюду* (Іоан. 18, 38). Для нихъ это отрадно и пріятно, ибо не выносятъ мысли о Его царствованіи на землѣ, являясь и въ этомъ единомышленными съ учителями своими, послѣдователями Манеса. Они усвояютъ земное другому началу, не разумѣя по своему невѣжеству силы словъ Его и дѣяній? Ибо что хочетъ вообще сказать то изреченіе? Не по подобію, говоритъ, земныхъ и смертныхъ царей, стяжавшихъ временную и малую славу, устроится царство Мое, ибо ихъ послѣ вкушенія ничтожной мірской славы, увядающей подобно полевымъ цвѣтамъ, постигаетъ разрушеніе и смерть; а также возмущенія народа и заговоры лишаютъ ихъ достоинства и подвергаютъ безславію и разнымъ тяжелымъ несчастіямъ. У Меня не видится ничего земного и перстнаго, что оказывается на пути ихъ: ни голосованія и избранія народнаго, ни предвзятыхъ мнѣній человѣческихъ, не различающихъ полезнаго, причемъ устремляющіеся къ удовольствіямъ и честолюбію иногда ставили у власти и людей недостойныхъ. Я не имѣю никакихъ знаковъ такого достоинства, которые тлѣнны и скоропреходящи, ни мантии пурпуроваго цвѣта, ни вѣнцовъ, украшенныхъ драгоцѣнными кам-

нями, ни скиптровъ и высокихъ троновъ, ни блестящихъ выходовъ, ни раззолоченныхъ колесницъ, ни почестей торжественныхъ и народныхъ, ни толпы щитоносцевъ и копьеносцевъ, ни шума привѣтствій спереди и сзади, ничего изъ преходящаго и человѣческаго, что окружаетъ земную власть. Царство Мое нѣсть отсюду. По виду оно малозначительно, для глаза ничтожно, у Меня мало учениковъ, да и тѣ изъ простыхъ бѣдняковъ и рыбаковъ; но оно совершеннѣе и выше всего мыслимаго. Я Сынъ Всецаря и Бога всяческихъ, истинное рожденіе и сіяніе, и раздѣляю съ Нимъ одинаковую честь и славу, ибо Я наслѣдникъ Отчей славы, и будучи сопредстольнымъ Отцу, Я обладаю царственными почестями, равными славѣ Его; изъ этого источника исходитъ Мое царство и держава; оно не отсюда; Моя держава не походитъ на то, что есть здѣсь; Я не имѣю ограниченной власти, ни извѣстнаго народа, ни такого-то города, но ангеловъ и людей и всѣхъ небесныхъ и земныхъ и преисподнихъ; Я есмь Владыка и Господь; Мнѣ поклоняются всѣ колѣна; все лежитъ у ногъ Моихъ, и ничто не избѣжитъ руки Моей; и царству Моему не будетъ ни предѣла, ни конца. И что это такъ, а не иначе, въ это вѣрятъ и это возглашаютъ всѣ вѣрующіе. Кому принадлежало бы промышленіе о земномъ и какъ управлялись бы дѣла наши и нашей жизни, если бы не *въ руку Его были концы земли* (Пс. 94, 4)? И не только какъ Богъ, но и какъ человѣкъ Онъ всѣмъ управляетъ и господствуетъ, какъ сказано: *и дамъ ти языки достояніе твое, и одержаніе твое концы земли* (Пс. 2, 8); и: *будетъ царь всея земли Богъ* (Пс. 46, 8); и: *се царь твой*, сказано Іерусалиму, *грядетъ кротокъ и праведенъ и спасаѣй* (Мѡ. 21, 5 и Зах. 9, 9); и: *воцарится Господь посредѣ тебе*

(Соф. 3, 15); и: *воцарится Господь на горѣ Сіонъ отнынь и до вѣка*. (Мих. 4, 7).

14. И что они могутъ сказать на эти слова: *царя со славою узрите* (Ис. 33, 17)? Но болѣе надменные чѣмъ Іудеи, отдѣлившіе себя отъ царства Христова, они не пожелали уразумѣть этого. Ихъ не устыдили благоразуміе и вѣра Персовъ, когда они искали родившагося Царя Христа; и дары, принесенные ими, показывали, каковъ былъ Тотъ, ради Кого они приняли такой путь и странствованіе. Они болѣе варвары и грубы, чѣмъ Персы. Персы, отринувъ отеческое суевѣріе, прибѣгли къ Царю всѣхъ и Господу, признали и объявили Его Богомъ всяческихъ, пользуясь наученіемъ и водительствою звѣзды; эти же отвергли съ незапамятныхъ временъ проповѣданную и преданную апостолами и отцами вѣру, примкнувъ къ новому ученію, направленному противъ спасительнаго домостроительства. Не убѣдилъ ихъ и Иродъ, избивая поколѣніе новорожденныхъ дѣтей, ибо кого искалъ онъ, кому завидовалъ? Не царю-ли, объявленному волхвами, думая въ числѣ избиваемыхъ захватить и искомаго? Зачѣмъ говорить о другомъ, что свидѣтельствуется въ святыхъ евангеліяхъ о Христѣ, какъ царѣ, и вслѣдствіе чего мы считаемъ Его царемъ? Эти же, презрѣвъ все, отреклись и отказались отъ царя Христа. Можно ли называть ихъ христіанами? Всякій, кто слышитъ это, пусть разсудитъ. Бѣсы, слыша имя Христа, убѣгаютъ; а эти и на иконѣ начертаннаго не только не боятся,—о, дерзость и беззаконіе,—подобно сквернымъ бѣсамъ,—но и совершаютъ гнусности. Древніе истинные христіане, выше всего поставляя религію, удостоивали великаго почтенія самыя тѣни апостоловъ, такъ что осѣненіе ими (Дѣян. 5, 15) считали весьма благодѣтельнымъ и спасительнымъ.

А эти, нося высокое званіе, безславно низвергаютъ изображеніе Господа и учителя апостоловъ. На сколько отстоитъ изображеніе отъ тѣни, учитель отъ ученика, господинъ отъ рабовъ, настолько же выдѣляется по сравненію съ другими грѣхами ихъ беззаконіе. Чтобы скрыть свое коварство, не заявлять о своемъ нечестіи, они не рѣшаются говорить съ вѣрующими о томъ, какъ относится къ Нему почитаніе чтимаго, ибо не выносятъ слышать о чести, воздаваемой Христу. Итакъ, справедливо думать, что они напрасно усвоили имя христіанъ, совершенно отвергая значеніе и осуществленіе этого имени на дѣлѣ.

15.—Если кто-либо изъ Іудеевъ или язычниковъ или другой какой вѣры увидѣлъ бы дѣйствительно человѣка, поклоняющагося иконѣ Христа или святыхъ, Кресту или Евангелію или какой-либо другой нашей святынѣ, то не сказалъ ли бы онъ, что поклоняющійся принадлежитъ къ нашей вѣрѣ и не назвался бы его христіаниномъ? Кто настолько глупъ и неразуменъ, чтобы не признать этого? Если же онъ увидѣлъ бы кого-либо изъ именующихъ себя христіанами низвергающимъ изображеніе Христа или что-либо изъ упомянутаго, то какое имя онъ далъ бы ему? Сообразно съ истиной онъ сказалъ бы, что какъ первый принадлежитъ къ вѣрѣ нашей, такъ второй отвергаетъ вѣру нашу. Мы знаемъ и слышимъ, что эти изображенія евангельской исторіи до сихъ поръ для многихъ положили начало спасенія. Узнавъ по нимъ о божественномъ домостроительствѣ и принявъ просвѣщеніе Евангелія, они были приведены ко пречистой вѣрѣ нашей; а другіе, благодаря имъ, отъ постыдной жизни обратились къ жизни воздержной и благой.

15.—Такъ случилось, какъ извѣстно, со святой же-

ной по имени Маріей,—приведемъ одинъ подходящий примѣръ изъ множества другихъ. Сначала уловленная сѣтми лукаваго, она стала обиталищемъ всѣхъ страстей. Но увидѣвъ священныя изображенія и отсюда просвѣщенная божественною благодатію, она оказалась выше не только страстей, но и самой природы. Повѣствованіе объ ангельскомъ житіи ея показываетъ, что она вела вышечеловѣческой образъ жизни.

17. Это можно видѣть и на чуждыхъ нашей вѣрѣ, какъ показываетъ исторія Полемона, которую вспоминаетъ въ своихъ стихотвореніяхъ Григорій Великій. Обратившись отъ невоздержанія къ цѣломудрію, онъ оказался настолько господиномъ своихъ страстей, что о немъ повѣствуются чудеса. Изъ нихъ одно, по разсказу, совершилось съ гетерою. Что же говоритъ намъ противникъ? Не икона, говоритъ, но Полемонъ, взирающій съ картины, измѣнилъ невоздержную. „А это была чтимая икона“, замѣчаетъ св. отецъ. Вонми небо, услышь земля, и вы люди, благочестиво чтущіе и славящіе Бога и все божественное, изумитесь и подивитесь силѣ и чудовищности безстыдства и безбожія беззаконныхъ. Образъ Полемона по сужденію нашихъ богослововъ чтимъ, а что же съ образомъ Христа? Онъ исполненъ всякаго безчестія и поношенія! Что можетъ быть нечестивѣе и преступнѣе этого? Но, говорятъ, это былъ образъ язычника и среди язычниковъ. Но развѣ не было бы верхомъ несообразности, еслибы образъ Христа не былъ чтимъ христіанами, если только они христіане? Затѣмъ, когда правосмыслящіе приводятъ въ защищеніе слово истины, жалкіе безстыдно извращаютъ по своему изреченія боговдохновеннаго Писанія и наставниковъ церкви, надѣясь подкрѣпить свое зломысліе ничтожными и

ложными изысканіями. Одни изъ этихъ изреченій они искажаютъ, а другія вычеркиваютъ и уничтожаютъ, какъ поступаютъ зачеркивающіе неподлинныя мѣста въ сочиненіяхъ, или какъ рабочіе на постройкахъ, отсѣкающіе отъ камней и деревьевъ ненужныя части.

18.—Каковы положенія, наши защищаемыя? Чрезъ икону мы познаемъ первообразъ; кромѣ того честь, воздаваемая иконѣ, восходитъ къ первообразу, какъ представляется это Василию Великому и самой истинѣ и какъ признаютъ всѣ люди съ здоровою мыслию. И никто изъ людей благоразумныхъ не дерзалъ нагло и невѣжественно возставать противъ столь очевидной истины, пока это безбожіе и скверное ученіе, какъ зараза, не проникло въ человѣческія души въ церкви Божіей. Свидѣтельство же отца въ его посланіи къ Амфилохію Иконійскому имѣетъ слѣдующій видъ: „поклоняясь Богу отъ Бога, и различіе Ипостасей исповѣдуемъ, и остаемся при единоначаліи, не разсѣкая богословія на раздробленное множество, потому что въ Богѣ Отцѣ и въ Богѣ Единородномъ созерцаемъ одинъ какъ бы образъ, отпечатавшійся въ неизмѣнности Божества. Ибо Сынъ въ Отцѣ, и Отецъ въ Сынѣ; потому что и Сынъ таковъ же, каковъ Отецъ, и Отецъ таковъ же, каковъ Сынъ; и въ этомъ Они—едино. Посему по отличительному свойству Лица—едино и единъ, а по общности естества Оба—едино. А почему, хотя единъ и единъ, не два Бога? Потому что царемъ именуется и образъ царевъ, и не два царя; ибо ни держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется. Какъ едино державствующее надъ нами начало и одна власть, такъ и наше славословіе одно, а не многія, потому что чествованіе образа переходитъ къ первообразу. Но что здѣсь подражательно есть образъ, это тамъ естественно есть Сынъ. И какъ

въ искусственныхъ произведеніяхъ подобіе—въ образѣ, такъ въ Божіемъ несложномъ ествѣ единеніе въ общеніи божества“. Таковы слова отца; они всѣмъ такъ извѣстны, что, думаю, ихъ знаютъ поселяне и ремесленники. Чтоже противъ нихъ говорятъ иконоборцы? Они утверждаютъ, что св. отецъ высказалъ это о Троицѣ и что въ изслѣдуемомъ вопросѣ изреченіе не можетъ оказать намъ пользы, ибо въ Писаніи Сынъ называется образомъ Бога Отца. Но на это слѣдуетъ отвѣтить, что если слова отца не имѣютъ отношенія къ воплощенію Бога Слова, то почему они отвергаются? Вы хорошо знаете, что дѣло идетъ не только о видимомъ и матеріи, ибо честь восходитъ не чрезъ матерію и видимое. Въ противномъ случаѣ вся матерія должна была бы одними чтиться, а со стороны другихъ подвергаться оскорбленію, и такимъ образомъ вы безчестили бы всякій образъ. Ясно, что здѣсь вы принимаете предметъ спора въ такомъ же смыслѣ, какъ и мы. Еслибы вы не знали, что икона представляетъ Христа, и еслибы воздаваемую ей честь относили не къ Нему, тогда вы не подвергали бы ее столькимъ поношеніямъ, ибо тяжело вамъ видѣть Его на иконѣ.

19.—Чтоже изъ всего этого слѣдуетъ? Такъ какъ тѣ, кто чтитъ икону, признаютъ, что они воздаютъ честь первообразу, то необходимо, чтобы и отвергающіе иконы послѣдовательно и неизбежно говорили, что они безчестятъ первообразъ. Но они говорятъ объэтомъ не для утвержденія богословія (ибо какъ возможно это для людей, чуждыхъ тайнъ богословія), но для того, чтобы уничтожить самое имя иконы, чтобы даже память о ней совсѣмъ исчезла въ жизни, и это особенно въ отношеніи къ иконамъ, представляющимъ человѣческій видъ, почему они иконы свя-

тыхъ называютъ лжеименными. Сказанное богоноснымъ отцомъ ради примѣра они злокозненно и неразумно умышляютъ сокрыть (но отъ кого они хотятъ утаить или кого обмануть), какъ противорѣчащее ихъ безбожному ученію. Что въ приведенныхъ словахъ отецъ говоритъ о Богѣ, съ этимъ согласимся и мы, но, исходя изъ тогоже толкованія, мы должны сказать имъ слѣдующее: Сынъ хотя блистаетъ и прославляется многими другими проявленіями божества, однако тѣмъ, что Онъ есть образъ Бога Отца, Онъ гораздо болѣе, чѣмъ другими свойствами, приближается къ Отцу, соединяется съ Нимъ по существу и вслѣдствіе этого пріемлетъ отъ всѣхъ равночестную, тожественную и одинаковую со Отцемъ славу и поклоненіе. Честь, воздаваемая Сыну, какъ образу, воздается Отцу, какъ первообразу. Такъ и Самъ Онъ нѣкогда говорилъ Отцу: *Азъ прославихъ тя на земли* (Іоан. 17, 4). И: *нынѣ прославися Сынъ человѣческій и Богъ прославися въ немъ* (Іо. 13, 31). И: *Отче, прослави Сына твоего, да и Сынъ твой прославитъ тя* (Іоан. 17, 7). А что первообразъ познается по образу, объ этомъ Самъ Спаситель говорилъ ученикамъ: *аще мя бысте знали, и Отца моего знали бысте убо: и отсель познаете Его* (Іо. 14, 7); и: *видѣвый мене видѣ Отца* (Іо. 14, 9); и: *азъ во Отцѣ и Отецъ во мнѣ есть* (Іо. 14, 10).

20.—Если это такъ, то почему и священное изображеніе, какъ образъ вочеловѣчившагося Сына, представляющее и напоминающее намъ Его, если принять во вниманіе естественное сходство и въ тоже время отличительное свойство Слова (ибо изображеніе нетожественно съ Сыномъ, а представляетъ только подобіе внѣшняго вида) не можетъ быть чтимо и покланяемо? Онъ есть единственный въ своемъ родѣ и честнѣйшій изъ священныхъ символовъ во славу и

явленіе домостроительства Его, дабы и чрезъ него слава восходила къ первообразу. Въ противномъ случаѣ ради названія образа борющимся съ названіемъ пришлось бы отчуждать Сына отъ Отчей сущности и слава и лишать Его поклоненія и служенія, разъ они не допускаютъ никакого отношенія между образомъ и первообразомъ. Итакъ, рѣчь отца подтверждаетъ наше положеніе, а не опровергаетъ его.

21.—Но безумцы не уразумѣли или намѣренно не говорятъ, что названіе образа прилагается не только къ видимому, но есть омонимъ и имѣетъ многія значенія, о каковомъ различіи тотъ же отецъ подробно разсуждаетъ въ другомъ мѣстѣ. Взятый въ первомъ значеніи образъ бываетъ естественнымъ и искусственнымъ, а въ другомъ или по подраздѣленію, искусственный образъ, говоритъ отецъ, есть изображеніе формы и внѣшности, или вида и красокъ. Итакъ, пусть скажутъ намъ, что заставляетъ насъ принимать одно изъ этихъ значеній—именно то, которое относится къ естественнымъ образамъ, и допускать, что близость и отношеніе (между образомъ и первообразомъ) сохраняются совершенно, а другое значеніе, которое имѣетъ въ виду искусственный образъ, отвергать? Почему? Не сохраняетъ ли и искусственный образъ неизмѣнно отношеніе и связь съ первообразомъ свойственнымъ ему образомъ? Слово „образъ“ въ смыслѣ просто образа всѣ не лишены смысла употребляютъ въ обоихъ случаяхъ одинаково и равночестно, хотя предметы обозначаемые и различны. Слово образъ означаетъ какъ въ приложеніи къ образамъ естественнымъ, очевидно подобіе и отсутствіе различія, такъ и въ приложеніи къ образамъ искусственнымъ—сходство по виду и формѣ, хотя по естеству въ нихъ наблюдается различіе; отсюда образъ и

первообразъ соединяются въ одномъ и томъ же названіи омонимически. Но такъ какъ это названіе берется собственно въ примѣненіи къ воплощенію Слова, то безумцы стараются замолчать и извратить его. Когда рѣчь отца явно не противорѣчитъ имъ, они въ виду того, что она благопріятствуетъ имъ и имѣетъ авторитетъ, стараются слѣдовать учителю; а когда онъ становится имъ на пути, они всегда его избѣгаютъ.

Но пора намъ приступить къ обсужденію рѣчи святаго отца. Учителю разсуждающему о Богѣ и знающему, что Сынъ имѣетъ одно и тоже естество съ Отцемъ и ту же сущность, и утверждающему, что Онъ отличается отъ Отца только по ипостаси или по лицу—въ виду многихъ тогдашнихъ богоборныхъ еретиковъ, возстававшихъ противъ славы Единороднаго, нужно было представить это и показать на примѣрѣ. Судя по тому, что кругомъ насъ, мы заключаемъ о томъ, что выше насъ, какъ это можно видѣть въ боговдохновенномъ писаніи и не менѣе у учителей церкви. Сказавъ „почему хотя одинъ и одинъ Богъ Отецъ и Богъ Сынъ, не два Бога“, отецъ, ведя рѣчь какъ бы въ діалогической формѣ, говоритъ: „царемъ именуется и образъ царевъ, и не два царя, ибо ни держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется“. Затѣмъ въ виду возможнаго недоумѣнія, откуда явствуется, что это такъ, какъ бы въ подтвержденіе частнаго случая, онъ, пользуясь общими положеніями, всѣми признаваемыми, прибавляетъ: „чествованіе образа переходитъ къ первообразу“. Это приложимо ко всякому образу, и у всѣхъ людей здравыхъ понятіе объ этомъ образуется не только путемъ наученія, но и естественно. Окончивъ поясненіе примѣромъ, онъ приводитъ рѣчь къ тому, съ

чего началъ и говорить: „что здѣсь есть подражательно образъ (гдѣ это здѣсь, если не на иконѣ, которая представляетъ искусственное подражаніе), сіе тамъ естественно есть Сынъ“. Затѣмъ, зная различіе и связь искусственныхъ образовъ съ первообразами, отецъ, пользуясь примѣромъ, имѣющимъ отношеніе къ естественному образу, прибавляетъ: „какъ въ искусственныхъ произведеніяхъ подобіе въ образѣ, такъ въ несложномъ естествѣ единеніе въ общеніи божества“. Слѣдуетъ отмѣтить, что сказавъ „не въ этомъ или въ томъ“, а „въ искусственныхъ произведеніяхъ“ существуетъ подобіе первообраза, ведетъ рѣчь во множественномъ числѣ о всѣхъ просто и одинаково. Посему если безстыдствующие не откажутся отъ своего нелѣпаго состязанія, то они вынуждены будутъ безбожно и безумно измыслить не одного, а многихъ сыновей.

22.—Изреченіе „чествованіе образа восходитъ къ первообразу“ ближе относящееся къ примѣру о царскомъ образѣ, прежде всего прилагается къ искусственнымъ образамъ, отсюда переносится на образъ естественный и, какъ это обычно для примѣровъ, переходимъ въ разсужденіе о Богѣ. Оно не менѣе, чѣмъ и въ омонимѣ, показываютъ, что искусственный образъ имѣетъ связь и отношеніе къ первообразу. Какъ о царѣ и его образѣ составляется заключеніе, что не два, а одинъ царь (ибо въ обоихъ является одно), и такимъ образомъ, что особенно удивительно и примѣчательно,—ни держава не разсѣкается, ни слава не раздѣляется, что доказываетъ въ естественномъ образѣ единство сущности. Зачѣмъ же безчестить и отвергать иконы, если онѣ служатъ для раскрытія и разъясненія такого предмета, какъ ученіе о Богѣ? Тотъ же учитель въ сочиненіи противъ Савеллія развиваетъ свою мысль касательнаго сказаннаго яснѣе. „Кто

на торжищѣ смотритъ на царскій образъ и говоритъ, что изображаемое на картинѣ есть царь, тотъ не двухъ царей признаетъ, тоестъ образъ и того, чей образъ; и если указавъ на писаннаго на картинѣ скажетъ: „это царь“, не лишитъ первообразъ царскаго именования; вѣрнѣе же сказать, чрезъ признаніе образа подтверждаетъ честь, воздаваемую царю. Ибо если образъ—царь, то тѣмъ болѣе слѣдуетъ быть царемъ тому, кто послужилъ причиной образа. Но здѣсь дерево и воскъ и искусство живописца производятъ образъ тлѣнный—подражаніе тлѣнному, и искусственный—подражаніе сотворенному. А тамъ, когда слышишь слово *образъ*, разумѣй *сіяніе славы*. Что же за сіяніе? И что за слава? Апостолъ самъ тотчасъ истолковалъ сіе, присовокупивъ: *и образъ ипостаси* (Евр. 1, 3). Разъ установленъ такой взглядъ на образы, по которому они имѣютъ подобіе во всемъ съ первообразами въ извѣстной мѣрѣ и извѣстнымъ способомъ, что неумѣстнаго будетъ, измѣняя порядокъ, сказать, что какъ поношеніе противъ Сына со стороны нечестивыхъ переходитъ на Отца, какъ первообразъ, такъ безчестіе наносимое искусственному образу Христа явно переходитъ на Христа, какъ первообразъ? Что можетъ быть яснѣе и очевиднѣе этихъ словъ для защищенія и укрѣпленія истины, праваго ученія и церковнаго священнаго преданія? Кто даже изъ неразумныхъ и тупыхъ не пойметъ, что богоносный отецъ искусственный образъ, о которомъ главнымъ образомъ и шла рѣчь, какъ сейчасъ сказано, приводитъ въ качествѣ подходящаго, понятнаго и удобнаго примѣра для раскрытія и разъясненія естественнаго образа въ божествѣ? Тотъ, кто полагаетъ, что это не такъ, какъ сейчасъ приведено и истолковано, далекъ отъ мысли и намѣренія святаго

отца и въ полномъ непониманіи заблуждается касательно истиннаго смысла его словъ.

23. Но христорборцы, утаивая это и желая обмануть простецовъ, предполагають, что имъ удалось скрыть свою злобу и борьбу съ истиной. До того омрачились души ихъ, что даже ясно сказанное и многимъ извѣстное они хранятъ въ тайнѣ, откуда еще болѣе становится явнымъ ихъ злоумышленіе. Затѣмъ призовемъ равнаго этому святому отцу и по жизни и по взглядамъ Великаго Григорія, который въ своемъ богословіи утверждаетъ тоже о томъ же. „А образъ, говоритъ онъ, есть какъ бы единосущіе. И Сынъ отъ Отца, но не Отецъ отъ Него, ибо самая природа образа состоитъ въ томъ, чтобы быть подобіемъ первообраза, въ отношеніи къ которому онъ есть образъ. Но здѣсь болѣе, ибо тамъ неподвижный образъ подвижнаго человѣка, а здѣсь живой образъ живого, и болѣе подобенъ, чѣмъ Сиеъ Адаму или рождаемому рождящему. Ибо такова природа простого, что она не есть отчасти похожее, а отчасти непохожее, но всецѣлое отображеніе всего и скорѣе тождественно, чѣмъ подобно.“ Таковы слова отца. Что его мысль таже, это мы видимъ изъ слѣдующаго: сказавъ, что природа образа состоитъ въ томъ, чтобы быть подражаніемъ первообраза, онъ показываетъ, что ведетъ рѣчь о всякомъ образѣ вообще, чтобы такимъ образомъ найти искомое; ибо болѣе частное доказывается болѣе общимъ, и это есть самый главный и самый лучшій способъ доказательства. Слѣдующія его слова показываютъ, что онъ имѣетъ въ виду чувственный и искусственный образъ. Прибавивъ „но здѣсь болѣе“, онъ отмѣтилъ возвышенность предмета своей рѣчи, касающагося божества, посредствомъ сопоставленія отличивъ одно отъ другого. Присоединивъ

„тамъ неподвижный образъ подвижнаго человѣка, а здѣсь живой образъ живого,“ онъ тѣмъ выясняетъ, какое различіе между ними, и какъ бы говоритъ: особенность искусственнаго образа состоитъ въ томъ, что онъ есть неподвижный образъ подвижнаго, а свойство естественнаго образа то, что онъ есть живой образъ живого. Послѣ этого онъ дѣлаетъ сравненіе и самыхъ естественныхъ образовъ съ несравнимыми, прибавляя упоминаніе объ Адамѣ и Сиѣ и то, что говорится у него о природѣ простаго существа. Здѣсь нужно обратить вниманіе на то, что богоносный отецъ устраняя изъ своего богословія все ему чуждое, ибо это богословіе далеко отъ всего такого, однако не отвергаетъ это рукотворное (чувственный образъ), а напротивъ какъ бы съ благоговѣніемъ принимаетъ его (для сравненія).

24. Богоносный Кириллъ, предстоятель великой Александріи и великій учитель, также присоединяется къ предшественникамъ и говоритъ съ ними, утверждая касательно нашего предмета слѣдующее: „какъ еслибы кто увидѣлъ хорошо написанную картину, подивился бы виду царя и его украшеніямъ и, при возможности наблюдать все это на картинѣ, пожелалъ бы видѣть самого царя, а картина ему сказала бы: видѣвшій меня видѣлъ царя,—и затѣмъ: я въ царѣ и царь во мнѣ по внѣшнему виду, картина совершенно представляетъ видъ царя, а царь удерживаетъ видъ картины. Такъ и Сынъ, когда говоритъ: *видѣвый мене видѣть Отца* и: *Азъ и Отецъ едино есма*. Слѣдуютъ ли иконоборцы этимъ словамъ или и да и нѣтъ, какъ подскажетъ имъ злой умыселъ дѣйствующаго въ нихъ бѣса? Если они желаютъ увѣрить насъ, что согласно словамъ учителя они считаютъ Сына единосущнымъ Родившему, какъ образъ

Отца, и исповѣдуютъ и чтутъ Его царемъ, воспринявшимъ нашъ обликъ, то согласно предложенному примѣру пусть поклоняются съ нами покланяемой иконѣ Его, которая какъ бы говоритъ: видѣвшій меня видѣлъ Царя всѣхъ Господа Іисуса Христа и Бога. Если же они этого не дѣлаютъ, то не считаютъ Сына единосущнымъ Отцу, лишаютъ Его царства и явно выказываютъ себя чуждыми этого царства и нашей вѣры.

25. Съ этими богомудрыми отцами пусть говорить глубокой богословъ и божественный учитель Діонисій. „Какъ приготовляя картину, живописецъ постоянно смотритъ на первообразъ, не отвлекаясь ничѣмъ видимымъ и не разсѣваясь, удваляетъ такъ сказать того, кого изображаетъ, и представляетъ истину въ подобіи, первообразъ въ образѣ, одного въ другомъ, кромѣ различія по существу: такъ добродобивымъ живописцамъ въ умѣ постоянное и неуклонное созерцаніе чудной и тайной красоты даруетъ вѣрное и богоподобное изображеніе.“ Признаютъ-ли это сыны противленія и чтутъ-ли этихъ богослововъ? Допускаютъ-ли они, что существуютъ и чувственные иконы-образы? Исповѣдуютъ ли они описуемымъ умножаемаго (путемъ живописи)? Поклоняются-ли они одному видимому въ другомъ, разумѣя изображаемаго и изображеніе, какъ мы славимъ Христа и честную икону Христа? Или же одно уничижаютъ въ другомъ, безчестятъ Христа въ иконѣ Его, а вмѣстѣ безчестятъ и священнаго учителя и тѣмъ убѣждаютъ насъ, что они нисколько не причастны сокровенной красотѣ, гнусны, скверны и чужды божественнаго образа?

26. Такъ дѣло представляется и Клименту Александрійскому, который въ сочиненіи „О законной

пасхѣ“ говоритъ: „какъ если бы чей образъ въ отсутствіе первообраза принималъ одинаковыя съ нимъ почести, и предъ лицомъ истины образъ освѣщается ею, ибо онъ пребываетъ ея подобіемъ и обозначаетъ истину.“ Таковы слова богоносныхъ отцовъ. Слѣдуетъ отмѣтить, что они говорятъ не ограничительно и не особо о такомъ-то образѣ или такой-то формѣ, но усвояютъ каждому образу просто (безотносительно) одно и тоже значеніе и силу и согласно утверждаютъ, что онъ имѣетъ отношеніе и сродство съ первообразомъ. Яснѣе это показываютъ слова Діонисія, хотя нѣкоторые отцы вслѣдствіе господствовавшего тогда обычая выставлѣть и воздавать поклоненіе изображеніямъ царей пользовались примѣромъ царя, какъ болѣе другихъ приличествующимъ царю царствующихъ и Господу всяческихъ, такъ какъ изъ всѣхъ достоинствъ на землѣ царское всѣхъ выше и превосходитѣ. Такъ (дѣло представляется) и по ходу рѣчи, ибо земное, поскольку это возможно, открываетъ премірное, а болѣе низкое—болѣе возвышенное. А что совершаемое надъ образомъ восходитъ къ первообразу, это легко видѣть изъ священнаго Писанія.

27. Такъ нѣчто подобное желаетъ сказать исторія блаженнаго Самуила. Будучи обѣщанъ Богу прежде рожденія боголюбивою матерію, онъ былъ посвященъ уже въ пеленахъ. Такимъ образомъ, сподобившись служить Богу, онъ былъ и образомъ божіимъ, какъ священникъ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ то, что поется въ псалмахъ: *ты еси іерей по чину Мелхиседекову* (Пс. 109, 4). Тому же научаетъ насъ гласъ премудраго Павла: *уподобленъ Сыну Божію, пребываетъ священникъ выну* (Евр. 7, 3). Итакъ, священствуя, Самуилъ изображаетъ Бога. Когда Израильтяне увидѣли его старѣющимъ и возбудили важныя обвиненія

противъ его дѣтей, то пришли къ нему старѣйшины ихъ и потребовали поставить надъ ними царя, какъ это они видѣли у другихъ народовъ. Чтоже говорить (по этому поводу) Писаніе? Лукавымъ это требованіе справедливо показалось и самому пророку. А каковъ былъ отвѣтъ божественный? *Послушай, говорить Богъ всяческихъ, гласа людей, якоже глаголютъ къ тебѣ: яко не тебе уничижила, но мене уничижила* (1 Цар. 8, 7). Отсюда становится совершенно яснымъ, что поношеніе пророка, какъ человѣка, посвященнаго Богу и представлявшаго божество, какъ бы отъ образа перешло на Бога, какъ на первообразъ. Это мы знаемъ и по достовѣрнымъ описаніямъ Евангелій. Мы слышимъ въ Евангеліяхъ Спасителя Бога вѣщающаго божественнымъ ученикамъ: *иже васъ приѣмлетъ, Мене приѣмлетъ* (Мат. 10, 40). Соотвѣтственно этому, преступленія противъ церкви Христовой, учиняемыя надъ священными изображеніями и надъ предметами Богу принесенными и посвященными, переходятъ на самого Христа. И что же? Развѣ не гнѣвается и не негодуетъ на это Богъ? Конечно гнѣвается и весьма сильно, но отсрочиваетъ свой гнѣвъ какъ на древнихъ такъ и на теперешнихъ хулителей, хотя они презираютъ Его неизреченное долготерпѣніе и благость. Какъ не поймутъ безумцы, что приведенныя слова сказаны въ ихъ обличеніе? Надлежало, чтобы этимъ они были приведены къ постиженію истины.

28. Итакъ, что же нужно сказать? Если бы они не знали, что дѣло такъ обстоитъ у христіанъ теперь, то почему издревле изготовлявшіяся язычниками и предлагавшіяся для почитанія и поклоненія изображенія они считали скверными и гнусными? Съ божественною ревностію и всякимъ тщаніемъ христіане благочестиво ниспровергали и разрушали ихъ, пре-

давали ихъ огню и другими путями старались ихъ уничтожить. Почему они такъ дѣйствовали? Не по ненависти-ли и отвращенію къ богамъ, въ честь которыхъ были воздвигнуты изображенія? Съ другой стороны и язычники, когда хотѣли изготавить изображенія какихъ-либо лицъ, неразумно посвящали ихъ богоненавистнымъ, гнуснымъ, стяжавшимъ постыдную славу, или же совершившимъ въ жизни что либо похвальное и мужественное. Существовали также у язычниковъ изображенія чтимыхъ ими бѣсовъ, которыя можно назвать идолами, чудовищными созданіями, исполненными лжи. Разъ это такъ, то почему непозволительно воздавать почтеніе самимъ святынямъ по вѣрѣ въ первообразы и благоговѣнію къ нимъ, если только мы признаемъ ихъ достойными почтенія? Что честнѣе и достопокланяемѣе тѣла Господня, которое въ качествѣ причастія освящаетъ пріемлющихъ его съ вѣрою, а будучи изображено исполняетъ благодати? Все это покланяемо и чтимо среди христіанъ вмѣстѣ съ другими святынями. Но нечестивцы на эти непрекаемые положенія возражаютъ; „язычники мыслили по язычески; это ихъ изобрѣтеніе; христіанамъ же дѣлать это непозволительно.“ Они не понимаютъ, что это говоритъ скорѣе противъ нихъ и напротивъ весьма свидѣтельствуется въ нашу пользу. Ибо почему христіанамъ не почитать христіанскихъ святынь? У язычниковъ все было исполнено лжи и обмана; наше же мы считаемъ и признаемъ истиннымъ и дѣйствительно совершеннымъ. Насколько истина выше лжи, настолько почитаніе нашихъ святынь должно быть ревностнѣе и теплѣе. Рѣчь о чувственныхъ образахъ имѣетъ такую достовѣрность или самодостовѣрность, что боговдохновенные отцы пользуются ею для изображенія и нагляднаго уясненія другихъ

вещей и между прочимъ—божественной, преестественной и высочайшей всего премірной природы. Итакъ, не въ приложеніи только къ Богу честь, воздаваемая иконѣ, восходитъ къ первообразу, но, какъ видно, и въ приложеніи ко всему, что изображается. А если это такъ, то достойно и должно, чтобы христіане воздавали честь иконамъ Христа и святыхъ, какъ досточтимымъ.

29. Если свойство подлежать изображенію приложимо къ вещамъ простымъ и несложнымъ, и если сущность и достоинство образа таковы, что онъ проявляется и въ божественной неизреченной природѣ и можетъ представлять и уяснять сыновнее и естественное отношеніе Сына, чрезъ которое Онъ, изображая Отца и по существу, пребываетъ для Него своимъ близкимъ, — то почему оно неприменимо къ сложному, т.-е. къ сложной ипостаси Христовой? Именно въ виду этого для насъ становятся понятнѣе и доступнѣе условія спасительнаго Его къ людямъ пришествія, ибо мы сами сложны, матеріальны, перстны, и вслѣдствіе этого нуждаемся въ матеріальномъ и чувственномъ, какъ привычномъ и близкомъ намъ, для яснѣйшаго изученія и руководствованія къ тому, что выше насъ. Если бы это было недопустимо, то славные вожди церкви не считали бы дозволеннымъ, не сдѣлали бы такихъ постановленій и опредѣленій и отвергли бы поклоненіе иконамъ. И зачѣмъ говорить о поклоненіи? Они не допустили бы совершенно изготовленія изображеній.

30. Изъ нихъ нѣкоторые даже сами воздвигали священные дома и устроили священные кимеліи, гдѣ, какъ видимъ, они начерчивали и писали изображенія. Такъ это было въ ихъ время. Даже опредѣленіями и божественными канонами они установили, что-

бы устроились иконы Христа,—и скорѣе въ человѣческомъ видѣ, какъ болѣе близкомъ къ дѣйствительности, чѣмъ въ видѣ агнца. Этому мы можемъ научиться у древнихъ богомудрыхъ отцовъ, составившихъ шестой священный и святой соборъ, Презрѣвъ всѣхъ ихъ, нечестивцы обращаются къ главѣ безбожія нечестивому Евсеію и къ отцамъ, сочиненія которыхъ они извратили. Разжигаемые аппетитами безбожія, они собираютъ бредни изъ Манихейской и Арианской грязи,—отдѣльныя мѣста и отрывки, исполненные всякой скверны и нечистоты, (изъ писаній) такихъ изгнанныхъ изъ церковнаго сонма и съ давнихъ поръ лишенныхъ божественной славы, считавшихъ Христа неопишымымъ, ровно какъ и чуждымъ и иносушнымъ въ отношеніи къ Родившему Его. Къ упомянутымъ мы прибавимъ Кирилла, защитника нашего дѣла и истины, и посмотримъ, куда приводятъ ихъ разсужденія объ образѣ. Для меня было странно, если бы они не отвергли этого святаго отца. Въ толкованіи на посланіе Апостола къ Римлянамъ, онъ говоритъ слѣдующее: „Сына Своего, который родился отъ сѣмени Давида по плоти, нарекъ, говоритъ апостолъ, Сыномъ Божиимъ въ силѣ, по Духу Святому, чрезъ воскресеніе изъ мертвыхъ (Рим. 1, 3—4). И мы наречены сынами, но не въ силѣ, а удостоены сего званія по благодати; и только одною волею Бога Отца мы получили это благодѣяніе. Но съ Эммануиломъ не такъ. Хотя Онъ родился отъ сѣмени Давида по плоти и какъ одинъ изъ насъ считается Сыномъ Божиимъ по человѣчеству, однако Онъ есть сынъ по естеству въ силѣ и истинѣ; чрезъ Него всыновляемся и мы. И истинно говорится, что мы, обогатившись Духомъ Его во святомъ крещеніи, неукоризненно взываемъ къ Нему: *Авва Отче!* Итакъ,

въ какомъ отношеніи образы стоятъ къ первообразамъ, въ такомъ и мы, сыны по всыновленію, стоимъ къ Сыну по естеству, въ силѣ, истинно свидѣтельствуемому въ этомъ Отцомъ.“

31. Слѣдуетъ особенно отмѣтить, что примѣръ образа въ данномъ случаѣ приводится не какъ раньше въ приложеніи къ выясненію отношенія Сына къ Отцу, а для объясненія того, въ какомъ отношеніи мы сыны по усыновленію и благодати стоимъ къ Сыну по естеству и силѣ и для доказательства того, какимъ образомъ мы удостоились всыновленія; именно (мы стоимъ къ Сыну въ такомъ же отношеніи), какъ образы къ первообразамъ вообще и безъ ограниченія а не какъ образы того или иного лица или такого-то достоинства, напр. царскаго, какъ въ предыдущей рѣчи. А какъ относятся образы къ первообразамъ, объ этомъ говорятъ общія мнѣнія и взгляды, и въ этомъ согласны и единомысленны всѣ здравомыслящіе, ибо приобрѣли знаніе это отъ природы, безъ наученія. Итакъ, въ отношеніи къ Сыну по естеству, истинѣ и силѣ мы сыны по всыновленію; ибо всякій примѣръ берется какъ нѣчто хорошо извѣстное, дабы неясное и сложное получило достовѣрность и подтвержденіе изъ болѣе извѣстнаго и яснаго. Въ разбираемомъ случаѣ предполагается двойной способъ всыновленія Отцу. Адамъ есть и называется всыновленіемъ по естеству и истинѣ; этотъ способъ приложимъ къ Богу Сыну; точнѣе его надо бы назвать не всыновленіемъ а сыновствомъ. Другой способъ по усыновленію и благодати; онъ приложимъ къ намъ вѣрующимъ. Какъ же второй способъ относится къ первому? Какъ образы, говоритъ отецъ, къ первообразамъ. И *якоже облакохомъ*, говоритъ апостольское изреченіе, *во образъ перстнаго, да облечемъ*

во образъ небеснаго (1 Кор. 15, 49). Это же говорить тотъ же самый блаженный Кириллъ въ другомъ мѣстѣ, разсуждая такъ: „Когда чувственный человѣкъ преклонился ко грѣху и по плотоугожденію занемогъ вкоренившимся въ него грѣхомъ, то тѣмъ самымъ онъ отложилъ отъ себя сообразность божественному образу и Духа, пребывавшаго на немъ на подобіе печати, и оказался тлѣннымъ и безобразнымъ. Но такъ какъ Творецъ всяческихъ восхотѣлъ возвести погибшаго въ начальное состояніе невинности и красоты, то Онъ снова послалъ удалившагося отъ него божественнаго и Святаго Духа, измѣняя такимъ образомъ человѣка по премірному образу и получивъ возможность чрезъ Него преобразовать насъ по своему подобію“. Но всего важнѣе то, что этотъ же учитель высказалъ, что Сынъ существуетъ въ образѣ Отца. Именно священное изреченіе отца гласитъ, что Онъ есть образъ и отображеніе Родившаго. Образы же суть какъ первообразы. Что можно сказать противъ этого? Развѣ иконоборцы не должны уйти отсюда обличенные и постыженные? Когда слово *образъ* отецъ употребляетъ въ приложеніи къ божеству, онъ говоритъ; что Сынъ есть образъ Отца, согласно приведенному изреченію. Когда же дѣло касается иконъ вообще и только ихъ, онъ это отмѣчаетъ уясненіемъ при помощи множественнаго числа: „образы какъ первообразы“. Неужели безумцы будутъ и это слово (образы) понимать въ приложеніи къ божеству, допуская многихъ сыновей и отцовъ и признавая многобожіе? Не *образъ*, говоритъ отецъ, а *образы*, показывая этимъ подобіе и сходство.

32. Что можетъ быть яснѣе и очевиднѣе этого по занимающему намъ вопросу, если бы только не былъ ослѣпленъ до такой степени ихъ умъ и не было

столь омрочено ихъ духовное зрѣніе! Что же скажутъ на это чуждые божественнаго всыновленія? Неужели они въ состояніи смотрѣть прямо на столь яркій и ясный блеска истины? Неужели они противопоставятъ пустыя и скверныя бредни, изрыгаемыя нечистымъ и богоненавистнымъ сердцемъ? Принимаютъ-ли они эти божественныя слова или презираютъ учителя? Если не примутъ, то должны отстранить себя изъ стада Христова. Если же примутъ, то необходимо одно изъ двухъ: или съ нами признать отношеніе образовъ къ первообразамъ и вмѣстѣ съ нами принять иконы Христа и святыхъ для поклоненія, или же если они не признаютъ этого взаимнаго отношенія и общенія, быть явно отстраненными отъ всыновленія, которымъ обогатились мы чрезъ Св. Духа въ божественномъ крещеніи, и сопричислиться съ іудеями и язычниками. Для нихъ упраздняется крещеніе; они перестаютъ быть существами по образу Творца и пребываютъ впредь отлученными отъ чадъ стада Христова. Таковы послѣдствія для несчастныхъ за поношеніе иконъ. По истинѣ въ виду всего этого можно дивиться, до какой степени безумія и тупости дошли они, имѣя и образъ мыслей соотвѣтствующій ихъ дѣяніямъ.

33. Они притворяются и ложно показываютъ себя почитателями образа Креста, но самую сущность, т. е. спасительныя страданія они отвергаютъ. Ибо какъ могъ Онъ страдать и быть распятымъ, если согласно ихъ нелѣпостямъ Онъ воспринялъ неописуемое тѣло? Что могло быть распростерто на крестѣ и пронзено гвоздями? Какимъ образомъ входило въ тѣло остріе копья, если оно неописуемо? Или и здѣсь мракъ докетизма омрачилъ отверженныхъ? И въ самомъ дѣлѣ развѣ не отвержены тѣ, которые въ умственномъ и

духовномъ омраченіи болтають странности? Говорить хорошее они не умѣють, какъ люди злые и изъ дурнаго сокровища своего сердца выносящіе злое. Развѣ неясна ихъ извращенность изъ того, что будучи врагами Креста Христова, они съ одной стороны притворяются почитателями Креста, а съ другой ниспровергаютъ и разрушаютъ вмѣстѣ съ священными изображеніями самый первообразъ Креста?

34. Итакъ, что же говорятъ они, какія хитрыя и двусмысленныя изреченія приводятъ въ свое оправданіе? „Изображенію креста мы поклоняемся ради Распятаго на немъ“. Безуміе и тупость ихъ совершенно ясны отсюда, ибо они гнушаются и презирають изображеніе освящающаго и въ тоже время дѣлають видъ, что почитаютъ изображеніе освящаемаго. Но какъ можетъ быть съ ихъ точки зрѣнія освящено изображеніе (Креста), если Христосъ на самомъ дѣлѣ не страдалъ тѣломъ? На эту несообразность и пустословіе не слѣдовало бы и отвѣчать. *Не отвѣщай безумному по безумію его* (Притч. 26, 4), поучаетъ насъ Писаніе. Но для подтвержденія и раскрытія истины и для укрѣпленія людей благочестивыхъ мы выскажемъ слѣдующее: мы признаемъ и исповѣдуемъ, что все, что существуетъ въ церкви, свято и освящено, и вслѣдствіе этого въ нашихъ глазахъ одинаково поклоняемо, почитаемо и честно, и ничего въ ней нѣтъ безславнаго и недостойнаго почтенія, какъ мы говорили въ другомъ мѣстѣ. Для насъ-вѣрующихъ невозможно, а съ другой стороны и наставленія предстоятелей нашего ученія не допускають производить какихъ-либо различеній и изслѣдованій о томъ, что первое и что второе, что болѣе честно и что менѣе. Это невѣрные и нечестивые измыслили вопросы: поклоняться этому или нѣтъ, спасительно это или не

спасительно, это лучше или то? Это именно и вызываетъ крайнее невѣжество и безуміе занимающихся теперь такими вопросами. Ибо что отвѣтятъ они сказавшему: *иже убо весь законъ соблюдетъ, согрѣшитъ же во единомъ, бысть вѣмъ повиненъ?* (Іак. 2, 10). Это относится къ дѣяніямъ подзаконнымъ, а тѣмъ болѣе къ нашей непорочной и чистой вѣрѣ. Итакъ, намъ невозможно вдаваться въ споры, потому что богоприлично изданныя законоположенія святыхъ отцовъ повелѣваютъ одинаково чтить всѣ святыни.

35. Однако въ виду любви къ спорамъ и безстыдства безумцевъ мы считаемъ необходимымъ обсудить это подробнѣе. Мы не отвергаемъ почитанія ни того, ни другого (креста и образа), но насколько требуется точностью изслѣдованія предмета, кратко представимъ, въ чемъ заключается превосходство одного изъ нихъ надъ другимъ. Итакъ, мы утверждаемъ, — начнемъ съ подобнаго, ибо это и есть икона:

а) Икона Христа есть Его подобіе, подобна Его тѣлу, даетъ намъ изображеніе Его тѣла, представляетъ Его видъ, показываетъ чрезъ подражаніе много изъ того, какъ Онъ дѣйствовалъ, училъ и страдалъ. Изображеніе же креста не даетъ подобія Его тѣла и не показываетъ ничего изъ упомянутаго. Подобное чему-либо ближе и сроднѣе неподобнаго, ибо дѣлаетъ его вслѣдствіе подобія съ нимъ болѣе очевиднымъ, а потому и болѣе чтимымъ. Итакъ, икона Христа, какъ болѣе сродная и болѣе ясно Его представляющая, честнѣе и досточтимѣе честнаго и досточтимаго изображенія Креста.

б) Затѣмъ икона Христа прямо и непосредственно при первомъ взглядѣ представляетъ намъ обликъ Его и вызываетъ въ памяти, потому что на ней мы видимъ, какъ въ зеркалѣ, самого изображаемаго. Съ

крестомъ же не такъ: взирая на крестъ, мы направляемъ умъ прежде на то, что предъ нами и потомъ, уже уразумѣваемъ, что это такое, и соображаемъ, какъ онъ освященъ и къмъ, и такимъ образомъ къ Распятому и Освятившему его переходимъ уже во второй моментъ. Но переходящее къ чему-либо прямо и дѣлающее это что-то сразу очевиднымъ болѣе заслуживаетъ почитанія, чѣмъ то, что дѣлаетъ тоже не сразу. Посему икона Христа честнѣе честнаго креста.

Далѣе в) всѣ обладающіе здравымъ разумомъ признаютъ, что освящающее выше освящаемого. Безъ всякаго прекословія меньшее отъ большаго благословляется (Евр. 7, 7). Итакъ, тѣло Христово освятило крестъ, когда касалось его и было пригвождено на немъ, а освятивъ крестъ, оно чрезъ него сообщило освященіе и намъ. Но то, чего первообразы болѣе чтимы, и само болѣе чтимо. Такъ какъ и то и другое суть изобрѣтеніе и изображеніе креста чтимо: то и изображеніе тѣла, которое освятило крестъ, чтимо болѣе.

Потомъ г) изображеніе распростертыхъ рукъ Христа и вида Его честно. Но насколько тѣло превосходитъ очертаніе, настолько же разнится и то, что отъ нихъ происходитъ; ибо то, чего первообразъ честнѣе, и само болѣе честно. Очертаніе существуетъ для тѣла, равно и протяженіе, а не наоборотъ, тѣло существуетъ для очертанія. Тѣло есть субстанція, субстратъ; а очертаніе есть признакъ, свойство. Насколько субстанція выше признака (акциденціи) или насколько душа выше познанія, настолько тѣло выше очертанія. Тѣло есть и называется очертаемымъ; но никто изъ здравомыслящихъ не скажетъ, что очертаніе тѣлесно. О тѣлѣ можно сказать, что оно имѣ-

еть цвѣтъ, но нельзя сказать: тѣло цвѣта или цвѣтъ имѣющій тѣло. Итакъ то, что принадлежитъ тѣлу, выше того, что свойственно очертанію. А если это такъ, то и изображеніе тѣла честнѣе изображенія очертанія (Креста).

Кромѣ того д) крестъ представляетъ намъ просто и однообразно страданіе Христа. Но людьми необразованными онъ едва ли можетъ быть принятъ за символъ страданія. Между тѣмъ священныя изображенія представляютъ не только различные моменты страданія и описываютъ ихъ съ большими подробностями, но напечатлѣваютъ предъ нами также пространнѣе и яснѣе знаменія и чудеса, совершенныя Христомъ. Но то, что выказываетъ все это яснѣе и нагляднѣе, должно быть чтимо болѣе, чѣмъ то, что представляетъ тоже не столь ясно.

Сверхъ сего е) крестъ есть символъ страданія и обозначаетъ способъ, которымъ страдавшій перенесъ страданія; ибо что иное означаютъ слова: *возьми крестъ свой и слѣдуй за мною* (Матѣ. 16, 24), какъ не человека, проникнутаго страхомъ Божиимъ, отринувшаго суету мірскую, готоваго претерпѣть все ради любви къ Господу? Также и носившій язвы Христовы на тѣлѣ своемъ и похвалявшійся страданіями Его апостолъ говорить: *мнѣ же да не будетъ хвалитися токмо о Крестѣ Господа нашего Іисуса Христа* (Гал. 6, 14), и въ этихъ словахъ изображаетъ распятіе или страданіе Христа. Икона же есть отображеніе и подобіе самого Страдавшаго, которое представляетъ Его намъ болѣе приличествующимъ и достоуважаемымъ образомъ, чѣмъ очертаніе креста, имѣющее ко Христу только внѣшнее отношеніе. Итакъ икона, представляющая намъ Самого Христа, досточестнѣе креста, показывающаго способъ страданія Его.

Имя Христа ж) омонимически прилагается и къ иконѣ Христа; икона называется Христомъ, подобно тому, какъ это есть съ царемъ и изображеніемъ царя. Къ кресту же это имя приложить невозможно, ибо никто изъ здравомыслящихъ не назоветъ никогда крестъ Христомъ. Отсюда то, что связано съ именемъ Его и съ изображеніемъ тѣла, честнѣе, чѣмъ то, что не имѣетъ отношенія къ нимъ. Слѣдовательно, икона честнѣе изображенія креста.

з) Причина предшествуетъ слѣдствію, особенно причина дѣйствующая, но то, что предшествуетъ, болѣе честно, чѣмъ то, въ отношеніи къ чему оно является предшествующимъ. Такъ какъ страданіе тѣла Христова есть причина изображенія креста и тѣло есть главная причина изображенія, то икона тѣла Христова, какъ дѣйствующая причина изображенія креста, честнѣе.

и) Сверхъ сего то, что дѣлается ради чего либо, ниже того, ради чего дѣлается. Если крестъ Господень изготовляется ради тѣла, то необходимо и въ изображеніяхъ ихъ изображеніе креста считается ниже. То ниже, что имѣетъ и предшествующее болѣе низкое.

Итакъ, многія соображенія доказываютъ, что хотя мы почитаемъ и изображеніе животворящаго креста, однако икона Христа, согласно выводамъ и изслѣдованію въ предшествующемъ изложеніи, честнѣе его. Посему тотъ, кто заявляетъ, что онъ чтитъ крестъ, будетъ также чтитъ и икону Господа. Если же онъ не чтитъ иконы, то тѣмъ болѣе онъ не долженъ чтитъ крестъ.

Наконецъ, Х, мы видимъ во многихъ мѣстахъ изображеніе распятія Господня на иконахъ. По обыкновенію оно изготовляется такъ: тѣло представляется висящимъ, руки распростертыми и пригвожденными. И все это изображаетъ предъ нами дивнѣйшее изъ чудесъ и главнѣйшее изъ всего, чѣмъ мы спасены,—

спасительное страданіе Христово. Что же дѣлать въ этомъ случаѣ врагамъ креста Христова? Необходимо одно изъ двухъ: или, покланяясь кресту, одновременно покланяться и иконѣ, если только они не хотятъ отказаться отъ своего заявленія; или же, отвергая икону, вмѣстѣ съ нею отвергнуть и крестъ. Избравъ второе, они въ концѣ концовъ зачеркиваютъ и самый крестъ и все домостроительство Христово, какъ отрицатели этого домостроительства, и тѣмъ обнаруживаютъ лживость своихъ заявленій. Еслибы они были хотя сколько нибудь искренни, то должны бы чтить прежде всего икону, какъ дѣйствующую и производящую причину креста, ибо все, о чемъ говорится, что оно существуетъ въ отношеніи къ чему либо, ниже того, чрезъ что оно существуетъ. И если дѣйствительно досточтимъ крестъ, то тѣмъ болѣе досточтима икона, стоящая къ нему въ отношеніи причины, ибо крестъ существуетъ по причинѣ иконы, а не обратно—икона по причинѣ изображенія креста. Вѣдь когда начертывается на первомъ планѣ образъ Христа, то вмѣстѣ уже съ Нимъ изображается и крестъ который начертывается сообразно положенію вытянутаго тѣла и распростертыхъ рукъ и является необходимо и естественно соразмѣрнымъ съ изображеніемъ тѣла. Кто скажетъ, что начертывающій такимъ образомъ икону Господа, даже не желая того, начертываетъ одновременно и изображеніе креста, тотъ не уклонится отъ истины. Изъ сказаннаго развѣ не ясно безуміе и нечесіе иконоборцевъ? Они дѣлаютъ видъ что почитаютъ менѣе чтимое, но въ тоже время совершенно отвергаютъ болѣе чтимое. Но такъ поступаютъ они не потому, что почитаютъ крестъ,—развѣ могутъ почитать его тѣ, которые много разъ низвергали его, сожигали и попирали скверными и грязными

ногами,—а для того, чтобы не показаться, что они ниспровергаютъ въ основѣ всѣ святыни церкви, когда стараются при всякомъ случаѣ уничтожить божественное изображеніе Христа, ибо тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ. Подобно тому, кто, желая избавиться отъ естественнаго недостатка, измѣняетъ свою наружность украшеніями, и они въ почитаніи (креста) стараются найти для себя благовидное оправданіе.

36. - Что же нужно сказать объ изображеніи креста? Они попираютъ и безчестятъ, можно сказать, даже первообразъ креста, чтимое и покланяемое у насъ вѣрующихъ честное и животворящее древо. Частицы этого древа, по древнему обычаю опрашиваемыя у христіанъ въ золото и серебро и называемыя предохранителями (*φυλακτήρια*), мы носимъ на шеѣ ниспадающими на грудь въ охраненіе и обезопасеніе жизни нашей и для спасенія душъ и тѣлъ нашихъ. Отсюда и самое названіе ихъ, ибо мы вѣримъ, что оно дано имъ для уврачеванія немощей и отгнанія искушеній отъ нечистыхъ бѣсовъ, причемъ на нихъ часто изображаются страданія Христа, чудеса и животворящее воскресеніе. Среди христіанъ они распространены въ безчисленномъ множествѣ. За что же принимаютъ ихъ нечестивцы? Спасительное они считаютъ гнуснымъ и вождѣльное заслуживающимъ отверженія. Отдѣляя оправы отъ частицъ честнаго древа, они расплавляютъ ихъ и представляютъ, какъ вещь ненужную, ничтожную, не заслуживающую никакого вниманія. Они объюродѣли и омрачились до того, что отвергаютъ и уничтожаютъ то, что нужно бы беречь и хранить для сохраненія и безопасности собственной жизни. Они дѣлаютъ нѣчто похожее на то, какъ еслибы кто, владѣя безопасной оградой и сильнымъ укрѣпленіемъ, но нерадѣя о соб-

ственной безопасности и спасеніи, неразумно уничтожилъ это и попалъ въ плѣнъ къ напавшимъ на него. Чтоже отсюда слѣдуетъ? Уничтожая эти святыни вмѣстѣ съ другими, они тѣмъ самымъ явно показываютъ ихъ равночестность съ ними. И какимъ образомъ, еслибы эти святыни заслуживали отверженія, христіане издревле соединяли и приготавливали ихъ вмѣстѣ съ честнымъ древомъ? Всегда съ правомъ мы можемъ говорить врагамъ креста Христова, что тяжело имъ видѣть Христа на иконѣ, и память о Немъ едвали не тяжелѣе и не ненавистнѣе для нихъ, чѣмъ для Іудеевъ и язычниковъ, къ которымъ ихъ благовременно сопричислить.

37. „Но съ изображеніями Христа, говорятъ они, начертывается и нѣчто другое—гнусное и отвратительное, напримѣръ на иконѣ воскресенія—адъ попираемый,—діаволъ побѣжденный и поверженный и тому подобное, незамѣтно и всему этому воздается поклоненіе. Отсюда недопустимо покланяться и иконѣ Христа“. Безумцы здѣсь попадаютъ въ собственные сѣти. Оказывается, они думаютъ тоже самое, въ чемъ обвиняютъ и насъ. Они противъ воли признаютъ, что честь, воздаваемая образамъ, восходитъ къ первообразамъ. Ибо если именно поэтому они отвергаютъ все упомянутое, то тѣмъ болѣе должны быть чтимы святыни, дабы честь восходила къ первообразу. Изъ этого очень легко догадаться, что они мало по малу начинаютъ обнаруживать и вскрывать предъ болѣе понимающими, отъ многихъ доселѣ ускользавшій, коварный и лукавый взглядъ на крестъ Христа. Установивъ такую точку зрѣнія, они, по Божію попущенію, потомъ естественно и послѣдовательно могутъ заявить, что не будутъ покланяться и распятому Христу, такъ какъ съ Нимъ сораспаты злодѣи и разбой-

ники. Но мы христіане бодрствуемъ и не обратились въ животныхъ подобно имъ. Мы знаемъ, чему поклоняемся. Священныя изображенія мы почитаемъ, какъ святыни, а упомянутыя скверности разсматриваемъ и признаемъ, какъ омертвѣлое и попираемое. Боголюбивые живописцы начертали ихъ не въ воздаяніе чести, а представляя ихъ жалкое и страшное паденіе. Взирая на это, мы прославляемъ ниспровергшаго Господа и вслѣдствіе того еще усерднѣе поклоняемся честному изображенію Его, приводя себѣ на память совершенныя Имъ для насъ достоивныя благодѣянія и общее спасеніе рода нашего. Мы дивимся величію Его и воспѣваемъ человѣколюбивое снисхожденіе Его. На основаніи настоящаго размышленія о будущемъ можно сказать, какъ они будутъ относиться и къ священному Евангельскому повѣствованію, обвиняя его за упоминаніе о бѣсахъ и духахъ нечистыхъ. Но не ради бѣсовъ, а ради Чудотворившаго и изгонявшаго бѣсовъ и Исцѣлявшаго недуги несомнѣнно составлено было это повѣствованіе. И поклоненіе наше не относится къ бѣсамъ одновременно съ Евангеліемъ; оно хотя и воздается въ чувственной формѣ чувственно зримымъ святынямъ, однако мысленно мы возносимъ почитаніе Виновнику ихъ. При томъ все это совершается символически, ибо наше поклоненіе и служеніе истинно и собственно, по слову Спасителя, есть поклоненіе въ духъ и истинѣ (Іоан. 4, 22—23). Мы знаемъ, чему мы поклоняемся, а они не знаютъ, чему мы поклоняемся, ибо не знаютъ великой тайны божественнаго домостроительства.

38.—Сверхъ того они говорятъ: „ты описываешь Христа до Его страданій и воскресенія. Но что ты будешь говорить послѣ воскресенія? Ибо обстоятельства не пребыли одинаковыми: тѣло Христа отселѣ

сдѣлалось нетлѣннымъ и, слѣдовательно, безсмертнымъ. Какимъ же образомъ допустимо твое описаніе? И какъ можно описать Вошедшаго къ ученикамъ при затворенныхъ дверяхъ и не связаннаго никакими препятствіями?“ Безстыдно подражая дерзости докетовъ, они пустословятъ, что одинъ изъ учениковъ своими руками не прикасался къ божественнымъ ребрамъ, что, получивъ повелѣніе Спасителя, не привелъ этого повелѣнія въ исполненіе. Вслѣдствіе этого Спаситель не былъ видимъ тѣлесно; и тѣло Его не было настоящее тѣло. Такимъ образомъ въ ихъ глазахъ и Евангеліе не заслуживаютъ вѣры. Но недоумѣвающий касательно этого пусть обратитъ вниманіе на слѣдующее: сказавъ *вошедшій*, ты разрѣшилъ недоумѣніе, потому что входить и выходить, перемѣщаться отсюда туда, есть ничто иное, какъ признакъ описуемости. То, что находится внутри и не находится въ тоже время внѣ,—безъ сомнѣнія описуемо. Этоже можно наблюдать и во время воскресенія, когда былъ положенъ камень на гробъ и запечатанъ, ибо возставшее тѣло не было одновременно во гробѣ. Изъ сего необходимо слѣдуетъ, что оно описуемо. Притомъ возстаніе изъ мертвыхъ, нахожденіе внутри дома при затворенныхъ дверяхъ и подобныя этимъ явленія происходятъ не по закону тѣла и нашего матеріальнаго и тлѣннаго естества. И раньше страданій видѣли Спасителя шествовавшимъ по волнамъ, прикосновеніемъ руки воскресавшимъ мертвыхъ и совершавшимъ другія подобныя чудеса тѣлесно. Все это мы не называемъ признаками тѣла, а Спасителя не называемъ безтѣлеснымъ. Все это было совершенно могущественной, необоримой солою, которой покорялось все, и совершенно именно чудесно, а не по свойству тѣла. А когда послѣ воскресенія оно возблистало красотой нетлѣнія,

содѣлалось безсмертнымъ, совершенно очистилось отъ тлѣнія и дебелости вмѣстѣ съ соединеннымъ съ нимъ ипостасно и не отдѣлимымъ отъ него естествомъ, отъ котораго оно восприняло преестественныя свойства, то совершало дѣйствія, превышающія природу тѣла, и, какъ естественно, свойственныя не просто тѣлу, но тѣлу божественному и нетлѣнному.

Содѣлавшись такимъ. Спаситель однако былъ видимъ, хотя не такъ, какъ прежде, когда обращался со всѣми. Онъ являлся только лицамъ, достойнымъ такого созерцанія и показывалъ имъ слѣды распятія на крестѣ. Въ этомъ насъ убѣждаетъ ученикъ (и это мы принимаемъ охотно и съ вѣрою), осязавшій божественныя ребра и громко и ясно воскликнувшій: *Господь мой и Богъ мой* (Іоан. 20, 28),—также честныя жены, осязавшія пречистыя ноги, а сверхъ того и спутники съ горѣвшимъ сердцемъ и съ глазами, удержанными во время бесѣды отъ признанія Его (Лук. 24, 16), что разрѣшилось только послѣ преломленія хлѣба. И самъ Іисусъ принялъ пищу и питіе, хотя тѣло Его было нетлѣнно, и сдѣлалъ Онъ это не вслѣдствіе нужды, а по снисхожденію и домостроительнѣ, дабы вѣрили, что это былъ именно Онъ, и чтобы таинство воскресенія считалось истиннымъ, а не мнимымъ. Равнымъ образомъ какъ же божественные ученики могли видѣть Взятаго изъ среды ихъ возносящимся на небо, какъ соучастника Отчей славы, имѣющаго придти снова также, согласно возглашенію предпосланныхъ премірныхъ силъ, если тѣло было неопишимо? Или какъ великій Стефанъ, первый и величайшій мученикъ, во время истязанія, немного спустя послѣ вознесенія Спасителя на небо, видѣлъ, какъ подобаетъ видѣть человѣку, исполненному такой благодати и насколько это могла преестественно вмѣ-

ститъ человѣческая природа? Не созерцалъ-ли онъ Спасителя въ образѣ, въ которомъ онъ былъ видимъ на землѣ у насъ, стоящимъ одесную отчей славы? Ибо какъ иначе онъ могъ сказать: *вижу небеса отверстыя и сына человеческого стоящаго одесную Бога* (Дѣян. 7, 56)? Тому же ясно научаютъ насъ и изреченія святыхъ отцовъ, которыя мы представимъ послѣ? Хотя враги наши и Евангелія не вѣрятъ въ это и отгоняютъ даже Христа, такъ какъ думаютъ, что ученики видѣли духъ и что все произошло внѣ тѣла, мы однако, возглашая неложность этого, утверждаемъ, что Христосъ описуемъ именно потому, что Онъ снизшелъ и вочеловѣчился, такъ что зрѣніемъ мы познаемъ саму истину.

39.—Но какимъ образомъ все прочее измѣнилось:—смертное сдѣлалось безсмертнымъ, тлѣнное оказалось нетлѣннымъ, страстное безстрастнымъ, тогда какъ описуемое не стало неопикуемымъ? Мы заявляемъ, что въ составѣ человѣческаго естества Творецъ изначала создалъ съ одной стороны силу духовную, разумную способность чувствованія, воли или, лучше сказать, самоопредѣленія и тому подобное. Въ тоже время человѣкъ, взятый изъ земли, получаетъ тѣлесную форму, становится тѣломъ, которое естественно видимо, осязаемо и описуемо. И никто изъ обладающихъ разумомъ не можетъ сказать, что оно неопикуемо. Но съ внѣшней стороны уже послѣ созданія произошло прибавленіе въ тѣмѣ: то, что привзошло въ него изъ за нарушенія заповѣди Творца, стало какъ бы рожденнымъ. Первозданному человѣку рѣшеніемъ Творца была предназначена жизнь; въ тоже время вмѣстѣ съ закономъ ему была дана свобода выбора: при соблюденіи этого закона онъ унаслѣдовалъ бы высшее, подобающее ангеламъ, блаженство; а въ слу-

чаѣ нарушенія его онъ долженъ былъ подвергнуться наихудшей, самой скорбной участи. Избравъ по искушенію змія эту послѣднюю, онъ естественно тотчасъ становится подверженнымъ тлѣнію и смерти, и безчисленное множество другихъ немощей привходитъ въ него,—ибо тлѣніе и смерть не были сотворены вмѣстѣ съ первозданнымъ, иначе не было бы нужды въ древъ жизни, которое росло въ раю. Владыка твари по преизбыточеству человѣколюбія и неизреченному милосердію, желая избавить отъ тлѣнія подверженное смерти естество и возвести его въ начальное блаженство, не погнушался воспринять тѣло, которое, какъ извѣстно, принадлежитъ осужденному и всѣмъ намъ, причастникамъ этого осужденія, и которое тлѣнно и смертно. Какъ тѣло, оно не можетъ быть чуждо описуемости, пока остается тѣломъ. Такъ Онъ позналъ тѣлесную смерть, которой не подлежалъ, и заплатилъ за насъ долгъ, дабы собою искупить преступленіе Адама, и, возстановляя побѣжденное естество, поднималъ павшаго. *Яко беззаконія не сотвори, ниже обрѣтется лѣсть во устѣхъ его* (Ис. 53, 9). Онъ упразднилъ смерть, уничтожилъ тлѣніе, и, будучи истинною жизнію по природѣ и источникомъ безсмертія, явилъ Себя побѣдителемъ смерти и тлѣнія. Плоть Его не видѣла тлѣнія, которое было попорано и уничтожено Побѣдителемъ міра, ибо была охраняема высочайшею и всемогущею силою слова, хотя по своей природѣ и подлежала тлѣнію. Затѣмъ Онъ воскресъ послѣ трехъ дней, очистивъ Собою всѣ вслѣдствіе грѣха прившедшіе въ естество изъяны и недостатки, содѣлавшись приношеніемъ и залогомъ за наше бренное естество, явивъ такимъ образомъ Свое твореніе чистымъ и несквернымъ и даровавъ ему сіяніе собственной славы. Также во время крещенія Онъ совершилъ

наше очищеніе, будучи самъ верхомъ всякой чистоты. Всѣмъ этимъ человѣкъ былъ бы обогащенъ и издревле, еслибы первозданный соблюлъ заповѣди Творца, ибо Творецъ предназначилъ для него безсмертіе и восхожденіе къ лучшему. Этому научаютъ насъ и наши наставники. Апостолъ сказалъ въ одномъ мѣстѣ: *сего ради якоже единѣмъ человѣкомъ грѣхъ въ міръ вниде, и грѣхомъ смерть, и тако смерть во вся чловѣки вниде* (Рим. 5, 12). Тоже содержится въ мудрыхъ изреченіяхъ нѣкоторыхъ древнихъ, гдѣ написано, что *Богъ смерти не сотвори. Созда бо во еже быти вѣмъ, и спасительны бытія міра, нибо есть въ нихъ врачеванія губительнаго* (Прем. Сол. 1, 13—14), и что *Богъ созда чловѣка въ неистлѣніе; завистію же діаволою смерть вниде въ міръ* (Прем. 2, 24). Согласно съ этимъ провозглашаютъ и богословствующіе отцы. Итакъ высшую помощь получило именно то, что нуждалось въ ней. Тѣло отнюдь не должно было сдѣлаться безтѣлеснымъ и стать неопикуемымъ, ибо чловѣкъ не былъ сотворенъ безъ тѣла, и тѣло не было дано чловѣку только въ послѣдствіи за грѣхъ,—вѣдь въ такомъ случаѣ не было бы ни чловѣка, ни приступленія. И въ чемъ могъ быть совершаемъ грѣхъ, какъ не въ страстяхъ тѣла, которыя вошли въ него ради содѣяннаго грѣха? Итакъ, во Христѣ естество наше обновляется и спасается. Тѣло, воспринятое Богомъ, обожествилось всецѣло, преобразовалось въ лучшее, увѣнчалось неизреченнымъ благолѣпіемъ, пребывало впредь духовнымъ и превосходитъ матеріальную и земную дебелость. Но оно не перестало быть тѣломъ, осталось тѣломъ какимъ бы то ни было и поэтому подлежитъ описанію (*περιγράφεται πέφυκεν*), — ибо описуемость (*ἡ περιγραφή*) происходитъ не отъ нѣ и отъ грѣха, какъ входитъ тлѣніе и прочія немощи, но изъ него самого;

оно есть, такъ сказать свойство, самоопредѣленіе, сущность тѣла. И если кто станетъ опредѣлять тѣло, какъ имѣющее тройное измѣреніе, какъ физическое, органическое, обладающее жизненною силою, какъ изобразимое и поддающееся заключенію въ предѣлы,—а это все свойства нашего тѣла,—тотъ не сказалъ бы ничего иного, кромѣ того, что оно описуемо (*τὸ περιγραφτόν*). Послѣ воскресенія изъ мертвыхъ тѣло Христа хотя содѣлалось боговиднымъ, однако не перестало быть тѣломъ и не преобразовалось въ божественную сущность. То обстоятельство, что мы уже не знаемъ Христа во плоти (2 Кор. 5, 16), говоритъ не за упраздненіе или отложеніе плоти—это измышленіе Манихейское,—а за то, что оно изъято отъ тѣлесныхъ нуждъ, чуждо плотскихъ страстей и нашей немощи, напимѣръ утружденія въ пути, жажды, голода, боязни и тому подобнаго. „Не плоть уже, однако и безтѣлесенъ, но Ему извѣстнымъ образомъ боговиднѣйшаго тѣла“..... заявляетъ Григорій великій. Затѣмъ великій апостоль поучаетъ, что *подобаетъ тлѣнному сему облецися въ нетлѣніе, и мертвенному сему облецися въ безсмертіе* (1 Кор. 15, 53). Но чтобы тѣло облеклось въ безтѣлесность, чтобы сотворенное стало не сотвореннымъ, или описуемое превратилось въ неопишуемое, объ этомъ еще доселѣ никто не слышалъ. Нѣкоторыя изъ этихъ свойствъ принадлежать и безтѣлеснымъ, потому что и ангелы суть созданія Божіи и, поскольку имѣютъ начало, они описываются временемъ (*τῷ ἡρῆσαι ἔσχατο περιγράφεσθαι*). Итакъ необходимо сказать, сообразно исповѣданію христіанской религіи или ученію католической и апостольской Церкви, что Христосъ и Богъ нашъ послѣ того, какъ восшелъ на небо и возсѣлъ одесную Бога Отца, сохранилъ воспринятое естество безъ умаленія, причемъ

не отпала ни одна изъ частей, которыя характеризуютъ его составъ. Въ Немъ пребываетъ тоже тѣло, а также и душа, которою оно было одушевлено, разумная и духовная, желающая и дѣятельная, которою Онъ желаетъ и дѣйствуетъ въ промышленіи и охраненіи всего, какъ божески, такъ и человѣчески, будучи ходатаемъ за насъ предъ Отцемъ, устрояя наше спасеніе и стяжая для насъ все полезное. Пресвятая и божественная душа сохраняетъ память обо всемъ, что Христосъ, обращаясь на землѣ съ людьми, совершилъ и претерпѣлъ для нашего освобожденія; она знаетъ, что ипостасно соединена съ божественнымъ Словомъ, и видитъ, какъ она прославляется и споклоняется съ нимъ, какъ душа Бога,—а не какъ просто душа,—всею разумною тварію; знаетъ также, что она отъ земли возшла на небо и снова придетъ во славу Отчей. Восхожденіе же на небо и послѣдующее снисшествіе, указывая на перемѣщеніе въ пространствѣ и представляя движеніе, признаются дѣйствіями описуемаго тѣла. А что Слово возсѣдаетъ съ тѣломъ одесную Отца, это должно быть понимаемо не въ смыслѣ деснаго пространства, ибо неопи-суемое (*τὸ ἀπερίγραπτον*) не можетъ имѣть вида праваго или лѣваго; этимъ мы только исповѣдуемъ Славу и честь, которою почитается и прославляется Слово, какъ Сынъ Божій и предвѣчный Богъ, единосущный Отцу, причемъ Онъ пріемлетъ одинаковое поклоненіе отъ всѣхъ вмѣстѣ съ тѣломъ, ибо ипостась едина. Да превратятся въ пепелъ языки Христоборцевъ и да изсохнутъ ихъ сердца! Да заградятся уста, глаголющія неправду противъ истины, для всѣхъ ясной!

40.—Къ доселѣ сказанному они прибавляютъ: „написано: *не сотвори себѣ всякаго подобія, елика на небеси горѣ, и елика на землѣ низу, и елика въ водахъ подѣ*

землю (Исх. 20, 4). Въ виду этого изображать Христа невозможно“. Предшествующія и послѣдующія изреченія: *да не будутъ тебѣ бози инии развѣ мене* (ст. 3), *и: не сотвори себѣ кумира* (ст. 4), *и: да не поклонилися богамъ ихъ, ниже послужиши имъ* (Исх. 23, 24), не знаю зачѣмъ, они удерживаютъ и намѣренно или ненамѣренно замалчиваютъ, можетъ быть, уклоняясь обвиненія въ богохульствѣ. Тѣмъ не менѣе и безъ того они подпадаютъ подобному обвиненію. Такъ какъ оставилъ очи ихъ страхъ Божій, а также почтеніе и подчиненіе въ отношеніи къ пресвятой и пречистой вѣрѣ нашей, то они не убоялись изображеніе Христа поставить рядомъ съ изображеніями существъ небесныхъ, земныхъ и морскихъ, не дѣлая никакого различія между подобіемъ Господа и Творца и подобіемъ тварей и рабовъ. Наши противники отличаются любовью и готовностью къ спорамъ. Мы же на такое ихъ нечестивое предложеніе отвѣтимъ указаніемъ, что, во первыхъ, это было узаконено для древнихъ Іудеевъ. (Такъ именно слѣдуетъ разсуждать съ новоявленными Іудеями). Божественнымъ велѣніемъ и при помощи необычайныхъ чудесъ Израильтяне избавились отъ тогдашняго Египетскаго нечестія. Ложная религія Египтянъ превосходила зловѣріе всѣхъ народовъ. Воспитанные въ ихъ обычаяхъ Израильтяне пережили долгій періодъ порабощенія. Богъ выказывалъ попеченіе объ освобожденіи и спасеніи странствовавшаго народа ради обѣтованій, данныхъ его отцамъ. Посему богоприлично изведши израильтянъ изъ области этого нечестія и гнусности и возводя ихъ къ познанію и почитанію Себя, дѣлаетъ приведенныя указанія, дабы знали только Его—Бога и Господа всяческихъ и возносили подобающее Ему служеніе и, помня ихъ обычаи, не желали возвращенія въ страну, служив-

шую идоламъ. По своему неразумію Израильтяне, презрѣвъ тѣ изъ достодивныхъ знаменій и необычайныхъ чудесъ, какія они видѣли, отшедши не далеко отъ Египта, въ пустынь сдѣлали тельца. Итакъ, заповѣдь воспрещаетъ имъ дѣлать подобіе всего отринутаго: съ одной стороны всего водимаго на небѣ—солнца, луны и прочихъ созданій изъ звѣзднаго сонма, а затѣмъ тварей сущихъ на землѣ: животныхъ, звѣрей, змій, птицъ, насѣкомыхъ, а также водныхъ тварей, живущихъ и плавающихъ въ морѣ и рѣкахъ—всего того, чему на ихъ глазахъ воздавалось почтеніе и поклоненіе въ варварской землѣ. Люди, не зная истинно Сущаго, уловляемые коварствомъ лукаваго, нечестиво служили твари вмѣсто Творца (Рим. 1, 25). Виновныхъ въ этомъ, много лѣтъ спустя, Богъ укорялъ устами пророка, говоря: Я Господь Богъ твой, утвердившій небо и создавшій землю, руки коего создали все воинство небесное; не Я научилъ тебя идти въ слѣдъ чуждыхъ боговъ (Ис. 45, 12). И: Я извелъ тебя изъ земли Египетской, и не знай Бога кромѣ Меня; никто не спасетъ, кромѣ Меня (Исх. 20, 18). Въ этихъ словахъ Онъ напоминаетъ имъ заповѣди древне данныя. Итакъ, Онъ запрещаетъ имъ дѣлать подобія всего видимаго и наблюдаемаго на небѣ, на землѣ и въ водахъ, дабы по незнанію лучшаго или вслѣдствіе отверженія Творца они не воздавали всему этому поклоненія.

Повелѣніе: *не сотвори* того-то потенциально и молчаливо содержитъ повелѣніе: *сотвори* и предудказываетъ то, что будетъ повелѣно сотворить въ будущемъ. Объ этомъ заставляеть догадываться самый характеръ рѣчи. Кто говоритъ: *не сотвори подобія* того-то, тотъ имѣетъ въ виду изготовленіе подобій чего-то другого и одобряетъ то, для узаконенія чего не при-

шло время, выражая требованіе какъ бы въ такой формѣ: не дѣлай подобія ничего того, что я не повелѣваю,—но отвращаясь чуждыхъ предметовъ почитанія, которыхъ я гнушаюсь и отвергаю, обращай вниманіе на тѣ, относительно которыхъ я далъ повелѣніе, и которыя приносятъ мнѣ радость и славу. И дѣйствительно, удерживая ихъ сначала законоположеніемъ отъ запрещеннаго, потомъ Онъ побуждаетъ къ построенію скиніи. Въ подобномъ же случаѣ какое распоряженіе даетъ хозяинъ, если онъ хочетъ въ недалекомъ будущемъ дать кому-либо изъ своихъ рабовъ приказаніе или порученіе по выполненію своихъ плановъ?—Сегодня не дѣлать того-то, не отлучаться никуда, не ходить въ поле, не стоять на площади, ибо онъ хочетъ, чтобы рабъ былъ свободенъ и готовъ для выполненія приказаній, которыя ему будутъ даны, такъ какъ завтра, можетъ быть, его придется послать въ такой-то городъ или въ такое-то мѣсто. Нѣчто подобное даетъ намъ понять и рѣчь въ разбираемомъ мѣстѣ. Она какъ бы говоритъ: не сотвори безъ Моего повелѣнія, дабы ты дѣлалъ и думалъ о томъ, что я тебѣ повелю. Послѣ этого дѣйствительно Богъ повелѣлъ тайновидцу сдѣлать скинію и что для нея нужно. Была изготовлена завѣса съ искусно вытканями херувимами. А надъ кивотомъ что сдѣлаешь? Золотыхъ говоритъ, херувимовъ чеканной работы (Исх. 25, 18). И херувимовъ называетъ не образами, а херувимами одноименно съ божественными и премірными существами. И, что всего дивнѣе,—тамъ, говоритъ, я буду открываться тебѣ. Но что славнѣе и честнѣе мѣста богоявленія? Херувимы были столько славны и о нихъ говорилось столько, что ихъ прославлялъ не только Моисей и тогдашніе Іудеи, но и самъ глашатай благодати Па-

велъ, который съ большимъ еще почтеніемъ называется херувимовъ „херувимами славы, осѣняющими чистилище“ (Евр. 9, 5). Объ этомъ подробнѣе говорилось въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Кромѣ доселѣ сказаннаго въ священныхъ законоположеніяхъ Вѣтхаго Завѣта желающіе изслѣдовать дѣло тщательнѣе могутъ найти изреченія подобнаго же содержанія и характера—именно тамъ, гдѣ Израильтянамъ воспрещается изготовленіе идоловъ и приношеній губительному демону, какъ гнусныхъ и отвратительныхъ,—и заповѣдуются все то, что должно быть возносимо Богу, какъ желательное въ цѣляхъ напоминанія о Немъ и воздаянія Ему чести. Такъ въ книгѣ Левитъ написано: *не сотворите себѣ образовъ рукотворенныхъ, ниже изваянныхъ, ниже столпа поставите себѣ, ниже камени поставите въ земли вашей во знаменіе, во еже поклонятися ему: азъ есмь Господь Богъ вашъ* (Лев. 26, 1). Кто настолько неразуменъ, чтобы сомнѣваться въ томъ, что это сходно съ словами: *не сотвори всякаго подобія предметовъ запрещенныхъ*—въ выше-приведенныхъ законоположеніяхъ?

Во Второзаконіи же относительно предметовъ, которые должно посвящать Богу, заповѣдано: *въ оныйже день перейдете Иорданъ на землю, юже Господь Богъ твой даетъ тебѣ во жребій, и поставиши себѣ каменіе велико, и обѣлиши я мѣломъ и напишеша на каменехъ тѣхъ вся словеса закона сего* (Второз. 27, 2). Затѣмъ немного послѣ: *да созиждеша тамо алтарь Господеву Богу твоему, алтарь отъ каменія, да не возложиши на нихъ желѣза: каменіемъ всецѣлымъ да созиждеша алтарь Господеву Богу твоему, и вознесеша на немъ всесожженія Гос-*

¹⁾ Слово въ защиту непорочной, чистой и истинной нашей христіанской вѣры и противъ думающихъ, что мы поклоняемся идоламъ, Гл. 70, сл. въ I т. Твореній Никифора.

подеви Богу твоему. И послѣ этого еще: И напишеш на каменіяхъ силъ весь законъ явъ зѣло (Второз. 27, 5, 7, 8). Никто изъ здравомыслящихъ не станетъ, я думаю, отрицать, что эти слова сходны съ повелѣніемъ: *сдѣлай скинію* и все, что для нея потребно. Въ другомъ мѣстѣ относительно религій языческихъ дано еще такое законоположеніе: *внемли себѣ, да не когда зазѣщаеши зазѣтъ съдѣющимъ на земли, въ нѣже выидеши, да не будетъ соблазнъ въ васъ. Капища ихъ разорите, и кумиры ихъ сокрушите, и дубравы ихъ постыцте, и изваянія боговъ ихъ сожжете огнемъ. Не бо поклонитесь богамъ инымъ* (Исх. 34, 12—13). Но при существованіи такихъ прещеній Іисусъ сынъ Навина по переходѣ чрезъ Іорданъ получилъ отъ Бога повелѣніе, чтобы по числу колѣнъ Израилевыхъ были набраны (со дна Іордана) отъ cadaго колѣна камни, не малые какіе нибудь и ничтожныя, а примѣчательныя и достопамятныя въ будущемъ, дабы, говорить, они были у васъ лежащимъ всегда знаменіемъ и возвѣщали послѣдующимъ поколѣніямъ величіе совершенныхъ для нихъ древле чудесъ и хранили память о нихъ навѣкъ (Ис. Нав. гл. 4). И самъ Моисей получаетъ повелѣніе высѣчь каменные скрижали,—имѣвшія принять Законъ Божій (Исх. 34, 1). Нужно-ли говорить, сколь они были честны и какою славою обладали. Когда при этомъ говорится (Исх. 34, 5), что сошелъ Господь, то это было именно сошествіе Бога. Отъ сего просіяло лицо Моисея такъ, что стало недоступно для видѣвшихъ его. На этихъ именно скрижаляхъ должно было быть напечатлѣно то, что было написано на прежнихъ (разбитыхъ). Послѣднія были начертаны на горѣ и на нихъ было написано божественнымъ перстомъ десятословіе. Законодатель, считая незаконный и жестоковыйный народъ недостойнымъ принять

ихъ, бросилъ и разбилъ ихъ. Кромѣ того Моисею повелѣно было устроить жертвенникъ изъ земли или неотесанныхъ камней, на которомъ законъ повелѣвалъ приносить всесоженія. А что восклицаетъ громкогласно въ Духѣ великій Исаія? *Въ той день будетъ жертвенникъ Господевъ въ земли Египетскѣй, и столпы въ предѣлахъ его Господевы* (Ис. 19, 19).

Здѣсь намъ необходимо обсудить, какое значеніе могутъ имѣть для насъ эти слова. Мы утверждаемъ, что такъ какъ изъ древнихъ безбожниковъ Египтяне были наиболѣе безбожными, служили сквернымъ бѣсамъ, не знали истиннаго Бога, воздвигали образы людей и разныя изображенія неразумныхъ животныхъ и несмысленно поклонялись имъ, какъ богамъ, то божественный пророкъ, провидя чистыми и мысленными очами, что случится съ ними въ явленіе Спасителя всѣхъ насъ Христа, говоритъ, что когда процвѣтетъ божественная евангельская проповѣдь, Египтянъ озаритъ свѣтъ богознанія. И всѣ тѣ гнусности очистятся и упразднятся и вмѣсто нихъ будутъ воздвигнуты и возставлены божественные жертвенники и священные храмы, въ коихъ для украшенія и увѣнчанія ихъ будутъ поставлены изображенія животворящаго креста и боговидныя начертанія пречистаго тѣла Христова. Предсказаніе это уже получило для нихъ благополучное выполненіе: какъ вмѣсто древа древо, вмѣсто храма храмъ, вмѣсто жертвъ жертвы а вмѣсто всего нечистаго и сквернаго явились наши святыни, такъ вмѣсто тѣхъ суетныхъ и гнусныхъ столповъ, выражаясь ближе и примѣнительно къ словамъ пророка теперь изобилуютъ, умножаясь и вызывая почтеніе, во всемъ Египтѣ, какъ и во всей вселенной, всечестные столпы Спасителя, т.-е. изображенія, покланяемая вмѣстѣ съ прочими святынями.

Такъ именно и святые мужи, изъяснявшіе богоноснаго пророка, понимали приведенныя слова ¹⁾. Отсюда рѣчь наша обращается ко временамъ болѣе древнимъ. Посмотримъ, что случилось съ патріархомъ Іаковомъ, когда онъ отправился въ Харранъ. При заходѣ солнца онъ отошелъ ко сну, взялъ камень мѣста того, положилъ его подъ голову и увидѣлъ сонъ. Вставъ отъ сна, онъ сказалъ: истинно Господь присутствуетъ на мѣстѣ семъ, а я не зналъ. Онъ назвалъ его страшнымъ, домомъ Божиимъ и подумалъ, что это врата небесныя. И вотъ поставивъ каменный столпъ, онъ возлилъ елей на верхъ его. И развѣ Богъ отвергаетъ это, какъ представляется беззаконникамъ? Нисколько, но благостно допускаетъ, какъ это видно изъ того, что случилось съ Іаковомъ послѣ: Я вижу, говоритъ, что дѣлаетъ съ тобою Лаванъ. Я Богъ, явившійся тебѣ въ мѣстѣ Божіемъ, гдѣ ты возлилъ елей на памятникъ, и гдѣ ты далъ мнѣ обѣтъ (Быт. 31, 12—13). А что говоритъ по этому поводу великій изъ богослововъ Григорій? „Іаковъ видѣлъ во снѣ лѣствицу и восхожденіе ангеловъ и таинственно помазалъ елеемъ столпъ, можетъ быть для того, чтобы показать Камень, помазанный ради насъ, и далъ мѣсту названіе *видѣнія Божія* въ честь явившагося и прочее, что богословъ говоритъ здѣсь. Кому не станетъ ясно,—какъ научаетъ различіе въ назначеніи одного и тогоже матеріала, напр. камней,—что одно и тоже, возносимое Богу, приличествуетъ Ему и заслуживаетъ почтенія, а посвящаемое бѣсамъ, отвратительно и гнушно. Мы предоставляемъ желающимъ изслѣдовать тщательно, сколько и какихъ изображеній безтѣлесныхъ силъ, находившихся въ знаменитомъ

¹⁾ Подробно Кириллъ Александрійскій въ толкованіи на пр. Исаію.

храмъ, создали мудрость и могущество Соломона, потому что мы подробнѣ говорили объ этомъ въ другомъ мѣстѣ ¹⁾. Богопреданное писаніе открываетъ также, что было показано и явлено божественному Іезекилю (Езек. 41, 18). Кругомъ по стѣнамъ показаннаго пророку расписаннаго храма и на дверяхъ были рѣзныя изображенія херувимовъ и пальмы, и все это было начертано и изображено согласно неложнымъ видѣніямъ пророка. При этомъ пророкъ видитъ и Святое Святыхъ и зданіе, исполненное славы Господней, почему и палъ тогда ницъ. Онъ слышалъ гнѣвное требованіе къ упорному дому Израилеву, чтобы онъ прекратилъ немедленно свои беззаконія и все то, что нарушая завѣтъ Господа, оскверняло святыни,—подобно тому, какъ это мы видимъ и теперь у еще горше беззаконствующихъ и безбожныхъ обращеніемъ оскверняющихъ святыни, святѣйшія прежнихъ. Изъ всего сказаннаго слѣдуетъ заключеніе, что съ одной стороны не все изъ того, что написано относительно такихъ законоположеній, должно быть отвергаемо, а съ другой стороны не все приемо, потому что не все отвратительно и мерзко, но и не все свято и досточтимо. Что отвратительно и что свято и почему, этому научаетъ изреченное свыше Гедону, избранному быть судьей надъ Израилемъ (Суд. 6, 25). Ему было повелѣно уничтожить отцовскій жертвенникъ Ваалу вмѣстѣ съ рощею при немъ, поставить другой Богу и принести жертвы изъ тельцовъ на дровахъ срубленной рощи. Сообразно этому и мы, пріавшіе законоположеніе болѣе святое и досточтимое, если встрѣтится религіозный обычай, противный на-

¹⁾ Слово въ защиту непорочной чистой и истинной нашей христіанской вѣры и противъ думающихъ, что мы поклоняемся идоламъ, гл. 69 въ 1-мъ т. твореній Никифора

шему ученію, подобный тѣмъ сквернымъ и гнуснымъ обыкновеніямъ, которыя можно встрѣтить у Іудеевъ и варваровъ, необходимо должны со всѣмъ рвеніемъ уничтожить его, какъ враждебный намъ. А то, что сообразно со славою Божіею и что представляетъ намъ спасительное домостроительство, какъ дѣло превосходнѣйшее въ нашихъ глазахъ, мы считаемъ достойнымъ почтенія и поклоненія, расходясь въ этомъ съ беззаконниками, которые попираютъ и поносятъ святыни. Все смѣшавъ и спутавъ, они не хотятъ отличать чистое отъ нечистаго, святое отъ сквернаго, ибо въ *злѣхудоужную душу не внидетъ премудрость Божія* (Прем. 1, 4). Въ концѣ концовъ имъ необходимо или въ виду запрещенія: *не сотвори всякаго подобія* отвергать все Богу угодное и приличествующее, или же въ виду требованія *сотвори* принимать и чтить все, требуемое закономъ, и даже предметы поклоненія безбожниковъ и невѣрныхъ, безъ всякаго здраваго размышленія и обсужденія. Или же, наконецъ, они должны,—что соотвѣтствуетъ имъ и желательно,—отвергнуть въ слѣдъ за своими учителями древній и новый законъ во всемъ объемѣ.

41.—„Пусть это будетъ такъ, говорятъ они, но гдѣ узаконено дѣлать подобіе Бога“. На этотъ нелѣпый и странный вопросъ мы отвѣтимъ слѣдующее. Во первыхъ, предлагая такой вопросъ, вы, по видимому, выдвигаете его въ качествѣ прикрытія вашего невѣрія и нечестія. Вѣдь вы такъ разсуждаете не ради того, чтобы говорить что-либо достойное Бога, а для того, чтобы оклеветать божественное домостроительство Спасителя, ибо въ данномъ случаѣ вамъ нѣтъ никакого дѣла до воплощенія. Затѣмъ, необычайность и полнота вашего безумія доказываются слѣдующимъ: вы напрасно браните христіанъ и презрительно взводите

на нихъ обвиненіе въ томъ, чего ни они не думали, ни вы никогда не слыхали—будто они утверждаютъ, что изображаютъ Самого Бога безъ плоти. Но развѣ кто изъ одаренныхъ разумнымъ естествомъ не согласится съ тѣмъ что дѣлать подобіе Бога, какъ Бога, совершенно невозможно и тщетно? Божество ни видимо, ни постижимо. *Бога никтоже видѣ нигдѣже* (Іоан. 1, 18). Даже самъ Моисей, служитель божественнаго закона, хотя онъ былъ объятъ желаніемъ Богоявленія, видѣлъ только славу Божию, которая была явлена ему, когда Богъ уже прошелъ, притомъ скрывшись за скалою,—и едва созерцалъ „*задняя Бога*“, быть можетъ таинственно поучаемый чрезъ это образамъ будущаго богоявленія во плоти. Ибо что говоритъ Богъ? *Не бо узритъ человекъ лице Мое, и живъ будетъ* (Исх. 33, 20). И не укорялъ-ли Богъ, какъ мы читаемъ, древнихъ, усвоившихъ ни къ кому не приложимое имя Бога Вседержителя чтимымъ ими статуямъ и воздававшихъ имъ почтеніе, подобающее одному Богу, гласомъ великаго Исаи: *кому уподобите Господа, и коему подобію уподобите его: еда образъ сотвори древодѣлатель или златарь сліявъ злато позлати его?* (Иса. 40: 18). И пророкъ заслуженно, конечно, угрожаетъ дерзающимъ допускать такое нечестіе, ибо непозволительно думать, чтобы среди тварей было что-либо, чему Онъ могъ бы быть уподобленъ или по естеству, или по славѣ, или по силѣ, или еще въ чемъ-либо. *Славы Моея иному не дамъ ниже добродѣтелей моихъ истуканнымъ* (Иса. 42, 8). Въ самомъ дѣлѣ, кому можно уподобить Того, Кто совершенно незримъ, превыше всякой мысли и постиженія? Съ какими изображеніями рукотворными, изготовляемыми человѣческимъ измышленіемъ и искусствомъ, можно сравнить Его?

Итакъ, только безумцы могутъ предполагать, что христіане, зная это, съ твердыми понятіями о Богѣ, при здоровомъ пониманіи тайнаго и неизреченнаго естества, начертываютъ изображеніе божескаго естества. У васъ, поборниковъ невѣрія и новаго Іудейства, всегда на устахъ слова *Бога никтоже видѣ нигдѣже*. Но вы не терпите слышать или вѣрить говорящимъ: *видѣхомъ Господа, съ Нимъ ядохомъ и пихомъ* (Іон. 20, 25; Дѣя. 10, 41) и прочее, что возвѣщаетъ намъ величайшее снисхожденіе, и отвергаете, какъ чуждый и ненавистный для васъ голосъ. Но если позволительно и намъ спрашивать, дайте отвѣтъ на слѣдующій вопросъ: гдѣ для васъ и когда установлено,—опредѣленіями ли закона, евангельской ли проповѣдью или апостольскимъ ученіемъ—исповѣдывать Христа неописуемымъ, поскольку Онъ явилъ Себя намъ человѣкамъ, и не дѣлать и не поклоняться иконѣ Его, какъ вы теперь учите? На это вы не можете сказать ничего, ибо нигдѣ на это не найдете доказательствъ и такимъ образомъ это, стѣсняющее васъ, отсутствіе (доказательствъ) приумножаетъ нашу побѣду. Даже если вамъ неизвѣстно изначальное и древнее преданіе соборной и апостольской церкви, которое есть самое сильное и достовѣрное доказательство, а также изреченія апостольскія и отеческія, повелѣвающія держать преданія писанья или неписанья, какъ имѣющія одинаковую силу, то всеже изъ подлежащаго спору должно возобладать то, что болѣе благочестиво и что особенно являетъ родство съ вѣрою и любовью ко Христу, которую внушаютъ божественная ревность и пламенное влеченіе. И если то и другое служитъ къ утвержденію и доказательству Церкви Христовой, то тѣмъ большую предоставляется намъ получить побѣду. Итакъ, если постигнуть Бога

совершенно невозможно и немыслимо, то изображать Его еще невозможноѣе и еще болѣе внѣ средствъ искусства, ибо у тварей нѣтъ естества, которое могло бы уподобляться естеству Божію, за совершеннымъ отсутствіемъ образа и формы. На что взирая живописецъ могъ бы изготовить изображеніе? Но теперь мы познали Бога совершенно и истинно воплотившимся, и для тѣхъ, кои желаютъ проявить свою вѣру, предлежитъ образъ для уподобленія, который воспринялъ Пріившій зракъ раба. Вѣдь если невидимое и безобразное, какъ непостижимое, не можетъ быть уподобляемо чему-либо и неизобразимо, то необходимо, чтобы имѣющее образъ и видимое, какъ подлежащее воспріятію, считалось изобразимымъ и уподобляемымъ, для изображенія чего мы не имѣемъ нужды ждать заповѣди, ибо не въ обычаѣ вѣрующихъ дѣлать все только по приказанію, но нѣчто они могутъ дѣлать и по собственному изволенію, что особенно приличествуетъ наиболѣе усерднымъ и ревностнымъ боголюбцамъ и вѣрующимъ. Иначе какъ можетъ проявляться вѣра ихъ?

42.—Если же кто потребуетъ и узаконенія, то для удостовѣренія въ этомъ будетъ тверже указать на самое исполненіе дѣломъ, чѣмъ на повелѣніе словомъ. Для людей, съ благоговѣніемъ относящихся ко всему божественному, не невѣроятнымъ покажется слѣдующій рассказъ. Повѣствуется, что Авгарь, царь Эдесскій, пораженный чудесами, которыя совершалъ Христосъ, и побуждаемый сильнымъ желаніемъ видѣть Его хотя бы въ изображеніи, послалъ нѣкоего живописца, дабы онъ начерталъ божественный образъ и возможно скорѣе доставилъ ему. Такъ какъ живописецъ не достигъ цѣли вслѣдствіе необычайной красоты и блеска лица, то Христосъ Самъ, приложивъ

платъ къ Своему лицу, отпечатлѣваетъ на немъ Свой образъ и посылаетъ царю такъ сильно желаемое имъ изображеніе.

43.—Разсказывается кромѣ того, что когда Спаситель всѣхъ насъ Христосъ родился въ Виѳлеемѣ, то тогдашній владыка Персидскаго народа послалъ нѣкоего славнаго живописца съ тѣмъ, чтобы онъ, начертавъ образъ Рожденнаго и Родившей, доставилъ ему. Пусть знаетъ это невѣрующее сердце! Въ противномъ случаѣ оно не признаетъ и повѣствованія о Персахъ, отправившихся въ такой путь, принесшихъ дары, какъ подобало, Рожденному Царю, руководимыхъ звѣздою; и, что особенно примѣчательно въ этомъ случаѣ и что создавало явную опасность,—Родившагося открыто объявили царемъ именно чужеземцы. Вѣдь если не все записано въ евангельской исторіи, то это не значитъ, что все (незаписанное) недостоверно. Нельзя отрицать и другихъ знаменій, сотворенныхъ Іисусомъ, ибо ихъ было такъ много, что если бы они были описаны подробно, то весь міръ не могъ бы вмѣстить этихъ книгъ (Іоан. 21, 25). Относительно невидимаго, преестественнаго и непостижимаго естества, которое не можетъ подлежать уподобленію, говорится, что *ни гласа его нигдѣже слышасте, ни видѣнія его видѣсте* (Іоан. 5, 37), и *Бога никтоже видѣлъ есть отъ чловѣкъ, ниже видѣти можетъ* (1 Тим. 6, 16), потому что таково свойство божескаго естества, что его нельзя ни видѣть, ни слышать: оно совершенно чуждо образа и звуковъ; *Богъ не взалчетъ, ниже утрудится, ниже есть изобрѣтеніе премудрости его* (Ис. 40, 28). О явленіи же Слова во плоти говорится: *аще не быхъ пришелъ и глаголахъ имъ, грѣха не быша имѣли, и: и видѣша и возненавидѣша Мене и Отца Моего* (Іоан. 15, 22, 24). А что говорятъ божественные

ученики? *Еже бѣ исперва, еже видѣхомъ и руки наша осязаша, о словеси животнѣмъ* (1 Іоан. 1, 1). И *видѣхомъ Господа, съ ними ядохомъ и пихомъ* (Дѣян. 10, 4), что имѣло мѣсто послѣ воскресенія изъ мертвыхъ. По закону тѣмъ Онъ утруждался, алкалъ и жаждалъ. И: *посла Богъ Сына Своего рождаемаго отъ жены* (Гал. 4, 4). И *Богъ явися во плоти*, (1 Тим. 3, 26) пострадалъ въ ней и возсталъ, обновивъ обветшавшее подъ тяжестію грѣха естество.

44.—Такъ и мы Самого Уподобившагося намъ во всемъ кромѣ грѣха, соотвѣтственно явленному животворящему и пресвятому виду Его, изображаемъ и съ вѣрою и богоприлично покланяемся Ему, какъ громко вѣщаетъ древній въ церкви сохраняющійся святой обычай. Почему же эти подобія не должны быть покланяемы и почитаемы?—Ради времени, говорятъ, потому что не издревле поклоненіе имъ было принято. Но если иконамъ не должно, по ихъ мнѣнію, поклоняться ради времени, то по нашему ихъ слѣдуетъ почитать какъ разъ именно по этой причинѣ, ибо Манихеи и Аріане,—родоначальники теперешнихъ новшествъ,—въ древности, видя это поклоненіе и стараясь упразднить его, порицали покланявшихся вѣрующихъ и скрѣпили своею подписью рѣшеніе уничтожить это. Объ этомъ свидѣлствуютъ книги, которыя имѣютъ у себя ихъ руководители. Если же они не внимаютъ ни своимъ учителямъ, ни нашимъ и не принимаютъ того, что видятъ собственными глазами, то ясно, съ кѣмъ нужно сопричислить ихъ. Но даже замыкая уста свои въ виду всего сказаннаго, нечестивцы не оставляютъ своего безстыднаго ученія, а напротивъ приводятъ еще нѣчто другое, болѣе неразумное и бессмысленное.

45.—Когда кто-либо изъ православныхъ, бесѣдуя

съ ними, скажетъ, что подобаесть чтить священные символы, такъ какъ все пребывающее въ священныхъ храмахъ свято, а равно-что находящiеся на престолѣ и въ другихъ мѣстахъ храма изображенiя на одеждахъ и другихъ тканяхъ, какъ святые и спокланяемыя съ тѣми символами, изготовлялись христіанами издревле, то что обыкновенно говорятъ не желающіе различать между святымъ и сквернымъ? „На этихъ изображенiяхъ мы видимъ звѣрей, скотъ, птицъ и другихъ животныхъ; мы покланяемся святынямъ, какъ святынямъ, но не этому всему ради святыхъ. Такимъ образомъ когда мы взираемъ на изображеніе, ты чтить святыню, но не изображеніе; посему безъ нея (святыни) изображеніе не должно быть почитаемо.“ На это можно сказать, что во всемъ этомъ дѣло идетъ не объ одномъ и томъ же. Изображенiя животныхъ находятся въ алтарѣ не для прославленiя и поклоненiя, а для украшенiя тканей, на которыхъ они вышиты. Случается, что эти ткани приносятся любовію и усердіемъ вѣрующихъ, какъ священные дары. И если кто поклоняется святынямъ, то дѣлаетъ это имѣя въ виду не скотъ или звѣрей, ибо знаетъ, что изъ этого ничего хорошаго не выйдетъ. Относя честь къ святынямъ, онъ этимъ изображенiямъ не удѣляетъ ничего, кромѣ разсматриванiя. А съ священными изображенiями дѣло не такъ. Почему же? Такъ какъ они святы сами по себѣ и приводятъ на память святые первообразы, то они покланяемы вмѣстѣ со святынями и не только съ ними, но могутъ быть чтимы и внѣ святыхъ храмовъ. Оказываешь же ты почтеніе въ храмахъ изображенiямъ осла, пса и свиньи, а между тѣмъ ты радуешься, когда сожигаешь святой храмъ вмѣстѣ съ иконой Христа. И ты не трепещешь, дерзая на это и пока-

зывая этимъ, что напрасно усвояешь себѣ имя христіанина? А что могутъ сказать эти люди съ поврежденнымъ умомъ и обдѣленные умственными дарованіями относительно изображеній полагаемыхъ на священныхъ оградахъ и такъ называемыхъ солеяхъ, на столбахъ и вратахъ и предъ святымъ алтаремъ? Ради ли только украшенія и пышности христіане устроили это, или же видѣла въ этомъ необходимую принадлежность храмовъ? Зная, что эти мѣста суть мѣста поклоненія, не ради-ли поклоненія они устроили тамъ изображенія?

46.—Совершенно справедливо нѣкогда пророческое слово выставляло на позоръ ихъ безуміе и тупость: далъ имъ Богъ очи не видѣть и уши не слышать, дабы видя не видѣли и слыша не разумѣли (Иса. 6, 9). И огрубѣла мысль ихъ, омрачились и осуетились въ умствованіяхъ своихъ (Рим. 1, 21). Они изслѣдуютъ вопросы, по которымъ у христіанъ никогда не было ни изысканій, ни сомнѣній. Не смотря на то, что истина очевидна и извѣстна всей вселенной, эти безумцы противятся собственнымъ глазамъ и очевидности и требуютъ доказательствъ того, что видятъ сами и что происходитъ предъ глазами. Они дѣлаютъ нѣчто подобное тому, какъ еслибы кто, видя восходъ солнца на востокъ и всюду разсѣянные лучи, сталъ бы недоумѣвать, наступаетъ-ли день; или еслибы кто, плавая по морю или переправляясь черезъ рѣку, потребовалъ бы у плывущихъ доказательства и сталъ сомнѣваться, есть-ли вода въ морѣ и рѣкѣ. То, въ чемъ не могутъ сомнѣваться не видящіе этого свѣта и чего не испытывали даже страдающіе головокруженіемъ отъ опьяненія и шатающіеся, часто думая что вещи, стоящія на мѣстахъ и никогда не двигающіяся, ходятъ кругомъ, эти опьяненные

виномъ невѣрія, съ омраченною душею, увлекаемые земными страстями, плѣненные мірскими обманчивыми ученіями и плотскими удовольствіями, испытали въ наиболѣе худшей и ужасной степени.

47.—Если для изслѣдованія вопроса прибавить еще немного къ сказанному, то можно будетъ судить, правильно-ли они усвояютъ себѣ имя христіанъ. Мы всѣ знаемъ, что какъ икона Христа вмѣстѣ съ видомъ Христа переносно получаетъ и самое названіе Его, такъ и христіанинъ получаетъ имя отъ первообразнаго имени Христа, а равно и образъ поведенія, которое отличаетъ его и которое, насколько возможно, проявляется въ подраженіи (Христу) и жизни. Итакъ, исходя изъ одного начала и какъ бы корня—Христа, они сохраняютъ связь и отношеніе другъ къ другу. И хотя по существу и по способу бытія въ нихъ мы видимъ различіе, однако они причастны къ одному и тому же имени; омонимически имя Христа прилагается къ нимъ обоимъ. Если такое общеніе и связь съ иконою, которая въ отношеніи названія имѣетъ одинаковый съ ихъ именемъ источникъ происхожденія, удерживается ими, и они воздаютъ честь своему омониму, то имя христіанъ должно принадлежать и имъ. Если же они поступаютъ вопреки этому и всячески безчестятъ и безславятъ имя Христа и свое, находящіяся во взаимномъ отношеніи, то какъ могутъ они присвоить себѣ имя Христіанъ?

48.—А что они вслѣдствіе этого отмечаютъ и первообразъ, объ этомъ даетъ понятъ послѣдовательность разсужденія и существо дѣла. Вѣдь отрицаніе и уничтоженіе одного однороднаго и подобоименнаго раторгаетъ и ихъ единеніе между собою и общеніе въ имени. Они испытываютъ нѣчто подобное тому, какъ еслибы шелъ вопросъ о двухъ мальчикахъ, происхо-

дять-ли они отъ одного тогоже отца, при чемъ одинъ изъ нихъ, сохранившій неизмѣнными черты отца и носящій неизгладимое сходство съ родившимъ, по справедливости былъ бы признанъ законнымъ сыномъ, а другой, не имѣющій ничего этого, вѣроятно, былъ бы признанъ незаконнымъ и чужимъ. По справедливости незаконными должны быть признаны и эти христіане, отгнанные отъ наслѣдія Христа и Его стада. Напрасно они присвояютъ себѣ ни въ какомъ случаѣ не приличествующее имъ имя въ то время, какъ слово *неописуемый* даетъ имъ благовидный предлогъ для упраздненія съ ихъ точки зрѣнія домостроительства Христова, а на самомъ дѣлѣ для пагубленія ихъ душъ.

49.—Что же скажутъ они о другихъ священных изображеніяхъ—Пресвятой Дѣвы Богоматери и другихъ святыхъ, отъ вѣка благоугодившихъ Богу? Неужели и здѣсь выступить неописуемость? Или будутъ утверждать, что святые состоятъ изъ естества божескаго и человѣческаго? Здѣсь уже нельзя говорить, что божество описывается вмѣстѣ съ человѣческимъ естествомъ, или что плоть отдѣляется и единая ипостась раздѣляется, а также что вслѣдствіе изображенія или описанія соединеніе распадается. Эти безумные говоруны должны обратиться къ составленію другихъ изобрѣтеній и чудовищныхъ издѣвательствъ, ибо для нихъ нѣтъ ничего болѣе пріятнаго и сподручнаго, какъ пускаться въ неумѣстныя и незаконныя разсужденія и увлекаться всѣмъ, что невѣроятно и неугодно Богу.

50.—Каково же мнѣніе ихъ по этому вопросу? Такъ какъ они не въ состояніи придумать что-либо полезное или изобрѣсти доводъ подходящій къ ихъ нечестію и злоумышленію, то они просто ссылаются на свое рѣшеніе совершенно въ духѣ ихъ неразумія и

говорятъ: „такъ какъ отвергнуто и упразднено почитаніе иконы Христа, то естественно должно прекратиться и почитаніе иконъ святыхъ; впредь оно не должно быть даже удостоиваемо упоминанія“. Благо- временно можно теперь сказать: „если домовладыку назвали Веельзевуломъ, не тѣмъ ли болѣе домашнихъ его?“ (Матѣ. 10, 25). Такъ говорятъ нынѣшніе Іудеи, помѣнявшись языками съ Іудеями древними. Если такъ они относятся ко Христу, то какой мерзости они не въ состояніи сдѣлать противъ святыхъ Его? По истинѣ это вполнѣ въ духѣ ихъ беззаконія, ихъ дерзости и безстыдства въ отношеніи къ святымъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ однако это же обстоятельство является лучшимъ доказательствомъ неизреченной любви святыхъ ко Христу, узами которой они связаны съ Нимъ, никогда не отдѣляясь отъ Него, ибо и здѣсь, въ этой жизни, они были свидѣтелями страданій Христа и общниками животворящей смерти Его, до крови противостоявшими грѣху, и теперь, по отшествіи изъ этой жизни, они оказались причастниками недавно поднятаго на Христа гоненія и преслѣдованія. Какъ тогда тѣлами своими они состояли и мужественно боролись ради Пострадаващаго за насъ тѣломъ, подражая смерти, которую Онъ претерпѣлъ ради общаго нашего спасенія, такъ и теперь претерпѣваютъ тоже по той же причинѣ. Иконы подобно первообразамъ и вмѣстѣ съ ними переносятъ такое же безчестіе и поруганіе, снова страдаютъ съ ними, дабы опять быть прославляемыми съ ними и снова принимать честь вслѣдствіе общности безчестія. Чтобы намъ, почитателямъ мучениковъ, усладиться воспоминаніями о нихъ, нѣсколько замедлимъ слово, подобно тому какъ любители посмотрѣть и послушать нелегко уходятъ съ увлекательныхъ для нихъ

зрѣлищъ и представленій, хотя иногда чрезъ это они упускаютъ свои дѣла, ибо удовольствія зрѣнія и слуха обычно увлекаютъ чувства любителей и удаленіе отъ нихъ дѣлаютъ весьма труднымъ.

51.—Святые, какъ подражатели Христа, уязвленные въ душѣ любовью ко Христу, готовые идти въ слѣдъ Его, насколько то возможно людямъ, окрыляемые вѣрою, съ твердымъ упованіемъ, восхищая будущее, какъ настоящее, отвергли все земное, какъ скоропреходящее и тлѣнное, презрѣли сокровища и самыя тѣла. Возлюбивъ небесное жителство, они искали небснаго и высшаго. По любви къ Творцу они считали все соромъ, какъ говоритъ глава мучениковъ (Филип. 3, 8). Такъ подъявъ крестъ и взявъ всеоружіе духа, защищенные броней вѣры, принявъ щитъ упованія, надѣвъ шлемъ спасенія, пріявъ свыше силу, поревновавъ страстямъ Христовымъ, храбро сражаясь, они показали себя непобѣдимыми воинами великаго Царя и мужественнѣйшими борцами. Такимъ образомъ они воздвигли памятникъ побѣдъ надъ заблужденіемъ, совершенно сокрушили сооруженія врага, разсѣяли всѣ его силы, истребили огнемъ всѣ его стрѣлы, мужественно низложили всю державу его, пренебрегли всѣ ухищренія и угрозы служителей лукаваго, презрѣли всю ихъ жестокость и ругательство, благородно и мужественно противопоставъ всѣмъ его кознямъ. Поистинѣ съ твердымъ и непреклоннымъ влеченіемъ къ Богу претерпѣвая постигавшія ихъ мученія какъ бы въ чужихъ тѣлахъ, они переносили труды какъ бы съ забвеніемъ естества. Проходя поприще вѣры противъ многобожнаго заблужденія, ввергаясь въ огонь, какъ въ росу, не боясь челюстей и ярости страшнѣйшихъ звѣрей, острыхъ мечей и когтей, не взирая на усѣченіе и урѣ-

заніе плоти, они не обнаруживали ужаса, къ орудіямъ казни, шли сами, все выдерживая съ наслажденіемъ, все претерпѣвая, взирая на одно, поспѣшая къ наградѣ вышняго званія, не считая страданія настоящей жизни достойными имѣющей открыться славы. Дерзая на все это, побѣждая смерть, сражаясь за вѣру, они оказались людьми, презрѣвшими угрозы тирановъ; ибо укрѣплялись именемъ Божиимъ, которое они пронесли предъ народами и царями.

Выдерживая такіа мученія, они становились сильнѣе; эти преслѣдованія и опасности укрѣпляли ихъ. Посему они превозмогли искушенія и скорби, никогда не отступая предъ угрозами и устрашеніями. Они весьма дерзновенно обличали безуміе гонителей, заставляли поникать головы беззаконныхъ, вынуждали морщить брови безбожниковъ, принимая мученія отъ неистовствующихъ, какъ драгоценныя сокровища, считая ихъ скорѣе наслажденіемъ, чѣмъ наказаніемъ. Такъ они оказались упразднителями заблужденія, шествуя тѣснымъ и скорбнымъ путемъ, непроходимымъ и недоступнымъ для большинства, и достигли пространнаго и блаженнаго, уготованнаго, имъ предѣла. Побѣдоносные мученники, сожигаемые въ печи мученій, оказавшись подобными чистому золоту и пресвѣтлыми, блистають, свѣтятъ сильнѣе солнца и сіяють паче звѣздъ. Достигнувъ совершенства исповѣданіемъ Христа, они явили себя предъ Нимъ жертвами духовными и совершенными, принесли себя Богу въ жертву угодную и пріятную, благопріятную, благоухающую воню духа, въ жертву всесожженія. Ихъ дерзновенію дивились даже ангелы, ихъ подвигамъ изумлялись премірныя силы, потомучто съ смертнымъ тѣломъ они обращали въ бѣгство невидимыхъ враговъ, одерживали побѣды надъ непріате-

лемъ, уничтожали незримыя полчища и ставили блестящіе трофеи надъ врагами. Этому радуется и этимъ прославляется Богъ, и этому сорадуются и соусплаждаются небесные ангелы; а діаволъ вмѣстѣ съ отпадшими силами постыжается, оплакивая свое паденіе и пораженіе. Мудрые и всеславные мученики, явивъ себя побѣдителями заблужденія, оказались непоколебимыми башнями нашей вѣры, столпами и утвержденіемъ церкви, опорой и неподвижнымъ основаніемъ вѣры, великою славою и украшеніемъ насъ вѣрующихъ. Какъ блестящіе духовные свѣтильники, они освѣщаютъ концы міра, блистая лучами подвиговъ и вѣры. О, неборимая вѣра, неизреченная любовь, непреложное упованіе! О, ангельское дерзновеніе мужественной души! О, возвышенныя и небесныя мысли, усердіе и ревность, препобѣдившая естество и превысившая твореніе! Чему прежде дивиться намъ, повергнутымъ въ изумленіе? Подателю-ли силы Богу или рѣшимости избранныхъ, необычайности божественныхъ даровъ или величію духа святыхъ? И то и другое побѣждаетъ естество и слово. Съ пророкомъ взываемъ: *святѣмъ, иже суть на земли его, удиви Господь вся хотѣнія своя въ нихъ* (Пс. 15, 3), потому что и Онъ дивенъ въ нихъ, потому что превзошедши всю тварь, они соединились съ единымъ Творцемъ и Создателемъ. Такъ они содѣлались свѣтлымъ, чистымъ, прозрачнымъ зеркаломъ Божиимъ; чисто воспринявъ божественный лучъ въ свои чистѣйшія души, они стяжали богоподобіе. То, что Богъ есть по естеству, они унаслѣдовали пріобщеніемъ и благодатію, содѣлались жилищемъ Бога, божественными и блестящими храмами, согласно пророческому изреченію: *вселюся въ нихъ, и похожду, и буду имъ Богъ, и тѣи будутъ мнѣ людіе* (Лев. 26, 12; 2 Кор. 6, 16).

Славно выдержавъ славное состязаніе, сохранивъ вѣру, теченіе совершивъ, побѣдивъ и поправъ міръ и міродержителя, совершивъ выгодную куплю, перемѣнивъ непрочное и преходящее на всегда пребывающее, достопобѣдные свидѣтели истины за эти мужественныя дѣянія и подвиги раздаятелемъ награды Богомъ удостоиваются неувядаемыхъ вѣнцовъ и во вѣкъ соцарствуютъ со Христомъ. Они сонаслѣдовали со Христомъ и, получивъ жребій безсмертія, живутъ въ немъ жизнью непрестанною и вѣчною, озаряемые безсмертнымъ свѣтомъ, украшаемые божественною красотою, увеселяясь вмѣстѣ съ вышними силами. И что можетъ быть выше, какъ пребывать съ Богомъ, наслаждаться блаженствомъ, удостоиваясь высшей славы и блеска? И хотя теперь, по видимому, сокрыта жизнь ихъ, но *егда Христосъ явится, животъ вамъ, тогда и вы съ нимъ явитесь въ славу* (Колос. 3, 4). Ибо Богъ мучениковъ есть Богъ Авраама, Исаака и Іакова, Богъ не мертвыхъ, а живыхъ, какъ написано (Лук. 20, 38). Итакъ, *души праведныхъ въ руку Божию, суть, ниже коснется ихъ мука* (Прем. 3, 1), и хотя въ глазахъ этихъ безумцевъ они представляются умершими, исходъ ихъ считается бѣдственнымъ и отшествіе отъ насъ погибелью, но они пребываютъ въ мирѣ. Они не умерли, но живутъ, и смерть ихъ есть скорѣе честный сонъ, чѣмъ смерть, и они не въ землю зарыты, а вознесены на небо. Удалившись отъ тлѣннаго и преходящаго, они переселились въ другую жизнь не увядающую и вѣчную. Посему въ ежедневныхъ пѣснопѣніяхъ нашихъ, въ концѣ одной пѣсни, воспѣвая нѣчто приличествующее праведникамъ, какъ живущимъ въ Богѣ, говоримъ: *благословите, души и души праведныхъ, Господа* и т. д. А наши противники не могутъ пѣть Господню пѣснь на землѣ чужой,—

ибо далеко отстоятъ отъ нашего священнаго сонма, если только они считаютъ праведниковъ умершими.

52.—Но то было прежде. А теперь праведники, чрезъ посредство своихъ священныхъ изображеній раздѣляя общія со Христомъ гоненія и уподобляясь Ему въ страданіяхъ, какъ бы за двойныя страданія и мученія должны быть увѣнчиваемы и двойными наградами и снова во второй разъ должны прославиться, и какъ мученики при жизни и какъ мученики на иконахъ. Итакъ, зная ихъ какъ присныхъ и слугъ Божіихъ, ибо имъ именно сказалъ Богъ всяческихъ: *не ктому васъ глаголю рабы, но други* (Іо. 15, 15), и *даде имъ область чадомъ Божиимъ быти* (Іо. 1, 12), мы должны дивиться ихъ любви и вѣрѣ въ Бога и увѣнчивать ихъ высшими почестями. Мы украшаемъ храмы ихъ, прославляемъ подвиги, чтимъ святыя мощи ихъ, поклоняемся ихъ честнымъ иконамъ, ибо по истинѣ честь отъ образа восходитъ къ первообразу, а честь, воздаваемая вѣрнымъ рабомъ, свидѣтельствуесть о преданности общему Владыкѣ, какъ говорятъ учителя церкви. Отсюда, мы твердо уповаемъ и вѣримъ въ это, намъ подается освященіе, отпущеніе грѣховъ и избавленіе отъ напастей. Здѣсь на землѣ мы видимъ, какъ изгоняются бѣсы, исцѣляются болѣзни и исчезаютъ тѣлесныя и душевныя немощи притекающихъ съ вѣрою, ибо надъ всѣмъ Владычествующій далъ имъ власть попираť змѣй и скорпіоновъ и всякую враждебную силу, исцѣлять всѣ недуги и немощи (Лук. 19, 20). Почему, пріавъ силу Духа, они блещутъ чудесами и знаменіями,нося въ себѣ благодатный источникъ, изливающій всѣмъ обильно исцѣленія. Что можете сказать на это всѣ враги святыхъ? Они достойны почитанія и прославленія за эти подвиги, превышающіе умъ и слово, выходящіе,

мы знаемъ это, за предѣлы человѣческаго естества. Равнымъ образомъ не могутъ быть ложны и обѣтованія о нихъ, древле данныя: *прославляющіе мя прослаблю* (1 Цар. 2, 30), говоритъ слово истины. Какимъ образомъ? Съ одной стороны многими и высокими словами и дѣянiями, доставляющими подобающую имъ похвалу и прославленіе, а съ другой не менѣе чрезъ честныя священныя изображенія, о чемъ печемся мы вѣрующіе почитатели мучениковъ. Почитайте ихъ подвиги, чествуйте ихъ память, дивясь славнымъ ихъ дѣянiямъ, ибо предъ ними стыдились даже звѣри, нерѣдко погасалъ огонь, ломалось и тупилось желѣзо, разрушались орудія пытокъ; даже силы природы, какъ сорабы, преклонялись предъ преданностію святыхъ общему Владыкѣ.

53.—Или это вамъ не нравится? И вы гнушаетесь молитвами святыхъ и вырываете священные престолы божественныхъ алтарей, чтобы услаждаться сожженіемъ мощей святыхъ, какъ это дѣлалъ и училъ наставникъ вашъ Мамона? Вы загрязняете честныя храмы ихъ, наполняя ихъ всякими отбросами и мерзостями, мараєте и скверните святыни вмѣстѣ съ священными на нихъ изображеніями, которыя представляютъ мужественные и славные ихъ подвиги, блистающіе начертаніемъ одинаково въ книгахъ, въ храмахъ, на доскахъ, дабы взирающіе на нихъ располагались соревновать ихъ богоподобному жителъству. Предавая нѣкоторыя изъ этихъ книгъ огню, вы старались показать пепелъ и золу, дабы такимъ образомъ истребить самую память о нихъ. Надругаясь надъ святыми,—какъ легко понять истину изъ находящаго каждому желающему,—какихъ ужасовъ и странностей не совершили бы они въ отношеніи къ нимъ, еслибы они жили въ одно съ ними время? Раз-

вѣ тогда не выступило бы ихъ противленіе вѣрѣ въ болѣе худшемъ и жестокомъ видѣ и въ сильнѣйшей степени, чѣмъ въ настоящее время?

54.—Но они дѣлаютъ видъ, что не предпринимаютъ ничего нечестиваго противъ храмовъ, и обманываютъ самихъ себя, говоря: „храмы святы по причинѣ совершаемыхъ въ нихъ жертвоприношеній, а также священныхъ молитвъ и призываній, возносимыхъ при ихъ основаніи“. Развѣ они не поражены безсмыслиемъ и совершенною тупостію, если не понимаютъ, что благодать освященія и присутствіе Св. Духа простираются на весь храмъ: *Богъ не мѣрою даетъ Духа* (Іо. 3, 34)? Нельзя представлять дѣла такъ, что одна часть храма наполнена благодатію, а другая лишена ея. Онъ весь является святымъ и священнымъ или весь гнуснымъ и нечистымъ. Но ты, почитатель неописуемости и ненавистникъ мучениковъ, описывая (ограничивая *περιγράφον*) освященіе, безумно отнимаешь цѣлое, лишая его именно и того, что, если нужно говорить прямо, всего болѣе ему принадлежитъ, ибо иконы причастны благодати еще и другимъ образомъ. Подобно тому какъ храмы принимаютъ названія отъ святыхъ, такъ и изображенія послѣднихъ чрезъ подписание носятъ ихъ названіе и посему освящаются, если только въ твоихъ глазахъ Христосъ есть достовѣрный и неложный свидѣтель, уясняющій силу и благодать имени въ словахъ: *именемъ Моимъ бѣсы ижденутъ* (Марк. 16, 17) и слѣдующее за этимъ, и: *пріемляй пророка во имя пророче, мзду пророку пріемлетъ и пріемляй праведника во имя праведниче, мзду праведнику пріемлетъ* (Мѣ. X. 41). Отсюда прибѣгающій въ храмъ мученика въ тоже время приступаетъ и къ его иконѣ. И тотъ и другая суть созданія, и благодать въ обоихъ одна и таже. И притекающій съ вѣ-

рою получить освященіе по вѣрѣ своей. И такъ, если святы храмы и все въ нихъ свято и досточестно, то по необходимости свято и досточестно и изображеніе святого, и ничего здѣсь нѣтъ сквернаго и нечистаго, Если же ты эти изображенія называешь скверными, то скверны и храмы, ибо освященіе обще и простирается на все. Въ противномъ случаѣ иконы будутъ нуждаться въ иномъ благодѣтельствovanіи, въ иной закладкѣ, молитвахъ, освященіи, будутъ ожидать явленія иного Духа. Если ты ради одного низвергаешь другое, то ясно показываешь, что ты врагъ святыхъ, и врагъ самый суровый и жестокій, такъ какъ для тебя тяжело видѣть святыхъ даже на иконѣ. И именно потому ты разрушаешь храмы, низвергаешь и лишаешь украшеній, что они святы. Развѣ самъ ты не подтверждаешь свою ненависть и вражду ко святымъ? Противъ воли ты показываешь, что существуетъ тѣсная связь и отношеніе ихъ другъ къ другу., т. е. священныхъ храмовъ и божественныхъ иконъ, потому что они разрушаются и подвергаются гоненію вмѣстѣ, равно какъ раньше христіане устроили и почитали ихъ одновременно.

55.—Послѣ того, какъ ты такимъ образомъ выказалъ себя непримиримымъ врагомъ Христа и святыхъ, тебѣ естественно тоже думать и говорить и о символахъ небесныхъ и безплотныхъ силъ. Если уничтожены изображенія Христа, то слѣдуетъ съ ними уничтожить и упразднить и эти символы, дабы ясно было и отсюда, что ты болѣешь невѣріемъ и безбожіемъ Маркіона и Манеса, что ты умѣешь ругаться и издѣваться надъ Писаніемъ Ветхаго и Новаго Завета, отвергать и вычеркивать многое изъ него, поносить глаголавшаго въ немъ Бога и,—не говоря о прочемъ,—тѣхъ херувимовъ, которые были сдѣланы

изъ чистаго золота по повелѣнію владычествующаго надъ всѣмъ Бога, слиты по прошенію Моисея, которые суть и именуются славными, честными, святымъ святыхъ, а также не менѣе возвеличиваются апостольскимъ словомъ (Евр. 9, 5) и вмѣстѣ съ прочимъ называются оправданіями служенія, его символами и уставами, о чемъ подробнѣе мы говорили въ другомъ мѣстѣ.

56.—Теперь же довольно для тебя прибавить слѣдующее. Такъ какъ ты выказалъ большую неблагодарность и непокорность, чѣмъ Іудеи, попирая божественныя повелѣнія и издѣваясь надъ ними, то тебѣ нельзя считать и называть себя христіаниномъ. Развѣ можно зачислять въ ряды христіанъ тѣхъ, для кого неубѣдительно апостольское ученіе, кого не привлекли требованія законодателей и пророковъ, кого не страшатъ повелѣнія и заповѣди самого Бога? Если бы кто-либо могъ убѣдить тебя стать христіаниномъ, то не было бы нужды въ разсужденіи объ иконахъ Христа и святыхъ. Ты вѣрилъ бы, что слово Божіе воплотилось и содѣлалось тѣлеснымъ, вочеловѣчилось истинно, а не видимо только и призрачно. Ты приглашалъ бы, что тѣло Его описуемо, и относительно священныхъ символовъ нашей вѣры у тебя не было бы никакого сомнѣнія. Но ты только на словахъ и концомъ языка притворно прикрываешь себя именемъ христіанина, на дѣлѣ же совершенно отвергаешь домостроительство Христова, какъ о томъ громкогласно свидѣтельствуютъ дѣла рукъ твоихъ. Между тѣмъ для насъ и для всѣхъ людей, имѣющихъ страхъ Божій, и наученныхъ поклоняться и почитать святыни, изъ писаній Моисея и боговдохновенныхъ реченій ясно, что живописуются и изображаются даже ангелы. И въ этихъ иконахъ, какъ святыняхъ, яв-

ляется Богъ. *И познанъ*, говоритъ, *буду тебѣ отпуду* (Исх. 25, 22). Вслѣдствіе этого иконы покланяемы и святы. Если же изобразимы существа премірныя и близкія къ Богу, то ясно, что и силы, стоящія ниже, могутъ быть изображаемы и въ начертаніяхъ могутъ быть христіанами покланяемы и почитаемы, какъ святыни.

57.—Такъ какъ иконоборцы не упускаютъ ничего безбожнаго и нелѣпаго, чего бы они по измышленіи не пустословили и не дѣлали противъ православной вѣры, — ибо разъ объятые Манихейскимъ неистовствомъ, они извергаютъ изъ своего сердца безумныя порожденія и какъ сумасшедшіе въ качествѣ служителей лжи не устрашились именовать лжеименными образы истины, сохраняющіе для насъ память объ истинномъ, приписывая ложь самимъ первообразамъ, то мы не считаемъ уклоненіемъ отъ цѣли прибавить къ раннѣйшему нижеслѣдующее, ибо въ такомъ случаѣ будетъ вполне ясно, какъ можно изобличить ихъ безуміе и ухищренія. Противоборствуя Святому Духу, они не допускаютъ никакихъ рѣчей о возвышенномъ, стараясь этимъ путемъ истребить память о Христѣ и святыхъ, хотя бы имъ приходилось становиться въ противорѣчіе со боговдохновенными реченіями.

58.—Что слово *образъ* древнее, предшествовало появленію человѣка и даже было употреблено при его твореніи, какъ главное, это мы можемъ видѣть изъ нижеслѣдующаго. Что говоритъ Богъ всяческихъ? *Сотворимъ человѣка по образу нашему и по подобію* (Быт. 1, 26). Таково было первое слово Бога, восхотѣвшаго создать наше естество. Послѣ этого сказано: *и сотвори Богъ человѣка, по образу Божію сотвори его*. Въ послѣдующемъ за этимъ сказано: *роди Адамъ Сива по виду своему и по образу свдему* (Быт. 5, 3).

Опуская другое, укажемъ на то, что отдѣлено большимъ промежуткомъ времени, но согласно съ настоящимъ значеніемъ слова и его смысламъ. Послушаемъ то, что говоритъ Павелъ: *якоже облакохомся во образъ перстнаго, да облечемся и во образъ небснаго* (1 Кор. 15, 49).

Я думаю, что этого достаточно и нѣтъ нужды въ болѣе долгихъ разсужденіяхъ для доказательства предмета нашей рѣчи, ибо что можетъ быть достовѣрнѣе словъ Моисея и Павла? Пусть отвѣтятъ намъ отвергающіе это имя, отрицающіе, что они сотворены по образу Божію, и непричастные поэтому благодати, на слѣдующій вопросъ: если все, къ чему прилагается это названіе, честно и славно, по причинѣ славы того, къ чему оно относится, то почему же они расточаютъ самое полное безславіе и презрѣніе въ отношеніи къ иконамъ Христа и святыхъ? Начиная рѣчь нашу съ наиболѣ возвышеннаго, съ самой Троицы, мы видимъ, что Сынъ Божій вмѣстѣ съ Отцомъ называется Богомъ, чтится и прославляется въ ряду прочихъ именованій и какъ образъ Его. *Иже есть*, говоритъ Павелъ, *образъ Бога невидимаго* (2 Кор. 4, 4). Богословы придаютъ этому слову особенно важное значеніе и любятъ употреблять его. Неужели богоборцы дерзнуть ради наименованія образомъ лишать Сына Отчей славы и единенія съ Нимъ въ естествѣ? Но равнымъ образомъ и божественный ангелъ есть образъ Божій, зеркало чистое, незапятнанное, ясное. Отсюда достаточнымъ и ангелъ, а равно и человѣкъ, сотворенный по образу Божію и называемый образомъ Божіимъ. Именно поэтому ему воздается честь, поэтому онъ обладаетъ способностію самоопредѣленія и, отличаясь отъ прочихъ животныхъ, надъ всѣми господствуетъ. Впрочемъ то, что

называется и составляет образъ Божій въ человѣкѣ, не видимо,—его можно назвать или умомъ, или началомъ управляющимъ и господствующимъ, —такъ какъ и самый первообразъ сего не подлежитъ воспріятію.

59.—Кромѣ того и наши іереи, являя собою подобіе премірныхъ силъ и чиновъ, ибо изображаютъ ихъ во время божественной литургіи и прочихъ божественныхъ пѣснопоевій, ими совершаемыхъ, именно поэтому пріемлютъ честь отъ всѣхъ благочестивыхъ и благомыслящихъ. И въ остальномъ строй и порядки церковные являются подражаніемъ и отображеніемъ небеснаго. И скинія законодателя Моисея со всѣмъ, что въ ней было, согласно его распоряженію, была воспроизведеніемъ и подобіемъ небесныхъ и прочихъ твореній.

60.—Равнымъ образомъ и самыя священныя книги суть образы рѣчей ихъ составителей. Благодаря имъ, послѣдніе говорятъ и въ свое отсутствіе; близость между ними столь велика, что книги прямо носятъ названіе составителей. Такъ святую книгу апостоловъ мы называемъ Апостоломъ; книгу пророковъ равнымъ образомъ именуемъ Пророкомъ, также книгу евангелистовъ. О святыхъ храмахъ мы говоримъ не всегда въ отношеніи къ кому-либо, а большею частію безотносительно называемъ ихъ именемъ того, кому они посвящены, вслѣдствіе общенія и родства въ имени. Тоже имѣетъ мѣсто и съ образами земныхъ владыкъ, чтимыхъ подданными такъ, что и Христосъ воздалъ честь изображенію Кесаря. И невозможно указать ничего, что относилось бы къ другому, какъ къ главному, и что поэтому именно не получало бы чести этого главнаго, какъ дающаго о немъ понятіе. Итакъ, если по указанной причинѣ досточестно это, то по-

чему же христорборцы безчестятъ и поносятъ то, что болѣе всего причастно высшей славы? И Сынъ прославляется, какъ образъ Отца. И въ томъ и въ другомъ случаѣ дѣло идетъ объ образахъ; и значеніе ихъ одно и тоже, хотя по существу они различаются. Чтобы выставить на позоръ ихъ безуміе и безстыдство, къ сказанному прибавимъ еще слѣдующее. Всѣ мы знаемъ, что люди непотребные чтили дѣянія людей непотребныхъ и безбожныхъ и въ честь ихъ воздвигали изображенія, потому что подражали жизни ихъ, возлюбили дѣла ихъ и почитали ихъ, какъ людей близкихъ и сродныхъ себѣ, вслѣдствіе ли незнанія лучшаго или по влеченію къ худшему. Но все это, говорятъ, было языческое и у язычниковъ и достойно ихъ недомыслия и безумія. А я спрашиваю, не слѣдовало ли бы и христіанамъ воздавать всяческое почтеніе тому, что относится ко Христу, а также чтить и принимать съ любовію все, что относится къ святымъ? Ибо какъ памятники гнуснаго скверны и нечисты, такъ и все, что относится къ памяти святыхъ, вождѣлѣнно и достойно любви.

61.— Кто изъ здравомыслящихъ можетъ не соглашаться, что если изображенія непотребныхъ первообразовъ непотребны, то необходимо наоборотъ: изображенія святыхъ и священныхъ первообразовъ святы и священны? Поскольку они образы, значеніе ихъ одно и тоже; хотя со стороны того, что они содержатъ и представляютъ, они несравнимы и различны. Яно въ тоже время, что отмечающіе совершенно Христа гнушаются также жизни и добродѣтелей блаженныхъ отцовъ, не выносятъ и не терпятъ даже напоминанія о нихъ. Все хорошее они считаютъ отвратительнымъ, а все скверное желаннымъ, и тяжело имъ видѣть святыхъ на иконахъ. О, несмысліе и тупость! Всѣ на-

роды подобающе чествуютъ и уважаютъ то, что приличествуетъ богопочтенію, и ненарушимо хранятъ законы, обычаи и издревле преданныя имъ въ жизни наставленія. Изъ всѣхъ только христіане неразумно презираютъ символы и знаки снисшествія Слова, которымъ мы спасены, хотя они должны бы чтить ихъ больше, чѣмъ прочіе народы свои символы, потому что мы больше всѣхъ другихъ получили знаніе о полезномъ, какъ увѣровавшіе, что существуетъ Богъ и что Онъ есть причина, все содержащая и охраняющая Развѣ это не превосходитъ всякое безуміе и безбожіе?

62. Считаю важнымъ, пользуясь случаемъ, указать, что за люди наши противники, какова ихъ жизнь и нравы, и представить въ перечнѣ ихъ мысли и занятія: по ихъ нравамъ, жизни и поведенію объявится и ихъ ученіе, ибо дерево познается по плодамъ. Какъ видимъ, въ большинствѣ они не причастны никакому знанію и образованію, не умѣютъ назвать и элементовъ, даже смѣются и издѣваются надъ людьми, преданными всему этому, ибо *премудрость и наказаніе нечестивѣи уничтожатъ* (Притч. 1, 7), какъ написано. Будучи невѣжественными и необразованными, они во всей жизни привыкли къ невоздержанію и распущенности. И нѣтъ ничего непотребнаго, что не было бы любезно имъ: они самолюбивы, сребролюбивы горды, надменны, злорѣчивы, своевольны, неблагодарны, нечестивы, жестоки, вѣроломны, клеветники, невоздержны, грубы, недоброжелательны, опрометчивы, высокомерны, болѣе любострастны, чѣмъ боголюбивы. Таково то малое, хотя и весьма предосудительное, что имѣется въ распоряженіи составителя перечня ихъ пороковъ. Можно прибавить также, что они бранчивы, безжалостны, любятъ клясться и преступать клятвы, святотатцы, поклонники нарядовъ,

словолюбцы, преданы мірскимъ удовольствіямъ, одержимы страстями душевными и страстными помыслами, наглы, подвержены сумасшествію, неистовы, безумны плотяны во всемъ и склонны къ низкому. Побѣждаемые міромъ и мірскимъ, порабоощаемые однимъ чревомъ, ревностные ко всему, что касается чрева, какъ скоты, они совершаютъ жизни неразумныхъ животныхъ. Безстыдные при встрѣчѣ, они еще безстыднѣе въ бесѣдѣ и обращеніи; они дерзки на словахъ, гнѣвливы. любятъ спорить, рады тяжбамъ, попираютъ чужія права: какъ охотники до состязаній и тяжбъ, они обходятъ судилища, они радуются непотребнымъ сочиненіямъ, въ которыхъ непотребныя сплетаютъ клеветы противъ ближнихъ; они жнутъ, гдѣ не сѣяли, и собираютъ, гдѣ не расточали; отвергаютъ всѣ евангельскія заповѣди, презираютъ всѣ каноническія и гражданскія законоположенія, отгоняютъ и порицаютъ всѣ роды духовной жизни, оуждаютъ все церковное ученіе, порочатъ апостольскія и отеческія писанія и наставленія, отвергаютъ наши священныя книги какъ нѣчто весьма вредное, а читающихъ и пользующихся ими отвращаются, какъ чудовищъ; благочестіе и православное ученіе при всѣхъ случаяхъ осмѣиваютъ, гнушаются апостольскаго одѣянія, насмѣхаются надъ священствомъ, отвергаютъ все честное и доброе и усердствуютъ всему скверному и гнусному; чтеніемъ не занимаются, св. Писанія не слушаютъ. Развѣ это допустимо? Оскверняя все это, не зная ничего хорошаго, изобрѣтатели всякихъ непотребствъ, они не посѣщаютъ храмовъ Божіихъ, не чтутъ вѣры, о любви не заботятся, упованія не имѣютъ, молитвѣ и посту не прилежатъ, дѣвства не почитаютъ, воздержанія не любятъ, всю жизнь проводятъ постыдно, дѣлаютъ всякое зло и презираютъ всякую добродѣ-

тель; все прекрасное, святое и добродѣтельное считаютъ представленіемъ и ребячествомъ, будучи противны и ненавистны Богу, ангеламъ и людямъ благочестивымъ, проводящимъ праведную жизнь. Жизнь ихъ постыдна, а рѣчь ихъ пуста, ничтожна и исполнена всякаго безумія. Зачѣмъ говорить больше? Они живутъ и дѣлаютъ все, чему радуется ненавистникъ добра врагъ; у нихъ никогда не бываетъ рѣчи о смерти, о воскресеніи или судѣ, а также о Судіи, ожидаемомъ со славою Отчею, о томъ неизреченномъ, страшномъ и всякое слово превышающемъ, наполняющемъ страхомъ и ужасомъ судѣ, на коемъ сами ангелы предстоятъ со страхомъ и трепетомъ, когда при громкихъ звукахъ трубы совершится воздаяніе за дѣла наши и каждый предстанетъ предъ Творцемъ, чтобы принять должное сообразно тому, что въ тѣлѣ сдѣлалъ—добро или зло. Они не приходятъ къ сознанію своихъ грѣховъ, не просятъ прощенія у Бога, не принимаютъ увѣщаній касательно спасенія души. Какое зло въ моей душѣ?—отвѣчаютъ они человѣку, наставляющему ихъ къ лучшему. Посему у нихъ нѣтъ надежды царства небеснаго, и они не выносятъ рѣчи о духовномъ. По истинѣ отъ нихъ сокрыто Евангеліе. *Въ нижже Богъ въка сего ослѣпи разумъ невѣрныхъ, во еже не возсіати свѣту благовѣствованія славы Христовы* (2 Кор. 1, 4). Изъ числа ихъ наиболѣе грубые, низкіе и бѣдствующіе до того, что они и одного дня не могли бы пропитаться на свой счетъ, собранные съ перекрестковъ и изъ трущобъ, неспособные понять, что у нихъ подъ ногами, наглицы и пьяницы, ищутъ и высматриваютъ, гдѣ случаются попойки и трапезы, и устремляются туда какъ на крыльяхъ, дабы, вымаливая себѣ тамъ подаваніе у собравшихся, облегчить свою нужду и нищету. Изъ

нихъ составляются бродячія ужасныя шайки, которыя рады мятежамъ и новшествамъ. Изъ нихъ весьма многіе суть отставные воины, уличенные въ самыхъ гнусныхъ и отвратительныхъ преступленіяхъ, или же, какъ престарѣлые, по неспособности носить оружіе вычеркнутые изъ воинскихъ списковъ, съ воспрещеніемъ носить оружіе.

63. Такъ какъ они развращены словомъ и дѣломъ, то они взираютъ только на настоящее, прилежатъ плоти, поработаны чревомъ, которое для нихъ есть богъ, и высшимъ блаженствомъ почитаютъ то въ мірѣ, что входитъ въ горло и чрево. Ни на что лучшее они и надежды не питаютъ, ни на что высшее и полезнѣйшее не взираютъ и уготовляютъ себѣ божественное осужденіе; они стѣснены нуждою особенно съ того времени, какъ прекратились выдачи отъ царя, которыя давали имъ вмѣстѣ съ оружіемъ средства къ существованію. Исчисляя цѣну на все мѣрою и взвѣшиваніемъ жизненныхъ и стѣстныхъ припасовъ, безумцы осуждаютъ вѣру свою на служеніе чреву, опредѣляя ее скорѣе изобиліемъ пищи, чѣмъ правотою догматовъ. Они друзья, пока получаютъ вдоволь припасы и расходы на удовольствія, но они негодуютъ и обвиняютъ нашу вѣру, если въ этомъ оказывается недостатокъ. Въ нихъ познаются люди по настроенію и поведенію сходные съ нѣкогда освобожденными отъ египетскаго рабства, какъ одержимые подобнымъ же невѣріемъ и какъ обладающіе такимъ же языкомъ и взглядами. Явно нося признаки ихъ религіи, они въ подобныхъ же несчастныхъ обстоятельствахъ, если представится случай, неистовствуютъ и причиняютъ огорченія. И какъ тѣ возставали противъ своихъ законодателей и вождей, вспоминая о томъ, какъ они сидѣли вокругъ горшковъ съ мясомъ, и объ изобиліи

хлѣба, такъ и эти безстыдно проклинають глашатаевъ и истинныхъ служителей слова Господня, преступно пустослова и говоря только то, что говорили тѣ, когда противились пророку, именно: *слово, еже глаголашъ еси къ намъ во имя Господне, не послушаемъ тебе, яко творяще сотворимъ всякое слово, еже изыдетъ изъ устъ нашихъ, кадити царицѣ небеснѣй, и возливати ей возліянія, якоже сотворихомъ мы, и отцы наши, и цари наши, и князи наши во градѣхъ Иудиныхъ, и въ Иерусалима: и насытимся хлѣбовъ, и благо намъ бысть, и зла не видѣхомъ. И егда престахомъ кадити царицѣ небеснѣй, и возливати возліянія, оскудѣхомъ хлѣбы вси мы а мечемъ и голодомъ скончахомся* (Іерем. 44, 16—18). *Не сядемъ на земли сей, еже не слышати гласа Господа Бога нашего, глаголюще: въ землю Египетску внидемъ и не узримъ рати, и гласа трубнаго не услышимъ, и о хлѣбѣхъ не взалчемъ, и тамо вселимся* (Іер. 42, 13—14).

64.—Износя это и этому подобное изъ злого сокровища своего сердца, они поносятъ нашу правую и непорочную вѣру и въ тоже время похваляются богоненавистною вѣрою Мамоны, превознося его нечестіе, какъ причину благополучія,—ибо въ то время они были снабжены въ изобиліи и покупали хлѣбъ и всѣ другіе припасы въ большомъ количествѣ, и не воздавали благодаренія Творцу всѣхъ благъ Богу, промыслителю и попечителю нашей жизни. И зачѣмъ говорить много? Ни времени, ни словъ не достанетъ у насъ прослѣдить это подробно. Сколько языковъ потребовалось бы рассказать о ихъ злонравіи и развращеніи? Можно одно сказать вмѣсто всего и представить все, именно, что „худыхъ учителей худое ученіе или отъ плохихъ сѣмянъ плохіе всходы“. Какъ и научилъ ихъ противникъ Евангелія, врагъ нашей вѣры и отступникъ, сѣятель плевелъ, въ своихъ тайныхъ

и нечестивыхъ посвященіяхъ, такъ они и мыслятъ. Несчастные услаждаются тѣмъ, что они выросли и усовершеншились во всемъ этомъ. Жесткія болѣзнетворныя тернія поднялись противъ церкви Божіей, причиняя вредъ чистому сѣмени вѣры. Для того діаволъ и воздвигъ свинопасовъ, пастуховъ овецъ и быковъ, изъ свинныхъ хлѣбцовъ, коровьихъ загоновъ и козьихъ пастбищъ и другихъ людей низшаго и непристойнаго разряда, дабы они будучи невѣжественными, совершенно необразованными и нисколько не причастными богословію, служили его безбожнымъ и хитрымъ замысламъ и предпріятіямъ, даже благодаря его за это. Онъ пользовался ими какъ оружіемъ и орудіями не для изгнанія варваровъ, не для усмиренія народовъ, не для того, чтобы сдѣлать данницею вражескую страну, ни для какихъ другихъ предпріятій противъ враговъ, но для разрушенія вѣры, противъ которой вооружилъ ихъ, и выдвигая ихъ какъ осадныя машины, посредствомъ ихъ разрушать церковь Христову и въ полномъ неистовствѣ низвергать символы и памятники спасительнаго домостроительства. Съ ними онъ дерзалъ на святотатственное разграбленіе и оскверненіе божественныхъ храмовъ, изъ монастырей дѣлалъ для нихъ обиталище, а церкви Божіи обращалъ въ конюшни и мѣста для навоза. Слѣды этого продолжаютъ еще оставаться и въ наши дни. Есть и такія святыя мѣста, которыя онъ продавалъ за деньги; объ этомъ громко вопіютъ монастыри Флора и Каллистрата.

65.— Что они суетно величаются временами Мамоны, это достойно ихъ неразумія и тупости. Отъ повѣствователей и рассказчиковъ можно слышать весьма многое, ибо нѣкоторые и до сихъ поръ еще живы и пребываютъ какъ бы глашатаями той эпохи. Отъ нихъ

желающіе могутъ узнать о томъ, сколько разъ и какого рода случались по Божію гнѣву бѣдствія въ то время. Съ того момента какъ начали поносить нашу вѣру и разрушать благосостояніе церквей по Божію попущенію появились язвы, казни, тяжелые недуги и смуты. Пораженные числомъ этихъ бѣдствій и размѣромъ несчастій нѣкоторые изъ жившихъ въ то время благовременно и кстати признали достойнымъ предать исторіи такіе роды бѣдствій, ими испытанные. Смертоносная зараза, ходившая по людямъ, вырывала изъ нихъ безчисленное множество жертвъ. Убѣгая заразы, виновникъ этого гнѣва изъ страха предъ множествомъ смертныхъ случаевъ пребывалъ вдали отъ столицы. Онъ проживалъ около Никомидіи и ея предмѣстій, а также за ними. Тѣ, кому было ввѣрено управленіе городомъ, письменно увѣдомляли его о громадномъ количествѣ умиравшихъ, исчисляемыхъ многими тысячами въ день, такъ что для тѣлъ не доставало мѣста въ могилахъ. Бывали случаи, что ими наполняли цистерны и всякія другія мѣста, годныя принять трупы. Нѣкоторыхъ не клали въ могилы, а бросали, какъ попало, и лишали ихъ погребенія. Нельзя было видѣть носилокъ съ однимъ мертвецомъ, а съ тремя или пятью, сколько могли нести погребальщики. Но что всего страшнѣе и ужаснѣе, это когда занимавшіеся погребеніемъ усопшихъ сами умирали предъ ними, вырываемые внезапно и какъ бы опережаемые смертью. И сверхъ всего страшилища, ужасныя и чудовищныя привидѣнія, чуждыя и незнакомыя для человѣческаго слуха и мысли, которыхъ многіе явно видѣли и слышали днемъ и ночью. Привидѣнія и шумы являлись надъ головами и угрожали гибелью; слышались имена и число долженствующихъ умереть. Это происходило на поверхности

земли, а еще того хуже было подъ землею, ибо земля не выносила величія грѣховъ. Какія были земля-трясенія, колебанія и содраганія почвы—это нѣчто ужасное, превышающее слово и умъ человѣка. Казалось, что колебались основанія ея и всѣ бездны поднимались перевернутыми и разлаженными, какъ бы лишенными опоры и связи. Думаю, нѣтъ нужды въ словахъ, ибо громко говорятъ развалины роскошныхъ построекъ и красивыхъ зданій, которыя сдѣлались кладбищемъ задавленныхъ обитателей; божественное мщеніе содѣлало разрушительныя постройки ихъ кладбищами. И это бѣдствіе особенно разразилось на холмахъ и мѣстахъ возвышенныхъ, и развалины въ столицѣ разбросаны до сихъ поръ.

66.—И грозныя атмосферическія явленія не могли быть неподвижными и спокойными, когда наносилось оскорбленіе Творцу. Тогдашнимъ людямъ казалось, что всѣ звѣзды небесныя стремительно падаютъ на землю: до такой степени часто и сильно атмосферическіе ужасы изливались на предѣлы вселенной. Всѣ вмѣстѣ и въ одно и тоже время жители Востока и Запада зимою и по ночамъ наблюдали это явленіе. И пусть никто не возражаетъ, какъ дѣлаютъ то искильники, что эти небесныя явленія суть облакообразныя густыя испаренія, по насыщеніи которыми земной воздухъ, поднимаясь въ высь собственнымъ теченіемъ и изливаясь въ эфирное пространство подъ вліяніемъ нагрѣванія, производитъ упомянутыя падающія звѣзды и такъ называемые блуждающіе огни, а также кометы съ хвостами и прочія подобныя явленія,—но хорошо знаемъ, что въ стихіяхъ тогда было нѣчто необыкновенное: они выступили за предѣлы обычнаго теченія и порядка, выказывая тѣмъ скорбь свою по поводу происходившаго. Природа какъ бы

подражаетъ самой себѣ, дабы не упустить случая пострадать и теперь, какъ она страдала съ Страдавшимъ Творцомъ и Господомъ во время страданія Христа на спасительномъ крестѣ, когда свѣтила необычно закрывали другъ друга, а страшный непроницаемый мракъ прервалъ теченіе дневного свѣта, когда и скалы разсѣлись и гробы открылись и мертвые возстали, и прочее, что случилось въ то время обновленія твари.

Тоже, какъ мы знаемъ, и древле угрожало и дѣйствительно совершилось надъ нечестивыми, когда стихіи выступали за свои предѣлы, повинаясь божественнымъ велѣніямъ. Этого никто не станетъ отрицать, если только онъ не страдаетъ невѣдѣніемъ судебъ Божіихъ. Мы должны вѣрить Писаніямъ, начертаннымъ Духомъ Святымъ: *нечестивіи исполнятся злыхъ* (Притч. XII, 21); и *согрѣшающихъ постигнутъ злая* (Притч. 13, 22); и: *въ злобѣ своей отринуется нечестивый* (Притч. 14, 32); и: *хранится нечестивый на день золгъ*: (Притч. 16, 10); и: *въ нѣдра входятъ вся неправедныя* (Притч. 16, 33). Извѣстно явленіе божественнаго гнѣва въ наказаніи Содомитянъ, когда сошелъ огненный дождь и, пожравъ, превратилъ въ пепелъ всю окрестную страну, а съ нею истребилъ и нѣкоторые сосѣдніе города, слѣды коихъ, говорятъ, сохраняются до сихъ поръ. А раньше въ мірѣ произошелъ водный потопъ, когда необычайно дождившее небо изливало на грѣшниковъ страшно безмѣрное количество водъ, когда внизу разверзлись источники бездны, а сверху раскрылись небесные водопады, когда погибло совершенно все и когда всѣ земныя возвышенности были закрыты. И только одинъ праведникъ спасся съ дѣтьми и женами, носимый по водамъ въ ковчегѣ, какъ второй Адамъ, по милосердію Божію, дабы не исчезъ

совсѣмъ съ земли родъ человѣческій. Такъ какъ все это совершилось не по законамъ природы (ибо небесныя явленія не сохранили своихъ обычныхъ предѣловъ), то ничто не препятствовало и снова Господу низвести огонь на землю, и тогда сразу погибло бы все. И движеніе гнѣва угрожало явно, если-бы не препобѣдило человѣколюбіе Божіе, которое безъ сомнѣнія отсрочивало наказаніе беззаконниковъ, ожидая ихъ покаянія. Но, какъ мнѣ кажется, въ данномъ случаѣ прегрѣшенія гораздо болѣе значительны, потому что тѣ неистовствовали противъ творенія, а эти бѣснуются и поносятъ Владыку тварей, истязая божественное тѣло, жестоко осудивъ его на распятіе, а потомъ попирая священныя изображенія сего тѣла. Отсюда стихіи оказались не въ состояніи пребывать въ покоѣ, когда оскорбляется Творецъ, и испытываютъ чрезвычайную скорбь въ виду этихъ новшествъ. Мы не будемъ говорить о томъ, сколько междоусобныхъ браней вызвало такое отношеніе къ христіанамъ, а также и о другомъ, говорить о чемъ было бы и долго и весьма тягостно.

67.—Но эти глупцы и безумцы очень величаются и гордятся, какъ люди, которые избыточествуютъ благоденствіемъ. Между тѣмъ какой языкъ въ состояніи изобразить тогдашніе голоды и бѣдствія отъ голода? Въ то время случился страшнѣйшій, ужаснѣйшій голодъ, нисколько не меньше ни теперь начавшагося, ни тѣхъ, которые въ древности упоминаются и описываются, по степени почти равной съ голодомъ, который угнеталъ жителей Іерусалима. Тамъ, какъ описываютъ, несчастныя матери, страдая и мучаясь отъ голода, безжалостно поѣдали тѣла своихъ дѣтей, забывъ свою природу; а здѣсь несчастныя женщины, поражаемыя тѣмъ же бичемъ, продавали порожденія

своего чрева, сбывали свою утробу для своего прокормленія. Говорятъ, что нужда заставляла едва одинъ модій пшеницы покупать за пятьдесятъ золотыхъ монетъ ¹⁾. Тамъ причиною бѣдствій и неописуемыхъ страданій были: нашествіе непріятелей, продолжительность осады, обложеніе города, охваченнаго войскомъ, какъ сѣтью. Здѣсь же не было ни нашествія варваровъ, ни присутствія враговъ, ни валовъ, кругомъ устроенныхъ непріателемъ, ничего другого внѣшняго, но за то ясно обнаружилось поруганіе вѣры, ибо царствовавшій у насъ тираннъ и отступникъ съ своимъ отступничествомъ былъ хуже и тяжелѣе всякаго непріятеля и врага. Тѣ несли наказаніе за поруганіе Христа, и эти опутаны тѣми же преступленіями: и тѣ и другіе поносятъ одного и того же. Таковы причины гнѣва божественнаго правосудія и такое возмездіе получаютъ оскорбляющіе Бога. Не обращая никакого вниманія ни на что изъ этого, Христорбоды не хотятъ признать, что какъ въ древности Іудейскій народъ понесъ наказаніе въ теченіе сорока лѣтъ за беззаконія, содѣлаемыя Іудейскимъ царемъ Манассіей противъ Бога и претерпѣлъ многія и невыносимыя бѣдствія—и это въ то время, когда уже царствовали люди, отличавшіеся благочестіемъ и праведностію, такъ равно и за нечестіе и беззаконіе нашего Манассіи христіане и прежде несли тягчайшія наказанія свыше и теперь еще несемъ и, можетъ быть, не избудемъ этимъ наказаній, пока память объ этомъ нечестивцѣ будетъ на языкѣ его послѣдователей. Посему благовременно теперь сказать: *и людѣ не обратишася, дондеже язвени быша, и Господа не възвѣщаху* (Пс. 9, 13). И вотъ православнымъ нашимъ ученіемъ

¹⁾ Имѣется въ виду голодъ во время осады Константиномъ V бунтовщика Артавазда въ Константинополѣ.

и судомъ Божиимъ они осуждены, язвени и однако не обращаются.

68.—Не могу опустить того, что болѣе всего выказываетъ ихъ нечестіе. Когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ Богъ возбудилъ духъ извѣстной своимъ благочестіемъ, пребывавшей у власти и показавшей достойное соревнованія и святое усердіе къ нашей вѣрѣ Ирины, то они (воины) божественнымъ рѣшеніемъ были благоплодно и съ пользою для дѣла удалены изъ этого города, въ которомъ были злокозненно и безбожно водворены собравшимъ ихъ. Блуждая, подобно планетамъ, они искали секту, въ которой не было бы иконъ и памятниковъ домостроительства Христова. Такъ они находятъ съ давняго времени нравившіяся имъ невѣріе и безбожіе Манихеевъ, согласное съ ихъ ученіемъ, потворствовавшее ихъ своеволію и проповѣдывавшее то, что имъ съиздавна было пріятно и желательно. Посему многіе изъ нихъ клятвенно отреклись совершенно отъ нашей вѣры и всецѣло стали на сторону ихъ безумія. Уличенные въ этомъ нѣкоторые изъ нихъ, согласно законамъ, подверглись смертной казни чрезъ ушъченіе мечемъ.

69.—Но что всего этого тяжелѣе и достойно плача, стенаній и слезъ—это то, что ихъ мыслями и рѣчами завлечены и теперешніе іереи и епископы; люди долженствовавшіе обращать и надзирать, какъ погибшихъ овецъ, тѣхъ кои не умѣютъ отличить правой руки отъ лѣвой, и уводить ихъ отъ злобнаго звѣря, гоняютъ ихъ по скаламъ и пропастямъ невѣрія, хотя и можно было ожидать отъ нихъ многого для ихъ спасенія. А они что? Съ ними происходитъ совершенно обратное. Тупѣе и во всѣхъ отношеніяхъ неразумнѣе своихъ учителей, они уловляются ими, научаются отъ нихъ всему преступному и, измѣняя свой об-

разъ мыслей къ худшему, низвергаются въ одно и тоже съ ними грязное болото заблужденія, приводятъ съ собою сотрудниковъ и, какъ губительными орудіями, пользуются ими для поношенія и оскорбленія православныхъ. Какъ бы совершенно отринувъ печать дара Духа, отвергнувъ всѣ священныя и каноническія законоположенія и забывъ все церковное благочиніе и порядокъ, они живутъ по гражданскимъ законамъ и положенію, починаются начальникамъ, и въ содержаніи, жизни, образѣ дѣйствій и судахъ отъ нихъ зависятъ и ими управляются. Но не таковъ удѣлъ Іакова, не таково ученіе и мысли украшающихъ православіемъ, не такова задача ихъ дѣятельности: они идутъ въ противность всему, выше изложенному о дѣлателяхъ гибели, если только тутъ допустимо сопоставленіе. Говоря кратко, они возненавидѣли всякую скверну, возлюбили всякую добродѣтель, чтутъ все, что есть хорошаго, любятъ все прекрасное, одобряютъ всякую богоугодную жизнь, принимаютъ всякое святое и правое ученіе, усердно чтутъ все церковное, чѣмъ приближаются къ Богу, дѣлаются наслѣдниками вѣчнаго царства, сожителями ангеловъ, сопричисляются къ святымъ и во всемъ дѣлаютъ достохвальное и славное. Тѣже, не дѣлая ничего такого, исполняются стыдомъ и будутъ навѣкъ осуждены судомъ Божиимъ.

70.—Такъ какъ Христоборцы много болтаютъ того, что внушилъ имъ отецъ лжи, то мы должны разсмотрѣть и это. Они величаются тѣмъ, что Мамона, благодаря поношенію Христа и Церкви, получилъ долгое царствованіе, долголѣтіе и благополучную жизнь, что онъ достигъ верха благоденствія, причемъ приписываютъ ему побѣды надъ варварами и весьма многіе подвиги, о которыхъ людямъ скромнымъ не

слѣдуетъ и слышать. Дабы кто-либо изъ людей простыхъ или необразованныхъ не потерпѣлъ вреда отъ измышленийъ обмана, мы, изслѣдуя это подробно, покажемъ безумцамъ, что они обольщаются пустыми словами. Безспорно, что такъ какъ жизнь его была постыдна, то онъ противенъ Богу, ангеламъ и людямъ благочестивымъ. Увлекаемый плотскими страстями, онъ дошелъ до скотства неразумныхъ животныхъ и замаралъ несчастный душу и тѣло тѣмъ, что возбращается варварами и язычниками. Объ этомъ могутъ свидѣтельствовать многіе, служившіе при немъ и живущіе до сихъ поръ, а равно и о другихъ его тѣлесныхъ приключеніяхъ. Поражаемый несказанными страданіями и мученіями, какія обыкновенно терпятъ люди, покрытые струпьями, онъ былъ несчастенъ и достоинъ сожалѣнія. Нѣкоторые изъ членовъ подъ язвами у него отнялись, въ то время какъ въ нѣкоторыхъ частяхъ тѣла отпадали куски. Въ жестокихъ страданіяхъ онъ проводилъ ночи, можетъ быть, принимая рѣшенія при видѣ сопротивлявшейся ему и преслѣдуемой имъ вѣры. Я не буду теперь говорить объ отвратительномъ и скверномъ питаніи его: что принималъ пищи горломъ, тотчасъ извергалъ блеваніемъ. А жестокость и грубость его въ отношеніи ко служившимъ, мученіе службы ему, — какія потерпѣвшія тѣла могли бы рассказать о томъ? Каждый день изстязая многочисленными бичеваніями ихъ сильные руки, поступалъ онъ съ ними не лучше плотоядныхъ звѣрей, производилъ урѣзаніе членовъ, ослѣпленіе глазъ и многія другія страшныя наказанія: несправедливое убійство людей невинныхъ, смерть чрезъ сожженіе. И зачѣмъ говорить? Однимъ онъ причинялъ это изъ зависти мужеству и добродѣтели, другимъ изъ зависти ихъ славѣ и выдающимся способностямъ, каса-

тельно же пострадавшихъ подобное и худшее этого за правую вѣру потребуетъ другое сочиненіе болѣе полное.

71.—Затѣмъ, достигнувъ предѣла своихъ преступленій, сожигаемый жаромъ жестокой лихорадки, онъ видѣлъ пламя предстоящей ему геенны и яденія червя не умирающаго и вопилъ громко и непрерывно, что было преддверіемъ геенны. Отсюда познавъ отчасти свое нечестіе, онъ почувствовалъ нужду въ помощи нашей вѣры. Онъ велѣлъ сопровождавшимъ его (въ походѣ) священникамъ пѣть священные христіанскія пѣснопѣнія. Но они отказались пѣть подъ предлогомъ неумѣнія или потому, что дѣйствительно такъ было, или потому, что боялись его жестокости и гнѣва.

Умирая среди такого благоденствія и благополучія, при какомъ, какъ мы знаемъ, скончались Діоклетіанъ и Максиміанъ, этотъ злодѣй, бѣдственно и горестно погибая, кончаетъ жизнь. Онъ умеръ во время плаванія въ нѣсколькихъ стадіяхъ отъ столицы, возвращаясь изъ Фракіи, гдѣ былъ въ походѣ. Земля, мать всѣхъ, не допустила умереть на ней убійцѣ, наполнившему и замаравшему ее невинною кровію. Какого порицанія и презрѣнія достойны тѣ, которые не стыдятся величать его блаженнымъ. Вся жизнь его была не очень продолжительна. Проживъ не болѣе 58 лѣтъ, онъ умеръ душой и тѣломъ, да и это по Божію попущенію, а не благоволенію, ибо онъ былъ недостойнъ благодѣяній Божіихъ. Или лучше сказать, Богъ отсрочивалъ время и достойно присудилъ, чтобы онъ уже здѣсь отчасти за свои преступленія получилъ воздаяніе, горестно и болѣзненно закончилъ свою постыдную жизнь, имѣя получить несчастный въ будущемъ то, что предназначено ему правосудіемъ Божі-

имъ на вѣкъ и безъ конца, и подвергнуться суровому и длительному, уготованному ему, въ гееннѣ наказанію вмѣстѣ съ отцемъ и сонаслѣдникомъ его.

72.—Пусть измышляютъ для него побѣды: нѣкоторые изъ нихъ таковы—припомнимъ одну изъ самыхъ значительныхъ. Когда онъ готовился къ борьбѣ съ Скиѣскимъ народомъ, поселившимся на Западѣ отъ насъ, то собралъ всѣ свои войска. Онъ вступилъ въ сраженіе съ врагомъ; каковъ былъ исходъ войны, свидѣтельствуютъ послѣдствія: до сихъ поръ около города Анхіала долины и поля показываютъ части тѣлъ тамъ убитыхъ. Все почти войско погибло отъ Скиѣскихъ мечей. Если же онъ и совершилъ что-нибудь незначительное и недостопримѣчательное, то объ этомъ можно читать въ письмахъ его къ жителямъ столицы; въ нихъ этотъ служитель и поклонникъ лжи весьма величается и проявляетъ великое богоборство въ своихъ безконечныхъ клятвахъ къ умаленію Творца, хотя захватилъ этотъ народъ во время возстанія противъ его собственныхъ вождей:—у народовъ съ варварскими правами можно наблюдать часто, какъ они раздѣляются на двѣ стороны, а также и больше, когда видятъ противорѣчіе своимъ желаніямъ.

Такое возмущеніе произошло и противъ тогдашняго ихъ владыки Савина, убѣжавшаго къ Римлянамъ. Такимъ образомъ внутреннія смуты и мятежи доставили ему на время удачу. А что касается восточныхъ варваровъ, то онъ боялся упоминанія о нихъ, такъ что даже на собраніяхъ заявлялъ, что съ небольшимъ числомъ ихъ не дерзнетъ вступить въ битву со всѣмъ своимъ войскомъ. Когда же ихъ раздѣлила по обычаю междоусобная брань, когда судьей для борющихся партій сдѣлалось оружіе, и они стали замыш-

лять взаимное истребленіе другъ друга, онъ скорѣе по разбойнически, чѣмъ по воински, незамѣтно вошедши въ предѣлы Арменіи, взялъ ея крѣпости съ согласія ея жителей. Но Армяне и Сирійцы—Христіане, ибо съ врагами нехристіанами онъ не вступалъ въ борьбу никогда. Поправъ клятвенно данныя обѣщанія, онъ переселилъ ихъ и поселилъ во Фракійскихъ предѣлахъ; за нарушеніе этихъ клятвъ, Фракійская земля, я думаю, мститъ еще и теперь. Когда объ этомъ нашествіи (въ Арменіи) узнали Сарацины, то они послали для нападенія на него отрядъ тяжело-вооруженной фаланги, считавшей въ своихъ рядахъ не болѣе пяти тысячъ человѣкъ. Узнавъ объ ихъ выступленіи, Мамона тотчасъ съ сопровождавшимъ его войскомъ обратился въ бѣгство, не будучи въ состояніи даже оставаться по близости отъ нихъ. Таковы его подвиги и трофеи побѣдъ надъ врагами.

73.—Если уже нужно измѣрять вѣру побѣдами, подвигами, долголѣтіемъ и прочими вещами, по которымъ познается счастье и благополучіе въ настоящей жизни, и не обращать вниманія на божественную и апостольскую проповѣдь, то это надо предоставить суду Божію, который требуетъ, чтобы мы не только исповѣдывали правую вѣру, но и жизнь и дѣятельность нашу представляли наилучшею, согласною съ евангеліемъ, ибо каждая изъ нихъ (жизнь и вѣра) одна безъ другой мертва; и тотъ у кого не достаетъ одной, не будетъ имѣть и другой. Между тѣмъ объ этомъ нечестивые не заботятся никогда. Но тогда почему же,—оставивъ Мамону въ сторонѣ безъ вниманія, какъ будто бы онъ не царствовалъ, не воевалъ, не существовалъ даже совсѣмъ и считая ничтожнымъ все, что они возвышаютъ,—они не обратятся къ тѣмъ, которые въ своей жизни совершили

великія дѣла, по всей вселенной почти надъ всѣми народами одерживали побѣды, водружали трофеи надъ врагами, отличались большимъ долготерпѣніемъ, достигали великаго благоденствія и во время пребыванія у власти добились славы и величія,—чтобы почитаніемъ ихъ соревновать имъ и величать ихъ, дивиться ихъ дѣяніямъ, подражать ихъ жизни и нравамъ, дабы и въ будущей жизни по справедливости получить предназначенное и уготованное имъ? Опуская многихъ, припомнимъ нѣкоторыхъ; помысли со мною объ Александрѣ, сынѣ Филиппа, Македонскомъ, который владѣлъ почти всею вселенною, подчинилъ и поработилъ всѣ эллинскіе и варварскіе народы, который, летая подобно птицамъ, быстро обтекъ весь міръ и за свою силу и быстроту предвидѣвшимъ пророкомъ былъ предъизображенъ въ видѣ рыси. Такъ по крайней мѣрѣ это мѣсто (Дан. 7, 6) объясняли нѣкоторые изъ учителей, потому что успѣшнѣе, чѣмъ это допускается человѣческимъ ожиданіемъ, онъ осуществлялъ свои планы. Онъ предпринималъ немедленные походы и являлся неожиданно и побѣждалъ всѣхъ. Другіе впрочемъ понимали это мѣсто въ приложеніи къ державѣ Персидской.

Или Расскажи мнѣ о Кесарѣ Августѣ, который, овладѣвъ державой послѣ него, приобрѣлъ во время пребыванія у власти большую славу, потому что держава Македонская была меньше Римской; и пребываніе его у власти продолжалось столько, сколько почти вся жизнь Мамоны. Я знаю, что тебя при твоей наглости не могло бы утратить внесеніе въ списки Христа, что тебѣ пріятно и по душѣ дѣтоубійство Ирода; и только одно тебѣ тяжело и горестно, что Онъ во время поисковъ не былъ схваченъ убійцами и бѣгствомъ укрылся въ Египетъ: вѣдь, говорятъ,

до тридцати семи лѣтъ продолжалось царствованіе Ирода! Удивляйся и Аѳинянину Тимоѳею, который, предаваясь чувственнымъ удовольствіямъ, въ жизни располагалъ содѣйствіемъ судьбы. Почему тебѣ не гордиться и Сенахеримомъ и другими Ассирійскими царями, если мы обратимся ко временамъ болѣе древнимъ? А послѣ нихъ и болѣе, нежели имъ, не дивишься-ли ты Новуходоносору и царству его? Реченія Духа именуютъ его *Млатомъ всей земли* (Іер. 50, 23), потому что онъ сокрушалъ и уничтожалъ всѣхъ, на кого опускался. А Мидяне и Персы, какъ Богомъ освященные и водимые, эти великаны, приходящіе съ радостію и вмѣстѣ съ угрозою, какъ исполнявшіе гнѣвъ Освящавшаго ихъ, и Киръ, названный помазанникомъ Божіимъ (Ис. 4, 5, 1), который былъ вождемъ ихъ: развѣ они не могли бы скорѣе привести тебя къ вѣрѣ? Опускаю многое, чтобы не заграждать рѣчи. Но ты скажешь, что Мамона обнесъ стѣнами крѣпости во Вавилоніи. Если это вліяетъ сильно на твою вѣру, то воздай славу этой вѣры Ромуламъ и Ремамъ и помысли о славномъ Римѣ и великолѣпніи его основанія. Поревнуй почитанію и того, кто основалъ великую Александрію, дивясь удобству мѣстности и ежегодному подъему Нила, наводняющаго окрестности ея; прославляя его плодоноснымъ, ты можешь не отступать отъ древнихъ суевѣрій и заблужденій Египетскихъ. Пусть будетъ главою твоей вѣры Нинъ, основавшій соименный ему городъ Ниневію, для обхода котораго требовалось три дня.

74.—Отсюда перейди, если тебѣ хочется, къ бывшимъ царямъ Израильскимъ и полюбопытствуй относительно ихъ благоденствія и долготѣія. Довольно для тебя одного изъ всѣхъ, человѣка съ великою славою и блескомъ вѣры! Это—Іеровоамъ, рабъ и от-

ступникъ. Когда Соломонъ, сынъ пророка Давида, отошелъ изъ этой жизни, онъ вернулся изъ Египта, куда бѣжалъ. Его удѣломъ было такое счастье и благоденствіе, что онъ оказался въ состояніи раздѣлить народъ на двѣ части, привлечь къ себѣ большинство колѣнъ, отдѣлить себѣ державу и царство, отвлечь народъ отъ служенія Богу и увлечь его къ пагубнымъ идоламъ, устроивъ для поклоненія неразумныхъ золотыхъ телицъ вмѣсто честныхъ святынь. Но эти сооруженія далеко превзошло болѣе красивое по работѣ и благозвучное по гармоніи и тону то твое чудо ¹⁾, дивное по золотымъ украшеніямъ, привлекающее къ себѣ зрителей красотою и величиною, устроенное художниками по образцу Вавилонской статуи. Почему тебѣ не кажется великимъ наглецъ Озіа, который покушался на то, что выше его достоинства, и за это былъ пораженъ проказой (2 Паралип. 26)? А съ Манассіей по твоему никто не можетъ быть сравниваемъ, ибо повѣствуется, что онъ всѣхъ извѣстныхъ лицъ превосходилъ нечестіемъ и безбожіемъ, потому что всякими соблазнами и мерзостями онъ наполнилъ себя и своихъ подданныхъ. И изъ нихъ одинъ пятьдесятъ два года, а другой пятьдесятъ пять лѣтъ пребывали у власти надъ Іудейскимъ народомъ. Но я знаю, что ты осмѣешь и будешь презирать боголюбезнаго Іосію, благочестіе котораго свидѣтельствуется Богомъ и который правой вѣрой превосходилъ другихъ,—за то, что онъ кончилъ жизнь безъ славы, пораженный не непріятелями (2 Парал. 35, 21), не предвидя вѣроломства врага. Удивляясь благоденствію и долголѣтію всѣхъ упомянутыхъ лицъ, подражай ихъ нравамъ, чтѣ ихъ жизнь и религію, руко-

¹⁾ Здѣсь разумѣется, вѣроятно, какая-нибудь статуя воздвигнутая Константиномъ V.

плещи и привѣтствуй, величай ихъ чрезмѣрными похвалами, подражай жизни ихъ, соревнуй ихъ дѣяніямъ, приноси возліянія и жертвы, услаждайся ихъ празднествами, присоедини ихъ къ своимъ, поклоняйся и прославляй ихъ, совершай таинства, принимай изреченія оракуловъ, спрашивай землевѣщателей, совѣтуйся съ чревовѣщателями. И зачѣмъ говорить больше? Иди къ бѣсамъ, которые руководятъ твоимъ учителемъ, чтобы легче достигнуть счастія, имѣть изобиліе хлѣба и вина и всего, что дается землею и чего добиваются земные. *Сынове человечестіи*, восклицаетъ къ вамъ великій Давидъ, какъ бы труба велегласная, звучащая съ возвышенія, *доколь тяжкосердіи? вскую любите суету и ищите лжи* (Пс. 4, 3)?

75.—Ты придаешь цѣну только настоящему и заключаешь всю жизнь въ предѣлы тлѣннаго и скоропреходящаго. Но откуда у тебя даже это малое, которое ты считаешь великимъ, благоденствіе? какъ пріобрѣтаешь ты свои богатства? Если тебѣ не тяжело наше слово, то послушай и узнай. Ненавистникъ Христа, златолюбивый тиранъ, рабъ золота, недугомъ златолюбія превзошедшій царя Лидійскаго (Мидаса), признающій за бога золото и чрево, свирѣпѣйшій и неумолимый собиратель налоговъ, увеличивалъ все болѣе и болѣе бремя плательщиковъ, частыми и ежегодными прибавками податей беззаконно тѣснилъ и угнеталъ всѣхъ землевладѣльцевъ до такой степени, что за одну золотую монету можно было легко купить все имущество земледѣльца. Я самъ видѣлъ несчастныхъ съ связанными руками подвѣшенныхъ на высокихъ деревьяхъ за подати, переносившихъ это жестокое и суровое наказаніе изъ за недостатка средствъ. Ты не стыдишься и не скрываешься, высасывая жизнь своихъ ближнихъ и продавая за ничтож-

ную цѣну тѣла, или скорѣе самыя души единоплеменниковъ, и чужія несчастія превращаешь въ собственную роскошь и прибытокъ.

76.—Именно поэтому ты величаешься долголѣтіемъ и благоденствіемъ? Настоящее тебѣ кажется важнымъ и всякаго удивленія достойнымъ? Тогда воздвигни языкъ твой противъ Творца, вооружи руки противъ слова Единороднаго, уничижай Христа за то, что пришедши на землю Онъ явился простымъ и уничиженнымъ, бѣднѣйшимъ всѣхъ, не имѣющимъ, гдѣ приклонить главу, болѣе бѣднымъ, чѣмъ лисицы и птицы, сопровождаемый небольшимъ числомъ учениковъ, такихъ же неимущихъ и бѣдныхъ; осуждай Его на смерть, какъ какого-либо злодѣя или преступника, высмѣивай крестъ и страданія, которыя Онъ претерпѣлъ ради тебя; отвергай знаменія, позорь чудеса, осмѣивай вмѣстѣ съ Іудеями воскресеніе, поноси бѣдныхъ учениковъ, презирай ихъ за то, что они всюду ходили безъ денегъ, безъ посоха, съ одной одеждой и считай отвратительными стопы благовѣстившихъ; язви насмѣшками скорби и бѣдствія мучениковъ истины; осмѣивай отреченіе отъ всякаго имущества, готовность ко всякимъ страданіямъ, брани дерзновеніе на опасности и самую смерть. Поэтому для тебя должны быть отвратительны святыя и любезны гонители, потому что первые были побѣждены и не стяжали ничего изъ настоящаго, а вторые не лишены земной славы. Ты не хочешь знать, что съ одной стороны это дѣянія святыхъ, достойныя ихъ истинной вѣры и упованія, стяжавшія по истинѣ вѣчную славу и вѣковѣчное сіяніе, съ другой—злыя и нечестивыя дѣла гонителей, свойственныя ихъ безбожію, немедленно исчезающія вмѣстѣ съ ихъ памятью, развѣваемыя вѣтромъ, хотя они и дивны въ

глазахъ твоихъ, какъ человѣка, прилѣпляющагося только къ земному, не имѣющему никакой надежды на блага, лежащія въ будущемъ вѣкѣ достойнымъ.

77.—Въ твоихъ глазахъ должна быть смѣшна жизнь святыхъ и подвижниковъ, которые въ тѣлѣ являютъ житіе ангельское и безплотное. Злословъ воздержаніе, смиренномудріе, кротость, молчаніе, долготерпѣніе, сонъ на землѣ, нестяжательность, уединеніе, удаленіе отъ міра и мірскаго и прочее, чѣмъ благоугождается Богъ и что пріятно ему. Открой уста противъ ангельскаго и апостольскаго образа, принуждай провождающихъ монашескую жизнь отречься отъ обѣтовъ Богу, измѣнять жизнь, перемѣнять одѣяніе, бросать черную, грубую и рванную одежду и облекаться въ свѣтлую и нарядную. Подвергай посрамленію, выводи на зрѣлища, обвиняй, сплетай клеветы, измышляй непотребства, за которыя они, если не хотятъ нарушать свои обѣты Богу, невинные и непорочные, должны подлежать осужденію. Называй ихъ недостойными воспоминанія, потому что даже Христосъ тобою отвергается, какъ Богъ, и именуется простымъ человѣкомъ. Но это твой Христосъ и учитель, а мой гонитель, а равно и всѣхъ христіанъ, и даже противникъ самого Христа. Ты ищешь наслажденія въ этой жизни? Неужели этимъ хочешь ты измѣрять какъ правоту вѣры такъ и чистоту и значеніе дѣяній? Между тѣмъ, для тебя возможно было бы, еслибы ты сколько нибудь заботился объ истинѣ, поразмысливъ о характерѣ дѣйствій, отклонить и устранить то, что лежитъ за предѣлами богопочитанія, какъ ученіе ложное, вредное приносящее опасность для души, а также для учителей и отцовъ этого ученія.

78.—Прими и привѣтствуй исповѣданіе и ученіе о домостроительствѣ Христовомъ прежде бывшихъ пра-

вославныхъ царей, показавшихъ великое и похвальное усердіе къ вѣрѣ, и размысли о ихъ величіи и славѣ, о ревности, какую выказали они въ отношеніи къ нашей непорочной и чистой религіи, будучи стражами и хранителями правыхъ догматовъ. Вспомнимъ здѣсь Константина Великаго, который является предъ тобой главою православія, начну рѣчь съ него, такъ какъ онъ владычествовалъ въ то время,—и посмотри, какъ вѣренъ Богу онъ казался и былъ и сколько продолжалось его пребываніе у власти. Онъ немедленно заставилъ исчезнуть идольское заблужденіе, до основанія уничтожилъ жертвенники и капища, гдѣ совершалось служеніе гнуснымъ демонамъ, совершенно вывелъ жертвы ихъ и праздники, поддерживалъ почитаніе Бога, создалъ и украсилъ священные наши храмы, проявляя въ отношеніи къ нимъ великую щедрость, и даровалъ христіанамъ свободу и безопасность. И кромѣ того въ честныхъ храмахъ, воздвигнутыхъ имъ Богу, онъ ясно и великолѣпно изобразилъ на иконахъ священные символы великаго божественнаго домостроительства, чудеса, знаменія и страданія, а также и святыхъ Божіихъ,—равно устроая изображенія на сосудахъ и въ другихъ мѣстахъ, чтить ихъ, чѣмъ одновременно и разъяснялъ значеніе божественнаго таинства и возбуждалъ зрителей къ благочестивымъ воспоминаніямъ совершенно такъ же, какъ показываютъ это и Евангелія, неизгладимые свидѣтели всего этого. Самые храмы громко и ясно возглашаютъ о его православіи, и не менѣе—до сихъ поръ еще сохранившіеся изображенія на чеканеныхъ имъ монетахъ. Отсюда познай о его счастливыхъ предпріятіяхъ, а также какія и сколько одерживалъ онъ побѣдъ надъ всякими иноплеменниками, какъ расширялась его держава, сколь благополучна была

его жизнь, а также его значительное долготѣіе по сравненію съ обычною продолжительностію человѣческой жизни. Да и зачѣмъ говорить, сколь славна и знаменита была его жизнь? Если ты хочешь дивиться его сооруженіямъ, то обойди и осмотри Византію и увидишь, какого блеска и благолѣпія достигла она; онъ расширилъ и обстроилъ ее стѣнами и оградами, такъ что она стала пригодной для мѣстопробыванія римскихъ царей. И зачѣмъ перечислять величественныя и многочисленныя постройки, которыми онъ превзошелъ всѣхъ и которыя нелегко цѣнить зрителямъ и невозможно представить пишущимъ? Иди дальше ко временамъ послѣдующимъ и научись, что дѣлали послѣ него цари, отличавшіеся православіемъ. Взгляни со мною, если хочешь, на Θεодосіа, — чтобы продолжить рѣчь о строительствѣ,—какъ, расширяя и распространяя, увеличилъ онъ городъ Константина и какіе храмы воздвигъ, ревнуя одинаково съ предшественниками о православіи. Сочти весьма значительное число лѣтъ,—что тебѣ пріятно и особенно тобою цѣнится, его царствованія—ты, почитатель долготѣіа и мірскаго, неумѣренный любитель всего преходящаго: сорокъ два года блисталъ онъ на царскомъ тронѣ.

79.—Что еще сказать? Удивляйся, если у тебя есть способность цѣнить лучшее, дѣду его Θεодосію Великому, его благоговѣйному отношенію къ Богу и слугамъ Божиимъ. О его вѣрѣ и любви къ домостроительству Спасителя нашего проповѣдуютъ священные храмы, устроенные имъ здѣсь и на Западѣ. А о дарованныхъ ему свыше многочисленныхъ побѣдахъ надъ варварами повѣствуютъ книги. Послушавъ объ одномъ изъ его дѣяній, ты, если не притупились и не одряхлѣли твои чувства, будешь лучше цѣнить и другіе подвиги этого мужа. Когда враждебные народы

въ громадномъ числѣ тѣснили его, подняли и вели противъ него страшную брань, онъ, какъ человѣкъ боголюбивый, съ теплою вѣрою въ Бога, дѣлаетъ то, что было въ то время лучшимъ рѣшеніемъ при тогдашнихъ обстоятельствахъ, не полагался на воинскія приготовления, не хвастался множествомъ войскъ, не уповалъ на подвиги, а всегда прибѣгалъ къ помощи Божіей, считая ее необходимою. Посему онъ посылаетъ въ Египетъ ко одному изъ богоносныхъ мужей, славившемуся необычайными дѣлами, прося его придти къ нему, дабы онъ—царь, укрѣпляемый его молитвами, могъ вступить въ битву съ врагами. Тотъ отказался придти по благочестивымъ соображеніямъ, но, помолившись надъ посохомъ, на который опирался, и надъ покровомъ, который носилъ вокругъ шеи, послалъ ихъ къ Θεодосію. Царь, принявъ ихъ съ вѣрою и благоговѣніемъ, упоая на нихъ, съ покровомъ на головѣ вмѣсто шлема, какъ ему было повелѣно, съ посохомъ въ правой рукѣ вмѣсто копья, первымъ впереди своихъ войскъ выступилъ противъ враговъ. Когда варвары увидѣли его, всѣ тотчасъ обратились въ бѣгство и, давя другъ друга, понесли великія потери, — и это въ то время, когда противъ нихъ никого не было, когда никто не приближался и не нападалъ на нихъ. Такимъ образомъ онъ въ то время водрузилъ блестящіе трофеи надъ непріятелемъ. И съ того времени въ теченіе всей своей жизни увѣнчанный этимъ дивнымъ и побѣдоноснымъ оружіемъ, онъ чтилъ его выше царской короны, украшая себя и пользуясь имъ вмѣсто всякаго вооруженія. Такъ какъ слава этой чудной побѣды распространилась вездѣ, то жители великаго города Александріи по этому случаю устраивали ежегодно праздникъ и торжество и называли его *εἰρόνιον*, потому что они

изготовили портретъ царя, изобразивъ его съ оружіемъ, которымъ онъ былъ вооруженъ; и этотъ портретъ говорилъ о бывшемъ нѣкогда съ нимъ чудѣ.

80.—Но не таковъ твой учитель, Мамона, у котораго не было ни благочестія, ни вѣры, и который безстыдствовалъ и неистовствовалъ противъ Бога и святыхъ мужей, бывшихъ въ его глазахъ проклятыми. Гнушаясь апостольскаго и ангельскаго образа монашеской жизни, носящаго названіе нашей религіи (т. е. христіанскаго), онъ присвоилъ ему имя τὸ ἀννημόνευτον; ибо мерзость для грѣшника религія. А что тираннъ тираннически предпринималъ противъ нихъ,—заставлялъ нарушать данные Богу обѣты, слагать съ себя священное платье и облекаться въ мірское, принуждалъ ихъ вступать въ бракъ, во время цирковыхъ игръ связывалъ монаховъ и честныхъ инокинь попарно и безбожно и незаконно водилъ ихъ предъ народомъ и такъ поступалъ со всѣми христіанскими установленіями, а также другое, что онъ незаконно и нечестиво дѣлалъ съ ними,—это должно быть предметомъ большаго сочиненія, чѣмъ настоящее.

81.—Но перейди, если хочешь, къ царямъ послѣдующимъ и размысли объ ихъ долготѣи и благоденствіи, ибо для тебя мѣриломъ вѣры являются побѣды надъ врагами и славныя дѣянія настоящаго вѣка. Изобрѣтатель новой вѣры, или скорѣе новаго раздѣленія и невѣрія, неблагодарная тварь, рабъ роскоши, посмотри на древняго Юстиніана, какъ усердно и достославно чтилъ онъ изображенія воплотившагося Слова,—и онъ сорокъ два года пробылъ у власти надъ Римскою державой. А сколь счастливъ былъ онъ въ борьбѣ съ варварскими народами, объ этомъ повѣствуютъ многочисленные и достовѣрныя исторіи, и это извѣстно внимательно читавшимъ ихъ. Ты придаешь важное

значеніе постройкамъ и выставляешь строительство свидѣтельствомъ вѣры? Но не будемъ говорить о другихъ, громаднѣхъ и безчисленныхъ святыхъ храмахъ и прочихъ сооруженіяхъ, въ которыхъ онъ повѣствовалъ въ разнообразныхъ видахъ со всею красотою вочеловѣченіе Слова и подвиги святыхъ. Довольно для тебя изъ всѣхъ одного храма съ священнымъ наименованіемъ „Премудрости (Софіи)“ Бога Слова. Онъ есть достоудивнѣйшее изъ чудесъ, вызывающее удивленіе во всемъ мірѣ, по необыкновенной величинѣ и чрезвычайной красотѣ изумительнѣйшее и достопримѣчательное среди всѣхъ извѣстнѣйшихъ въ исторіи. Также нелегко, опуская слѣдовавшихъ въ серединѣ, сопоставить кого-либо съ Иракліемъ. Каково было его усердіе и почитаніе имъ святынь, объ этомъ громко возглашаютъ воздвигнутые имъ храмы. Отъ него время сохранило такъ называемыя нерукотворенныя иконы Спасителя нашего Христа, которыя онъ особенно любилъ и почиталъ, такъ что не хотѣлъ ни выходить, ни отправляться въ путь безъ нихъ, но имѣлъ при себѣ какъ спутниковъ и надежныхъ водителей. А каковы были его молитвы къ Пречистой Владычицѣ нашей Богородицѣ, а также памятованіе и призываніе святыхъ? Онѣ необходимы были для него такъ, что онъ не дышалъ безъ нихъ. А каковы его дѣла при такой вѣрѣ и благочестіи, объ этомъ расскажутъ города и провинціи, находившіяся въ то время подъ властію Персовъ, которыя возвращены и сохранены для Римлянъ его вѣрою и великими трудами. Легкомысліе и безпечность прежнихъ царей, а скорѣе грѣхи многихъ изъ нихъ, предали эти города врагамъ. Время его царствованія превысило тридцать лѣтъ, а продолжительность его жизни была вдвое болѣе этого числа. Такъ жили и управляли дѣлами

древніе и послѣдующіе за ними цари и начальники, отличавшіеся благочестіемъ. Что же ты скажешь на это? Гдѣ дѣла твоего учителя? Если то, чему ты удивляешься въ немъ, ты пожелаешь сравнить съ тѣмъ, что мы видимъ въ исторіи, то что получится? То, чѣмъ ты величаешься, по сравненію съ тѣмъ, окажется каплей въ океанѣ.

82.—Кромѣ того прежніе цари ни во время благоденствія не вооружались противъ живописнаго изображенія евангельской проповѣди, ни во время неудачъ не налагали рукъ на священные изображенія потому что христіанскую религію не измѣряли теченіемъ дѣлъ: жизнь никогда не бываетъ постоянною и твердою, мѣняется такъ или иначе, не остается никогда въ одномъ положеніи, иногда протекаетъ среди благопріятныхъ обстоятельствъ, иногда же измѣняется въ противоположную сторону. Такъ было, пока не настало время отступничества, и обвинители непорочной вѣры нашей и отступники, устремившись подобно звѣрямъ противъ стада Христова, надругались надъ всѣмъ благочестивымъ, незаконно и нечестиво по грѣхамъ нашимъ ниспровергли древнѣйшія и божественныя опредѣленія и законоположенія святой церкви и предпочли собственное ученіе или лучше сказать позоръ ученію Божію. Но ты, изслѣдуя нашу вѣру, оказываешься самъ невѣрующимъ и невѣждой, ибо отъ вѣры требуется не изслѣдованіе (это дѣло невѣрія), а простота души и безыскусственное согласіе чистой мысли: извѣстно, что именно эти свойства отличаютъ вѣрующаго человѣка. Мы же, дѣйствительно оцѣнивая невѣріе, останавливаясь мыслію на исходъ вещей и руководствуемые безопаснымъ мѣриломъ истины, утверждаемъ, что именно по невѣрію твоихъ учителей и вслѣдствіе поношенія Христа

и церкви многія провинціи, большіе города и племена, которые сохранили правую вѣру нашу, и изъ нихъ особенно живущіе на Западѣ, отдѣлились отъ насъ. Отъ сего отдѣленія произошло, что Римская держава попала въ бѣдственное положеніе и уменьшилась.

83.—Души многихъ тогда жившихъ людей, колебавшихся и затронутыхъ ересью, преданы вѣчному осужденію. Между тѣмъ предъ тобою ¹⁾ дѣла, успѣхи и долготѣіе благочестивыхъ царей. Если вѣра въ это въ состояніи научить тебя и руководить тобою по всему пути спасенія, если только ты когда заботился о спасеніи души, то подражай вѣрѣ ихъ, укрѣпляйся въ надеждѣ на Бога, восхваляй ихъ благочестивыя и благородныя дѣянія, презирай настоящее, устремляйся къ будущему, ожидай праведнаго суда Божія за содѣланное, чтобы, не прилѣпляясь только къ мірскому, на неумолимомъ и страшномъ судѣ вмѣстѣ съ незнавшими этого ты не былъ въ вѣчное наказаніе присужденъ къ гееннѣ. Тамъ ни царь, ни простецъ, ни богатый, ни бѣдный, ни другъ, ни сродникъ одинъ другому помочь будутъ не въ состояніи. Каждый дастъ отчетъ въ своихъ дѣлахъ и будетъ прославленъ или постыженъ. Но если ты не столь далеко зашелъ въ своемъ невѣріи, то можемъ сдѣлать попытку подняться изъ бездны заблужденія и направиться на правый путь истины. Для пользы и успѣха твоего пребыванія у власти тебѣ слѣдуетъ выслушать, гдѣ и какъ эта ересь, или скорѣе отступничество, получила свое начало и развитіе, дабы ты хорошо зналъ, что это не царское, а іудейское ученіе

¹⁾ Отселѣ авторъ говоритъ о своемъ времени и, можетъ быть, обращается къ императору Льву V армянину.

и злоумышленіе. Сверхъ всѣхъ прочихъ ересей, которыя, будучи посѣяны въ церкви Христовой врагомъ, дали дурное произрастеніе, выросли и эти жесткія и нечестивыя тернія. Она присоединяется къ сонму прежнихъ и считается съ прежде исчисленными сто второй. Она такова.

Ересь 102-я. Христіанообвинители или иконоборцы.

84. Они называются обвинителями христіанъ потому, что въ то время какъ христіане служатъ единому Богу живому и истинному въ Троицѣ поклоняемому, обвиняютъ ихъ, утверждая, будто они служатъ честнымъ иконамъ Господа нашего Іисуса Христа, Пречистой Владычицы нашей и Пресвятыя Богоматери и Святыхъ, какъ богамъ, на подобіе язычниковъ, причемъ иконы низвергаютъ, а почитающихъ ихъ по преданному издревле обычаю подвергаютъ жестокимъ пыткамъ. Воззрѣніе это Іудейское и богоненавистное. Нѣкоторые изъ древнихъ говорятъ, что ересь эта произошла такъ. Въ Тиверіадѣ былъ извѣстенъ нѣкто Іудейской религіи, выдававшійся среди своего народа, по имени Тессараконта—Пихисъ. Будучи органомъ злого духа, воспринявъ его въ себя всецѣло, онъ занимался искусствомъ врачеванія и чародѣйства. Онъ былъ врагъ христіанъ, злословилъ церковь Христову и выжидалъ время, когда могъ бы выступить на ея поруганіе. Онъ пользуется легкомысліемъ тогдашняго Саѣадинскаго вождя, по имени Іезида, сближается съ нимъ, высказывая ему свою преданность, предсказываетъ ему нѣчто пріятное и въ тоже время общаетъ, что если Іезидъ будетъ слѣдовать его совѣтамъ, то царствованіе его будетъ долговременно и продлится тридцать лѣтъ. Іезидъ, возбуждаемый легкомысліемъ, любя распущенную жизнь, съ удоволь-

ствіемъ внимая ему въ томъ, что касалось плотолюбія, поддався внушеніямъ нечестивца. Внушеніе же состояло въ повелѣніи немедленно во всей его державѣ удалить и уничтожить всѣ воздвигнутыя иконы и изображенія всего живого. Дьявольскій умыселъ богоборца, скрывавшаго свою хитрость, былъ тотъ, чтобы незамѣтно при уничтоженіи всѣхъ изображеній уничтожить вмѣстѣ и наше священное живописное благолѣпіе. По обнародованіи этого нечестиваго указа было немедленно уничтожено вмѣстѣ съ прочими изображеніями и статуями и украшеніе Христовыхъ храмовъ священными изображеніями: одни изъ нихъ соскоблили, другія закрасили, а иныя вмѣстѣ съ священными храмами, сосудами и одеждами предали огню. И это совершалось гнусными и нечестивыми руками, ибо посланные для этой цѣли заставляли выполнять указъ христорборца Іудеевъ и Сарацинъ. Христіане же, хотя ихъ понуждали силою, отказывались участвовать въ этомъ преступленіи. Такъ явившееся и выросшее зло перешло въ державу Римскую. И эту пагубу приняли не какіе-либо встрѣчные, а сами представители священства, именуемые пастырями, на самомъ же дѣлѣ въ душѣ волки; среди нихъ былъ между прочимъ тогдашній епископъ Николійскій. Думая и поступая одинаково съ богоборцами, они поносили церковь Божію.

Нельзя пройти молчаніемъ того, каковъ былъ конецъ виновника этого бѣдствія пресквернаго еврея. Іезидъ, проживъ не болѣе двухъ лѣтъ и шести мѣсяцевъ, бѣдственно закончилъ свою жизнь. Сынъ его по имени Улидъ, принявъ власть отца, приказалъ предать волшебника жестокой ужасной смерти за обманъ его родителя. Въ тоже время немедленно восточная церковь вернула себѣ свое украшеніе и воз-

становила святые иконы. Но разъ корень ядовитаго растенія былъ посаженъ въ Римскую державу, оно достигло и до тогдашняго императора. Это былъ Левъ и именемъ и нравомъ, уязвляемый одинаково, какъ и тотъ варваръ (Езидъ), жаломъ невождержанія и плотоугодія, бѣснуясь противъ вѣры, старался уничтожить священную живопись въ святыхъ храмахъ. Ему преемствовалъ во власти и нечестіи сынъ Константинъ, который воздвигъ противъ православныхъ непримиримую борьбу: онъ созвалъ соборъ нечестивыхъ іерарховъ и издалъ нечестивый указъ въ пользу своего безбожія, согласно которому священныя иконы уничтожались, а тѣ, кои поклонялись имъ и говорили въ защиту ихъ, предавались жестокимъ пыткамъ и истязаніямъ,—при чемъ на нихъ возводилось обвиненіе въ идолопоклонствѣ, какъ будто они поклонялись иконамъ, какъ богамъ. Священный же образъ монашеской жизни подлежалъ упраздненію и поношенію, и монашествующіе должны были или перемѣнить одежду, или подвергнуться разнымъ наказаніямъ. Изъ этого для васъ ясно, что это—Іудейское ученіе. А каково христіанское ученіе, вы знаете. Итакъ, отъ вашего рѣшенія зависитъ избрать благое и спасительное, или худое и пагубное.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

**Разборъ и опроверженіе невѣжественнаго и безбожнаго
суетсловія нечестиваго Мамоны противъ спасительнаго вопло-
щенія Бога Слова.**

Опроверженіе первое	1
Опроверженіе второе	97
Опроверженіе третье	135
